ISSN 2225-5346
e-ISSN 2686-8989

БФУ им. И. Канта

IKBFU

СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU: BALTIC ACCENT

2020

Том / Vol. 11

№ 4

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ И РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ

Тематический выпуск

SPEECH AGGRESSION AND SPEECH ETIQUETTE

Thematic issue

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта

Immanuel Kant Baltic Federal University Press

2020

12+

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2020
Том 11
№ 4

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2020.
123 с.

Учредитель
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Редакция
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Чернышевского, 56

Издатель
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Типография
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Издание
зарегистрировано
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации
СМИ ПИ
№ ФС77-46308
от 26 августа 2011 г.

Редакционная коллегия

Владимир Александрович Плунгян, доктор филологических наук, академик РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия) — и.о. главного редактора; *Сурен Тиграновичч Золян*, доктор филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — главный научный редактор; *Алексей Николаевич Черняков*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — ответственный редактор; *Наталия Сергеевна Автономова*, доктор философских наук, Институт философии РАН (Россия); *Наталия Михайловна Азарова*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН (Россия); *Томас Венцлова*, профессор, Йельский университет (США); *Димитр Веселинов*, профессор, Софийский университет им. Святого Климента Охридского (Болгария); *Ив Гамбье*, доктор лингвистики, профессор, Университет Турку (Финляндия); *Игорь Николаевич Данилевский*, доктор исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Вера Ивановна Заботкина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (Россия); *Михаил Васильевич Ильин*, доктор политических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Максим Анисимович Кронгауз*, доктор филологических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Александр Васильевич Лавров*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт русской литературы РАН (Россия); *Михаил Лотман*, профессор, Таллинский университет, Тартуский университет (Эстония); *Михаил Андреевич Осадчий*, доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Россия); *Джеймс Расселл*, профессор, Гарвардский университет (США), Иерусалимский университет (Израиль); *Игорь Витальевич Силантьев*, доктор филологических наук, Институт филологии СО РАН (Россия); *Игорь Павлович Смирнов*, профессор, Констанцский университет (Германия); *Питер Стайнер*, профессор, Университет Пенсильвании (США); *Григорий Львович Тульчинский*, доктор философских наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Ефим Сергеевич Фидря*, кандидат социологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Сергей Львович Фирсов*, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); *Татьяна Валентиновна Цвигун*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Вадим Александрович Чалый*, доктор философских наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук, распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р, а также в список журналов, индексируемых в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science, и ядро РИНЦ.

Подписной индекс 36836
Тираж 120 экз.
Дата выхода в свет 11.08.2020 г.

© БФУ им. И. Канта, 2020

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT
2020
Vol. 11
№ 4

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2020.
123 p.

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Address

14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236016

Editorial office

56 Chernyshevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236022

Publishing house

6 Gaidara St.,
Kaliningrad, Russia,
236022

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

Mass Media
Registration Certificate
PI № FS77-46308,
on 26 August, 2011

Editorial board

Prof. *Vladimir A. Plungyan*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (Russia) — Acting Editor-in-Chief; Prof. *Suren T. Zolyan*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) — Scientific Editor; Dr *Alexey N. Chernyakov*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) — Executive Editor-in-chief; Prof. *Natalia S. Avtonomova*, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Nataliya M. Azarova*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Tomas Venclova*, Yale University (USA); Prof. *Dimitar Vesselinov*, Sofia University 'St. Kliment Ohridski' (Bulgaria); Prof. *Yves Gambier*, University of Turku (Finland); Prof. *Igor N. Danilevskii*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Vera I. Zabotkina*, Russian State University for the Humanities (Russia); Prof. *Mikhail V. Ilyin*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Maxim A. Krongauz*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Alexander V. Lavrov*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Mihhail Yu. Lotman*, Tallinn University, University of Tartu (Estonia); Prof. *Mikhail A. Osadchy*, Pushkin State Russian Language Institute (Russia); Prof. *James R. Russell*, Harvard University (USA), the Hebrew University of Jerusalem (Israel); Prof. *Igor V. Silantyev*, Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Igor P. Smirnov*, University of Konstanz (Germany); Prof. *Peter Steiner*, University of Pennsylvania (United States); Prof. *Grigorii L. Tulchinskii*, St. Petersburg School of Social Sciences and the Humanities, National Research University Higher School of Economics (Russia); Dr *Efim S. Fidrya*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Prof. *Sergey L. Firsov*, Saint Petersburg State University (Russia); Dr *Tatyana V. Tsvigun*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Prof. *Vadim A. Chaly*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia)

© Immanuel Kant Baltic
Federal University, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора: речевая агрессия и речевой этикет (*М. Кронгауз*) 6

ЮБИЛЕЙНОЕ

Цвигун Т.В., Черняков А.Н. «Слово.ру: балтийский акцент»: опыт ретроспекции 7

АГРЕССИЯ В РЕЧЕВОМ АКТЕ И ДИСКУРСЕ

Захаркив Е.В. Неконвенциональное функционирование дискурсивных слов как маркеров автореференциальной агрессии в современной поэзии 15

Пробст Н.А. Эмоциональный и рецептивно-аксиологический аспекты речевого акта угрозы в русскоязычной повседневной конфликтной коммуникации 28

Тиллабаева А.А., Шульгинов В.А. Речевое поведение интернет-пользователей в ситуации конфронтационного общения 45

Тульчинский Г.Л. Argumentum ad morti в дискурсе насилия: семантика и прагматика «радикальной» аргументации 58

Шмурак Р.И. Формальные средства выражения упрека в русском дискурсе 65

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ И ЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ

Кронгауз М.А., Пиперски А.Ч., Тиллабаева А.А. Употребление полных и кратких форм русских личных имен: количественные методы исследования 80

Сомин А.А., Гриднева Е.М. Обращение *господа* в исторической перспективе 91

Фуфаева И.В. История появления в русском языке дружеских обращений *старина* и *старик* 108

CONTENTS

***From the editor**:* speech aggression and speech etiquette (*M. Krongauz*) 6

ЮБИЛЕЙНОЕ

Tsvigun T. V., Chernyakov A. N. «Slovo.ru: baltic accent»: retrospective analysis 7

AGGRESSION IN SPEECH ACTS AND DISCOURSE

Zakharkiv E. V. Verbal aggression in modern poetry: conventional and unconventional functioning of discourse markers 15

Probst N. A. Emotional and receptive-axiological aspects of the speech act of threat in everyday conflict communication in Russian 28

Tillabaeva A. A., Shulginov V. A. Speech behaviour of Internet users in conflict communication 45

Tulchinsky G. L. Argumentum ad morti in the violence discourse: the semantics and pragmatics of 'radical' argumentation 58

Shmurak R. I. Formal terms of reproach in Russian discourse 65

SPEECH ETIQUETTE AND ITS FORMULAS

Krongauz M. A., Piperski A. Ch., Tillabaeva, A. A. Full and short personal names in Russian: a quantitative study 80

Somin A. A., Gridneva E. M. Historical perspective on the word *gospoda* as a form of address 91

Fufaeva I. V. History of the words *starina* and *starik* as terms of friendship in Russian 108

ОТ РЕДАКТОРА

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ И РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ

В XXI веке человечество озабочено нарастанием реализующейся в разнообразных формах агрессии и поиском защиты от нее, включая превентивные меры. К наукам, изучающим агрессию и конфликт, присоединилась лингвистика: ученые, обратившие внимание на речевую агрессию, которая формируется с помощью языковых средств. К этим средствам относятся и непосредственная брань, и так называемый язык вражды, и менее заметные маркеры конфликтной коммуникации, часто реализуемые в качестве оценочного компонента лексического значения. Особую роль в этой проблемной области занимают вежливость и речевой этикет, которые следует рассматривать как традиционный для цивилизации механизм защиты от вербальной агрессии.

На стыке двух веков возникла и новая отрасль лингвистики — лингвистическая конфликтология, еще не вполне четко очертившая собственное исследовательское пространство. Однако можно отметить тенденцию расширения его границ и движение от исследований исключительно конфликта языков в условиях языкового контакта к исследованию конфликта людей с помощью языка, то есть конфликтной коммуникации. Особо следует выделить исследовательскую область, выполняющую переходную функцию: речь идет о конфликтной коммуникации, источником которой становится язык, в частности языковые единицы.

Ядро этого номера составили работы участников межуниверситетского семинара по лингвистической конфликтологии и речевому этикету, организованного совместно лабораторией лингвистической конфликтологии и современных коммуникативных практик НИУ ВШЭ и лабораторией социолингвистики РГГУ. Таким образом, для большинства статей тематического выпуска можно говорить о единых идеологии и методологии.

Хочется поблагодарить журнал «Слово.ру: балтийский акцент» и его редколлегию, поддержавших предложенную мной тему.

Работа редактора номера была осуществлена в рамках гранта РФФИ (№18-012-00712) «Русский речевой этикет: традиции и тенденции» в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики».

Максим Кронгауз,
приглашенный редактор номера

ЮБИЛЕЙНОЕ

УДК 82-92

«СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ»: ОПЫТ РЕТРОСПЕКЦИИ

***Т. В. Цвигун*[1], *А. Н. Черняков*[1]**

[1] Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 05.11.2020 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-1

Обзор посвящен ретроспективному анализу развития журнала «Слово.ру: балтийский акцент» в период с 2010 по 2020 год. Рассматриваются значимые изменения в редакционной политике издания, динамика его тематического профиля. Устанавливается вектор изменения от подисциплинарного гуманитарного издания, рассчитанного на широкую читательскую аудиторию, к трансдисциплинарному научному журналу, в котором разные дисциплинарные области (лингвистика, литературоведение, история, философия, семиотика) инкорпорируются в единый методологический комплекс, понимаемый с позиций актуальной парадигматики современного гуманитарного знания.

Ключевые слова: *научная периодика, языкознание, литературоведение, трансдисциплинарные исследования*

Если говорить строго формально, текущий 2020 год является не десятым, а одиннадцатым в публикационной истории журнала «Слово.ру: балтийский акцент» — иначе говоря, годом не юбилейным, а постъюбилейным. Вместе с тем первый выпуск журнала, вышедший в 2010 году на тот момент еще в Российском государственном университете им. И. Канта, скорее следует считать пилотным, «пробой пера», обозначением издательской перспективы, а саму историю журнала как полноценного научного издания вести с 2011 года — времени преобразования университета в Балтийский федеральный университет им. И. Канта[1]. В этом смысле журнал «Слово.ру: балтийский акцент» де-факто вполне можно считать ровесником федерального университета, в котором он издается. В ретроспективном обзоре, завершающем цикл выпусков 2020 года, мы обозначим основные этапы развития журнала, динамику его тематического профиля, значимые изменения в редакционной политике издания за истекшее десятилетие.

[1] Создан постановлением Правительства РФ № 2483-р от 30 декабря 2010 года на базе Российского государственного университета им. И. Канта.

© Цвигун Т. В., Черняков А. Н., 2020

На момент возникновения издательского проекта «Слово.ру: балтийский акцент» в университете уже успешно функционировало несколько научных журналов социально-гуманитарного профиля — соответствующие тематические серии «Вестника Российского государственного университета им. И. Канта» (в настоящее время «Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта»), «Балтийский регион» (издание, посвященное вопросам социального, экономического, политического, культурного развития Балтийского региона) и «Балтийский филологический курьер» (журнал по вопросам теоретического и сравнительного литературоведения, издавался до 2013 года). В условиях существования такого полидисциплинарного социогуманитарного контекста ректором университета А.П. Клемешевым была обозначена цель — создание журнала, который мог бы органично совмещать науку и публицистику, глубину академического исследования с широтой проблемного охвата и ориентацией на открытую читательскую аудиторию в России и за рубежом, интересующуюся актуальными вопросами развития общества, языка и литературы, истории, культурной жизни региона Балтийского моря.

Во вступительном слове, которое открывало первый номер издания, А.П. Клемешев отметил: «Наш новый информационный проект посвящен Русскому миру и адресован его сообществу: гражданам России разных национальностей… русскоязычной аудитории ближнего (страны Балтийского региона) и дальнего зарубежья, а также всем сопричастным русскому языку и литературе, истории и культуре России. Наша цель — всестороннее обсуждение важнейших вопросов настоящего, прошлого и будущего Русского мира, что называется, здесь и сейчас» (Клемешев, 2010, с. 8). Также были обозначены основные тематические поля нового журнала: «Общество», «Язык», «Культура», «История», «Философия», — вокруг которых в дальнейшем стали выстраиваться рубрики издания. Главным редактором журнала стал д-р филол. наук, проф. В.И. Грешных, а в редакционный совет вошли видные отечественные и зарубежные филологи, историки, философы, политологи Л.А. Кудрявцева (Киевский национальный университет им. Т.Г. Шевченко), Г. Кундротас (Вильнюсский университет), Б.Н. Тарасов (Литературный институт им. А.М. Горького), И.Н. Данилевский (НИУ ВШЭ), М.В. Ильин (МГИМО) и др.

Установка на междисциплинарность в социогуманитарном проблемном поле четко прослеживается в наименовании постоянных рубрик, которые структурировали журнал в период с 2010 по 2016 год. Так, филологическая проблематика была представлена в журнале рубриками «Язык: пульс времени», «Словесность», «Аспекты художественного текста», «Истоки», «Побережье», историческая (в том числе в аспекте региональной истории) — рубриками «Знаки истории», «Лабиринты истории», «Документы времени», «Русские в Кёнигсберге», социально-политическая — разделами «Актуально» и «Общество: полемический след», философская — рубриками «Философские страницы» и «С любовью к мудрости», религиоведческая — рубрикой «Икона». Отдельно следует сказать о рубрике «Персона», в которой в №3/4 за 2011 год бы-

ла представлена републикация малодоступной в России статьи крупнейшего польского литературоведа Ежи Фарыно «"Бессонница" Марины Цветаевой (Опыт анализа цикла)», сопровождавшаяся вступительной статьей Т.В. Шмелевой «Словесность Ежи Фарыно». Начиная с 2017 года рубрикация журнала претерпевает значительные изменения, что было связано со сменой редакционной политики и дисциплинарного вектора издания: регулярными становятся рубрики «Русистика за рубежом», «Слово и дело: язык в дискурсивных практиках», в целом же наблюдается отход от рубрикационного принципа подачи материала в сторону тематического принципа.

В период с 2010 по 2012 год (гл. ред. В.И. Грешных) журнал последовательно позиционировался как гуманитарное издание широкого профиля, в котором наряду с оригинальными научными исследованиями по литературоведению, языкознанию, истории, философии, культурологии также публиковались интервью и материалы дискуссий на общественно-политические темы (см. интервью с О. Гаман-Голутвиной и тезисы выступления В. Якунина в №3/4 за 2011 год, материалы о статусе русского языка в Латвии в №1 за 2012 год и др.), новейшие переводы поэзии (фрагменты нового перевода поэмы К. Донелайтиса «Времена года» в №1/2 за 2010 год, современная польская поэзия в переводах калининградского поэта И. Белова в №3/4 за 2011 год), ключевые тексты русской словесности с комментариями («Повесть о Петре и Февронии» в №1/2 за 2010 год, «Поучение Владимира Мономаха» в №3/4 за 2011 год и др.), публицистические материалы, фотодокументалистика и др.

Отдельное значимое место в выпусках 2010—2012 годов занимала публикация материалов проводимых Балтийским федеральным университетом им. И. Канта научных мероприятий — открытых дискуссий, круглых столов, конференций, посвященных актуальным проблемам русского языка в языковом и общественно-политическом пространстве начала XXI века. Так, в №1 за 2011 год были представлены материалы открытой дискуссии «Состояние и перспективы межкультурного взаимодействия в странах Балтии: фактор России», участниками которой выступили специальный представитель президента РФ по международному культурному сотрудничеству М. Швыдкой, экс-министр культуры Эстонии Я. Аллик, профессор Вильнюсского университета Д. Балшайтите, ректор Вильнюсского педагогического университета А. Гайжутис, директор Рижского театра им. М. Чехова Э. Цеховал, представители русскоязычных СМИ стран Балтии. В 2012 году (№2) на страницах журнала публиковались выступления участников международной конференции «Культура сохранения языка межнационального общения в странах СНГ и Балтии» (состоялась 27—28 апреля 2012 года в БФУ им. И. Канта при поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ) — представителей вузов, национальных академий наук, телерадиокомпаний, СМИ, специалистов в области культуры, науки и образования из Азербайджана, Армении, Беларуси, Латвии, Литвы, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана, Узбекистана, Украины, Эстонии. Четвертый выпуск журнала за 2012 год был целиком посвящен материалам

круглого стола «Русское слово — инструмент создания образа России за рубежом» (на нем выступили журналисты В. Т. Третьяков, В. К. Мамонтов, бывший депутат Европарламента Дж. Кьеза, филологи С. Т. Золян, О. А. Клинг, Ю. В. Доманский, ведущие специалисты в области преподавания русского языка как иностранного Н. В. Кулибина и В. В. Молчановский) и Международного молодежного гуманитарного форума «XXI век: Русское слово в России и за рубежом», организованного при поддержке фонда «Русский мир», в котором приняли участие аспиранты и молодые вузовские преподаватели из университетов России, Польши, Литвы, Латвии и Эстонии.

Эта издательская традиция — синтез значимых научных событий и публикационной практики — получила поддержку и развитие на последующих этапах развития журнала «Слово.ру: балтийский акцент». Так, №3 и 4 за 2016 год были полностью посвящены материалам международной научной конференции «"Чтение для сердца и разума": к 250-летию Н. М. Карамзина», прошедшей в БФУ им. И. Канта 12—13 декабря 2016 года, №2 за 2017 год включил статьи ряда участников научной конференции «Человек и общество в потоке времени и в пространстве слова, культуры, просвещения», приуроченной к юбилею профессора В. И. Гальцова, в №1 за 2017 год и в №2 за 2019 год публиковались статьи по итогам работы регулярного международного научного семинара «Агиография в русском культурном пространстве». Второй выпуск текущего 2020 года содержит материалы по итогам двух юбилейных научных мероприятий — международного научного семинара «А. Т. Болотов: биография, творчество, контексты» и международной научной конференции «Феномен Пушкина: словесность, история, культура», посвященной 220-летию со дня рождения поэта.

После ухода из жизни профессора В. И. Грешных (его памяти посвящен тематический блок — последнее присутствие в журнале рубрики «Персона» — в №4 за 2012 год) редакционную коллегию журнала «Слово.ру: балтийский акцент» возглавил д-р филол. наук, проф. Г. И. Берестнев. Под его руководством (2013—2016) журнал в целом сохранял свою полидисциплинарность, сконцентрировавшись на четырех предметных полях — лингвистике, литературоведении, истории и философии. Лингвистической проблематике была посвящена сохранившая прежнее название рубрика «Язык: пульс времени», в то время как рубрики, раскрывающие проблемы литературоведения, истории и философии, получили новые названия: «Аспекты художественного текста», «Лабиринты истории» и «С любовью к мудрости» соответственно. Начиная с 2013 года журнал последовательно отходит от исходного формата гуманитарного издания, рассчитанного на широкую аудиторию, в сторону издания собственно научного. Это четко прослеживается в смене тематического вектора журнала от общих вопросов, характерных для этапа становления издания, к вопросам проблемным и дискуссионным: так, в статьях по лингвистике на данном этапе рассматриваются проблемы языковых проекций невербальных феноменов (сновидений, бессознательного и др.), актуальных языковых процессов, исследуются фрагменты русской языковой картины мира, лингвисти-

ческие механизмы анаграмм, актуализируется интерес к исследованиям в области сопоставительного языкознания, социолингвистики, изучения новых дискурсивных формаций и др.; литературоведческие статьи посвящены проблематике пограничных форм словесности (авторская песенность и др.), сравнительного изучения литератур, аксиологии русской литературы, современного литературного процесса и др.; цикл материалов по истории в основном связан с разработкой вопросов региональной истории. Кроме того, в журнале появляется новая регулярная рубрика — «В иных семиотических мирах», которая была посвящена различным аспектам семиотического исследования искусств, в первую очередь визуальных.

Третий этап публикационной истории журнала «Слово.ру: балтийский акцент» (с 2017 года по настоящее время) ознаменован продолжающимся сотрудничеством Балтийского федерального университета им. И. Канта с д-ром филол. наук, проф. С.Т. Золяном, приглашенным на должность главного редактора издания. Вторая половина 2010-х годов стала периодом закрепления, развития и профилизации журнала именно как научного издания, усиления его конкурентных позиций и академической узнаваемости в российском и мировом научном сообществе. Комментируя избранный вектор развития журнала в «Слове редактора», открывавшем №1 за 2017 год, С.Т. Золян подчеркнул: «"Слово. ру: балтийский акцент" мыслится нами как трансдисциплинарный филологический журнал. Его концептуальный стержень — филология, понимаемая и в этимологическом, и в широком смысле: и как любовь к слову, и как "служба понимания" (С. Аверинцев). <…> Журнал мыслится как открытая дискуссионная площадка для обсуждения перспектив и потенциальных точек роста социогуманитарного знания в новых парадигматических измерениях российской и мировой науки… Особое внимание мы планируем уделить представлению результатов научного сотрудничества и взаимодействия. Более того, сам журнал мыслится нами как инструмент, зеркало и продукт подобного сотрудничества, объединяющий ученых из разных стран, представителей разных специальностей, разных академических школ и направлений. <…> Мы постараемся… создать условия для развития трансдисциплинарного профиля журнала по теоретической и исторической русистике. Именно эти характеристики — междисциплинарность, проблемность и сосредоточенность на совместных проектах — должны… обеспечить журналу его нишу среди периодических изданий по филологии и русистике» (Золян, 2017, с. 6—8). Таким образом, 2017 год стал годом перехода журнала от *поли-* и *междисциплинарного* издания к изданию *трансдисциплинарному*, когда актуальные ранее дисциплинарные области, в частности история, философия и семиотика, стали инкорпорироваться на уровне своих проблем, задач и исследовательских методов в единый методологический комплекс, понимаемый с позиций актуальной трансдисциплинарной парадигматики гуманитарного знания.

Значимый поворот издательской политики журнала «Слово.ру: балтийский акцент» поставил перед необходимостью существенного пере-

смотра состава редакционной коллегии издания. В настоящий момент редколлегия журнала представлена ведущими отечественными и зарубежными специалистами в области гуманитарных наук — лингвистами В. А. Плунгяном, Н. М. Азаровой, Д. Веселиновым, И. Гамбье, В. И. Заботкиной, М. А. Кронгаузом, М. А. Осадчим, Дж. Расселлом, литературоведами Т. Венцлова, А. В. Лавровым, М. Лотманом, И. В. Силантьевым, И. П. Смирновым, П. Стайнером, философами Н. С. Автономовой и Г. Л. Тульчинским, политологом М. В. Ильиным, историками И. Н. Данилевским и С. Л. Фирсовым. Привлечение к сотрудничеству в работе над созданием и продвижением журнала столь репрезентативного ансамбля исследователей открыло новые возможности не только для расширения состава авторов, публикуемых в журнале, но и для реализации перспективных академических коллабораций, результатом чего стала подготовка серии тематических выпусков журнала, посвященных наиболее актуальным проблемам современной гуманитарной науки в их трансдисциплинарном преломлении. Первым важным итогом такого сотрудничества стали два тематических выпуска (№3 и 4 за 2017 год), подготовленных совместно с сотрудниками Института языкознания РАН Н. М. Азаровой, С. Ю. Бочавер и В. В. Фещенко, тематической основой которых стало осмысление культурных трансферов — «переноса знаний между разными культурами, профессиональными сообществами и дискурсами… вкраплений, интерференций, гибридизаций, трансформаций, которые возникают при соприкосновении языков, культур и дискурсов» (Азарова, Бочавер, Фещенко, 2017, с. 5), «междискурсивных и межъязыковых взаимодействий, а также когнитивных механизмов, обеспечивающих трансфер, на синхронном и диахроническом уровнях» (Там же, с. 6). Данное исследовательское направление получило развитие в двух выпусках (№1 и 3 за 2019 год), посвященных проблемам перевода; приглашенным редактором этих номеров выступил профессор Ив Гамбье — автор более двухсот научных работ, посвященных теоретическим и образовательным аспектам перевода, главный редактор серии международных академических изданий по переводу и переводоведению *Benjamins Translation Library*, а авторами — ведущие современные исследователи в области переводоведения Э. Честерман, М. Руссо, Л. Давье, Д. Фоларон, К. Шеффнер, Л. Ван Доорслер и др.

Обсуждение трансдисциплинарной проблематики на границах разных предметных областей гуманитарного знания последовательно становится главным вектором научного развития журнала. К числу программных материалов в данном направлении следует отнести опубликованную в №1 за 2018 год статью акад. В. А. Плунгяна «Лингвистика в XXI веке: проблемы, перспективы, точки роста», посвященную обозначению ключевых проблем, которые определяют развитие лингвистической науки в XXI веке. В период с 2017 года по настоящее время специальные тематические выпуски журнала «Слово.ру: балтийский акцент» были посвящены, наряду с указанными выше, таким актуальным областям гуманитарной науки, как междисциплинарные теории образа (№2 за 2018 год; редакторы номера — С. Т. Золян, М. В. Ильин,

И.В. Фомин), исследовательские платформы социальной семиотики (№4 за 2018 год), философия текста (№4 за 2019 год и №1 за 2020 год; редакторы номера — С.Т. Золян и Г.Л. Тульчинский), исследование историко-политических концептов (№3 за 2020 год; приглашенный редактор номера — А.А. Тесля); в настоящий выпуск вошли материалы, посвященные перспективам развития лингвистической конфликтологии как становящейся области лингвистики (приглашенный редактор номера — М.А. Кронгауз). В подобной установке на монографическое осмысление дискуссионных вопросов современной гуманитарной парадигмы силами межуниверситетских и международных исследовательских коллабораций редколлегия журнала видит наиболее перспективный и жизнеспособный путь развития трансдисциплинарных исследований на современном этапе науки.

Genius loci журнала — российский эксклав на Балтике — во многом предопределил не только его название, но и значимый вектор публикационной политики издания. Журнал на протяжении всех этапов своего развития продолжает сохранять устойчивый интерес к исследованию аспектов гуманитарного диалога и сотрудничества в Балтийском макрорегионе. Его ядро в понимании редколлегии журнала составляют вопросы языковой политики, мультиязычия, языковых и культурных трансферов в государствах региона Балтийского моря в исторической перспективе и на современном этапе, проблемы взаимодействия национальных литератур (русской, польской, литовской, немецкой и др.), «точки встречи» национальных историй, процессы интеллектуального и культурного взаимообмена. Неизменна традиция участия с публикациями в журнале исследователей из ведущих университетов и научных центров стран Балтийского макрорегиона — Польши (Гданьский университет, Варшавский университет, Варминьско-Мазурский университет), Литвы (Вильнюсский университет, Университет им. Витаутаса Великого, Литовский эдукологический университет), Латвии (Латвийский университет), Эстонии (Тартуский университет, Таллинский университет), Финляндии (Университет Турку, Университет Хельсинки). Дальнейшее развитие международного научного сотрудничества, расширение поля исследовательского диалога, открытие новых аспектов «балтийского акцента» составляют основу редакционной стратегии журнала на ближайшую перспективу и обозначают путь закрепления издания в общемировом контексте научной периодики.

Список литературы

Азарова Н., Бочавер С., Фещенко В. От редакторов // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. №3. С. 5—6.

Золян С.Т. Слово редактора // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. №1. С. 5—8.

Клемешев А. Предисловие // Слово.ру: балтийский акцент. 2010. №1—2. С. 8—10.

Об авторах

Татьяна Валентиновна Цвигун, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: ttsvigun@kantiana.ru

Алексей Николаевич Черняков, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: achernyakov@kantiana.ru

Для цитирования:
Цвигун Т.В., Черняков А.Н. «Слово.ру: балтийский акцент»: опыт ретроспекции // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №4. С. 7—14. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-1.

«SLOVO.RU: BALTIC ACCENT»: AN ATTEMPT IN RETROSPECT

T. V. Tsvigun[1], *A. N. Chernyakov*[1]

[1] Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevsky St., Kaliningrad, 236016, Russia
Submitted on November 5, 2020
doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-1

This paper is a retrospective analysis of the development of the journal "Slovo.ru: Baltic Accent" since 2010. There have been significant changes in the editorial policy of the journal and the variety of themes has become remarkably rich. The main approach to the formation of the content of the journal has changed from polydisciplinarity to transdisciplinarity. The journal is now designed for a much wider readership, representing different fields of science (linguistics, literary criticism, history, philosophy, semiotics, etc.), incorporated into a single methodological complex. The journal unites different paradigms of modern humanities and beyond.

Keywords: *academic periodicals, linguistics, literary criticism, transdisciplinary research*

References

Azarova, N., Bochaver, S. and Feshchenko, V., 2017. Editors' Preface. *Slovo.ru: Baltic accent*, 8 (3), pp. 5—6 (in Russ.).
Zolyan, S.T., 2017. Editor's note. *Slovo.ru: Baltic accent*, 8 (1), pp. 5—8 (in Russ.).
Klemeshev, A., 2010. Preface. *Slovo.ru: Baltic accent,* 1 (1—2), pp. 8—10 (in Russ.).

The authors

Dr Tatyana V. Tsvigun, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: ttsvigun@kantiana.ru

Dr Aleksey N. Chernyakov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: achernyakov@kantiana.ru

To cite this article:
Tsvigun, T.V., Chernyakov, A.N. 2020, «Slovo.ru: baltic accent»: An attempt in retrospect, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 4, p. 7—14. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-1.

АГРЕССИЯ В РЕЧЕВОМ АКТЕ И ДИСКУРСЕ

УДК 81'42

НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ СЛОВ КАК МАРКЕРОВ АВТОРЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ АГРЕССИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

Е. В. Захаркив[1]

[1] Институт языкознания РАН
125009, Россия, Москва, Большой Кисловский переулок, 1, стр. 1
Поступила в редакцию 23.04.2020 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-2

Рассмотрена специфика реализации речевой агрессии в поэтической коммуникации с акцентом на неконвенциональном функционировании «дискурсивных слов-агрессоров». Цель исследования – анализ агрессивного речевого поведения в поэтической коммуникации и выявление некоторых отличий от его осуществления в обыденном дискурсе. Методология исследования включает методы лингвопрагматического и лингвопоэтического подходов и дискурсивный анализ. Предметом анализа выступили дискурсивные слова, маркирующие речевую агрессию, а также поэтические высказывания, содержащие акты агрессивного речевого поведения как в эксплицитной, так и в имплицитной форме выражения. В результате исследования выявлены специфические стратегии речевой агрессии в поэтической коммуникации, к которым можно отнести осуществление автореференциальной критики (посредством речевой агрессии, направленной на язык высказывания, на субъект высказывания, на поэтическое высказывание как таковое и также на перцептивный механизм), а также участие в формировании поэтической адресации и субъективации.

Ключевые слова: *поэтический дискурс, обыденный дискурс, поэтическая коммуникация, речевая агрессия, дискурсивные слова, автореференциальность, неконвенциональное функционирование*

Введение. Речевая агрессия в поэтическом и обыденном дискурсах

Существование большого количества терминов и понятий, коррелирующих с явлением агрессивного поведения в речи («языковая агрессия», «речевая агрессия», «вербальная агрессия», «словесная агрессия», «коммуникативная агрессия» и т. д.) обусловлено проблемой определения статуса агрессии в лингвистике. До недавнего времени аг-

© Захаркив Е. В., 2020

рессия как тип речевого поведения в основном являлась предметом социально-психологических исследований (Bandura, 1983; Baron, Richardson, 1994; Басс, 1967). В отечественной лингвистике исследованием данного вопроса занимались Т.М. Николаева, Л.П. Крысин, И.А. Стернин, В.Ю. Апресян, И.А. Шаронов, М.А. Кронгауз, Г.Е. Крейдлин, Т.А. Воронцова и др.

Ю.В. Щербинина отмечает, что «сложность определения понятия "вербальная агрессия" заключается прежде всего в том, что данный феномен нельзя считать единой формой поведения, отражающей какое-то одно побуждение. Этот термин употребляется применительно к самым разнообразным речевым действиям, весьма неоднородным по мотивации, ситуациям проявления, формам словесного воплощения, интенциональной направленности и потому не может быть исчерпывающе определен посредством таких обобщенных понятий, как "патогенная коммуникация", "негативное речевое воздействие", "грубость речи" и т.п.» (Щербинина, 2006, с. 14). Согласно И.А. Стернину, речевая агрессия часто сопровождается паралингвистическими факторами, например увеличением громкости голоса (ниже мы рассмотрим, как это явление имитируется в поэтическом тексте). Также И.А. Стернин указывает, что речевая агрессия характеризуется увеличением «количества оценочных слов в диалоге, количества нецензурных выражений, в росте удельного веса конфликтного общения во многих группах общения» (Стернин, 2004, с. 9).

Речевая агрессия как тип речевого поведения характеризуется далеко не только выражением негативного отношения к кому-либо или чему-либо. Независимо от типа коммуникации в основе агрессивного поведения лежит интенция коммуникативного доминирования. Таким образом, объектом речевой агрессии становится адресат, в коммуникативное и когнитивное пространство которого с помощью различных структурно-семантических приемов «вторгается» адресант. При этом стоит учитывать, что при восприятии поэтического текста (в отличие от обыденной коммуникации) адресат не вовлечен непосредственно в прагматическую ситуацию: поэтическая коммуникация обычно дистанцирована в темпоральных и пространственных координатах, поэтому в ее рамках мы имеем дело именно с «имитацией» синхронности продуцирования высказывания и его прочтения. В исследовании поэтической коммуникации мы опираемся на концепцию автокоммуникации, предложенную Ю.М. Лотманом. Этот вид коммуникации осуществляется по каналу «Я — Я» и не имеет имманентного характера, так как речевое взаимодействие обусловлено вторжением извне некоторых добавочных кодов и наличием внешних импульсов, воздействующих на контекстную ситуацию (Лотман, 2000). Наше понимание поэтической функции, определяемой автореференциальностью, восходит к мысли Р.О. Якобсона, по которой она (функция) состоит в направленности сообщения на самого себя ради него самого (Якобсон, 1975, с. 202).

Восприятие в поэтической коммуникации мотивируется не этикетными и правовыми нормами, а этическими, эстетическими и индивидуально-психологическими особенностями, базирующимися как на эрудиции, так и на внутренних качествах адресата. В этой связи отмечается неопределенность адресата, чей портрет не может быть доступен автору в момент написания текста. Следовательно, если в обыденном дискурсе[2] объект речевой агрессии может совпадать с адресатом, то в случае речевой агрессии, представленной в поэтическом дискурсе, аффективная и прагматическая перспективы не тождественны: поэтический адресат является неопределенной и неисчисляемой группой субъектов. Учитывая всю сложность и многоплановость этого явления, в данном исследовании под поэтическим адресатом мы понимаем обобщенного «идеального» читателя, введение которого обосновано необходимостью конструирования полноценных условий коммуникации[3].

Основываясь на методах лингвопрагматического и лингвопоэтического подходов и дискурсивного анализа, формах выражения агрессии (эксплицитная / имплицитная[4]), мы выделяем специфические стратегии речевой агрессии в поэтическом дискурсе: (1) направленную на автоматизированное восприятие текста или выступающую в качестве критики поэтического языка (и его деструкции) *автореференциальную агрессию* (*выраженную как эксплицитно, так и имплицитно*); (2) направленную на самого адресанта — *аутоагрессию* (ср. с понятием аутоагрессии в обыденом дискурсе в (Левитов, 2002)).

Материал исследования представлен современными поэтическими текстами, в основном затрагивающими политическую и феминистскую повестку, что обусловлено критической установкой и, в связи с этим, выраженной функцией адресации в этих текстах (Н. Сунгатова, Д. Герчикова, Л. Юсуповой, В. Нугатова), а также текстами А. Драгомощенко, Д. Давыдова[5].

---

[2] Термин «обыденный дискурс» мы используем, ориентируясь на философию обыденного языка (ordinary language) Л. Витгенштейна, с одной стороны, и работы по лингвистической прагматике — с другой (Wittgenstein, 1953; Knobe, 2003; Adams, Steadman, 2004).

[3] Подробнее см.: (Азарова, 2012).

[4] В настоящем исследовании под эксплицитной формой выражения мы понимаем такое речевое поведение, которое включает в себя использование оценочно-отрицательной либо обсценной лексики, понимаемой одинаково в различных контекстах. Под имплицитной формой, вслед за В. Ю. Апресян, мы подразумеваем замаскированную, неявно выраженную агрессию, реализующуюся посредством использования непрямых средств выражения, включающих «псевдоимперативы для выражения угрозы», маркеры отрицательной оценки действий адресата», частицы как выражение неодобрения, недоверия, угрозы и упрека и пр. (Апресян, 2003).

[5] Для настоящего исследования были отобраны поэтические тексты профессиональных и признанных в поэтическом сообществе авторов, чьи сборники были выпущены в таких издательствах, как «АРГО-РИСК», «Новое литературное обозрение», «Порядок слов» и др., и чьи поэтические подборки были опубликованы в «толстых» журналах, таких как «НЛО», «Воздух», [Транслит], «Носорог», «Волга», «Новый мир» и др.

Дискурсивные слова как маркеры речевой агрессии

В настоящем исследовании мы обратимся к выявлению специфики функционирования дискурсивных слов как маркеров речевой агрессии. Это обусловлено тем, что именно дискурсивные слова обладают возможностью выражения прагматического значения, то есть коммуникативного намерения отправителя высказывания, ориентированного на формирование специальной деструктивной / агрессивной коммуникативной модели.

Перед тем как перейти к анализу маркеров речевой агрессии, приведем определения, значимые для настоящего исследования. Дискурсивные слова не имеют однозначного определения, и их описание проводится через синтаксический, семантический, просодический, коммуникативный и т. п. анализ высказывания, частью которого они являются (Шаронов, 2016). Они состоят в основном из частиц, вводных слов и знаменательной лексики, первичная денотация которых стирается или искажается в «коммуникативных» употреблениях, где их «прагматический заряд» выходит на первый план интерпретации. Например, при разборе дискурсива «правда» И. В. Шерстяных отмечает, что эта лексема «выражает желание говорящего привлечь внимание собеседника, либо узнать, согласен ли с ним собеседник: *– А эта Шура, которая приходила, его жена? – кивнул Штерн на дверь. – Да. Приятная женщина, правда?* (Шерстяных, 2016, с. 44), тогда как в первом круге употреблений «правда» — это «то, что существует в действительности, соответствует реальному положению вещей» (Ожегов, 1996, с. 2127). Итак, дискурсивные слова — это «незнаменательные слова или словосочетания, регулирующие дискурсивный процесс между говорящим и адресатом» (Кибрик, Подлесская, 2009, с. 146), генетически восходящие к модальным словам (*конечно, возможно, кажется*), частицам (*так, отнюдь, ну*), междометиям (*ах, ой, привет*) и т. д. и выступающие трансляторами взаимодействия адресанта и адресата, а также отношения актанта к сообщению (Баранов, Плунгян, Рахилина, 1993). Подчеркнем, что принадлежность слова к классу дискурсивных маркеров определяется главным образом на основании функциональных критериев. О. В. Соколова формулирует функцию дискурсивных слов следующим образом: «Дискурсивные слова отражают процесс рефлексии текста говорящим, его отношение к адресату, апелляцию к общему фоновому знанию, а также выполняют коммуникативную, фатическую и другие функции. Эти единицы составляют коммуникативную рамку высказывания» (Соколова, 2019, с. 230).

Приведем наглядный пример проявления автореференциальной агрессии в поэтическом дискурсе, осуществленной посредством «дискурсивных слов-агрессоров»: «…это записал / том рэддл в своём дневнике: “фины, а прибалты нас / всегда ненавидели, а польша *о**ть бл*ть* / <…> я *о**ел* как услышал поросюк *бл*ть*”» (Д. Герчиков). В данном примере представлена активная эксплицитная агрессия с функцией автореференциальной критики поэтического языка: слово здесь

привлекает внимание к себе самому в качестве сигнала (ведь мы едва ли можем выявить здесь иной смысл, стоящий за дискурсом, кроме как прагматический). Так, эффект, производимый избытком обсценной лексики в поэтическом высказывании, может быть интерпретирован в качестве индекса аффекта — ярости как таковой, чистого знака «эмоции-функции». В этом случае мы можем говорить о таком языковом явлении, как «аффективы» (Шаховский, 1987). Е.Г. Никулина отмечает, что данные явления (в сочетании с синтаксической несвязностью (расчлененностью, парцелляционностью высказывания) в аффективной речи присутствуют в концентрированном виде: «…когда два, три и более признака сочетаются в одной фразе, многократно усиливая ее эмотивную нагрузку» (Никулина, 2012, с. 57). Аффективной речи при этом свойственны отрицательная оценочность[6] и две взаимно перекрещивающиеся тенденции: с одной стороны, это стремление к информационной избыточности, а с другой — к максимальному сжатию сообщения. В приведенном примере помимо аффективов, которые можно обозначить как «дискурсивные слова-агрессоры», задействованы имена фигур массовой культуры, названия стран, имя политика (намеренно написанное неверно), а также этнонимы, что представляется трансляцией отторжения «репрессивного дискурса», стоящего за этими знаками, — доминирования / неравенства / нетерпимости. Такой аффективный речевой «спазм» в поэтическом дискурсе во многом конституируется критическим мышлением, которое в свою очередь признает собственное исступление (как форму речи) посредством предельной эмотивности выражения.

Своеобразной формулой автореференциальной критики поэтического высказывания можно считать фрагмент из стихотворения-пьесы Р. Осминкина:

> 2: А это что? Это что такое? Не стихи мы тебя спрашиваем? // 1: Нет, какие же это стихи... это так, *пописушки*, *прибаутки*, чтоб от вас отделаться; 2. *Гм*… ну вот смотри, разве это не стихи уже? / 1. *Ой*, это случайно. Нет, нет. И не думайте даже. Нет стихов у меня; 2. *Ну*, *ну*... стихов у него нету; 1. *Ха*, так я смотрю вы и без меня прекрасно справляетесь; 1. *Ох* не кликайте вы сивую каурку, а не то потом не соберете мелоса; 2. *Уж*, скажите. *Уж* позвольте.../ 1. 1: Не скажу и не позволю. Хоть увольте, хоть невольте, убежал я в чисто поле («Пьеса для двух бесплотностей»).

Здесь стратегия речевой агрессии направлена на сам акт поэтического высказывания и поэтический дискурс в целом, что выражается с помощью моделирования диалога с повышенной частотностью маркеров разговорной речи: эмоциональных междометий («ой», «ха»), мар-

[6] Заметим, что «отрицательная оценка, по-видимому, обладает большей тенденцией к отрыву от свойств референта, чем оценка положительная. Окончательный отрыв от действительности превращает отрицательную оценку в ругательство… Отличие бранного определения от оценочного состоит в том, что его экстенсионал находится в полной и абсолютной зависимости от его интенсионала, вследствие чего этот последний часто исчезает» (Арутюнова, 1999, с. 51).

керов хезитации («гм»), частицы «уж» с императивом как усилителем выражения просьбы («Уж, скажите. Уж позвольте»). Такое употребление псевдоимператива, может быть интерпретировано как маркер выражения скрытой угрозы и является, согласно В. Ю. Апресян, средством выражения имплицитной агрессии (Апресян, 2003).

Если употребление дискурсивных слов в обыденном дискурсе связано с их функционированием в роли регуляторов речевого процесса и организации интерперсональной коммуникации (Schiffrin, 1988; Fraser, 2009), то в поэтическом тексте используется прием намеренного нарушения постулатов эффективной коммуникации с помощью гипертрофированного употребления дискурсивных слов, что формирует так называемый антидиалог[7]. Сочетание их с дисфемическими номинациями продукта творчества («пописушки», «прибаутки») и общеотрицательными конструкциями с предикатным отрицанием («Не скажу и не позволю») приводит к отрицанию как актуальной коммуникативной ситуации, так и — шире — поэтической коммуникации. Такое отрицание как выражение отрицательной оценки относится к средствам выражения имплицитной агрессии. Сочетание указанных приемов, функционирующих как маркеры агрессии в поэтическом дискурсе, позволяет реализовать стратегию автореференциальной критики языка как в поэтической, так и в коммуникативной функции. Также отметим, что, согласно И. А. Шаронову, в обыденной коммуникации употребление междометия имеет непроизвольный (ненамеренный, неинтенциональный) характер (Шаронов, 2008, с. 53), что не соответствует их употреблению в поэтическом дискурсе. Коротко обозначим, что современный поэтический дискурс в основном реализуется в пространстве интернет-коммуникации и, следовательно, отражает многие тенденции письменной речи, понимаемой как устно-письменный дискурс[8], который, в свою очередь, по критерию употребления междометий (и по многим другим) соответствует устной коммуникации. Мы уже указали на основные отличия поэтической коммуникации от обыденной и продолжим это рассуждение далее. При этом стоит подчеркнуть, что именно близость во многих структурных отношения к разговорному дискурсу отличает поэзию от других письменных дискурсов, например художественной прозы. В связи с этим можно сказать, что одной из основных функций поэтического текста является коммуникативная (Падучева, 2010), однако сама эта функция осуществляется по законам поэтической коммуникации.

Так, особенно интересным представляется рассмотрение специфического поэтического функционирования дискурсивных слов (в активной имплицитной форме) с отличной от их употребления в обыденной коммуникации импликатурой. Обратимся к тексту из книги «Dead Dad» Л. Юсуповой, в котором через максимальную отстраненность

[7] Ср. с понятием «коммуникативный саботаж» (Николаева, 1990).

[8] Для обозначения этого явления также используются термины «неконтролируемая письменная речь» (Кронгауз, 2009), «"устно-письменная" система коммуникации» (Лутовинова, 2008) и др.

языка судебной экспертизы постулируется невозможность свидетельства (см. ниже), а также — в более широком смысле — язык бюрократии как таковой обличается в качестве дискурса насилия. Субъективные показатели модальности, которые, согласно теории перформативов, в обыденной коммуникации могут быть отнесены к вердиктивам[9], или же репрезентативам[10] (1), а также структурным единицам связности текста (2), в поэтическом дискурсе, таким образом, выполняют функцию оценочных рефлексивов[11]. «…затем он вытащил данную палку на ней остались кишки Г. / Обстоятельств, отягчающих наказание подсудимого, по делу не установлено / влагалище — не является жизненно важным органом / что, (1) *безусловно*, улучшает положение осужденного / в качестве смягчающего обстоятельства / повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего <…> (2) *Вместе с тем*, судом в качестве смягчающего / обстоятельства, в соответствии со ст. 61 УК РФ, / рассматривается явка с повинной подсудимого».

По мнению исследователей (Кибрик, Подлесская, 2007, с. 9; Juker, Ziv, 1998, p. 1), дискурсивные слова в том числе маркируют хезитационные паузы, маркеры речевого сбоя, поэтому графические знаки, которые репрезентируют «молчание» в тексте, функционально могут быть включенными в этот класс.

В «Простом стихотворении о любви» Н. Сунгатова, практически полностью состоящем из ремарок («[*эротическая сцена*] // [*комментарий психоаналитика*]»), осуществляется длительная, многоэтапная хезитация: таким образом выражается идея о невозможности художественного любовного высказывания[12]. Так, можно предположить, что здесь мы сталкиваемся с агрессией, направленной на сам язык художественного сообщения, поскольку ремарки апеллируют к другим типам дискурса: например, к психоаналитическому или кинодискурсу — оставляя лакуны внутри поэтического (в данном случае *немого*, неспособного к речи) языка.

---

[9] Ситуативно оправданное сообщение непосредственного или выводного суждения об оценке или факте (по классификации Дж. Остина) (Остин, 1986).

[10] Фиксация ответственности говорящего за сообщение о некотором положении дел, то есть за истинность выражаемого суждения) (по классификации Дж. Серля) (Searle, 1975).

[11] Вслед за И.Т. Вепревой под рефлексивом мы понимаем метаязыковое высказывание, «маркер толерантного когнитивно-речевого взаимодействия коммуникантов», фокусирующий свое внимание «на семантически и аксиологически значимых языковых единицах, попадающих в поле метаязыкового сознания». Рефлексив подчеркивает наличие языковой рефлексии, то есть направленности языкового сознания на самопознание, общность языкового сознания на самопознание, общность объекта — «рефлексия носителя языка по поводу его лексикона, разнообразная лингвистическая информация о слове» (Вепрева, 2005, с. 79).

[12] Можно сравнить с концепцией романтического дискурса Р. Барта: «Я без ума от любви, но это не распространяется на возможность ее высказать» (Барт, 2015, с. 20); «Любовный дискурс — всего лишь пыль фигур, мельтешащих в непредсказуемом порядке» и т.д. (Там же, с. 37).

Также молчание как стратегию автореференциальной речевой агрессии поведения можно рассматривать с точки зрения свидетельства травмы[13] на примере книги «Dead Dad» Л. Юсуповой, во второй части которой приводятся формально переработанные судебные протоколы по реальным делам насилия над женщинами. В тексте «взял деревянную палку…» мы «читаем» десять пустых страниц с одной только начальной строчкой на каждой: «смерть потерпевшей».

Рассмотрим теперь несколько случаев употребления «дискурсивных слов-агрессоров» в современной поэзии, которые можно обозначить как примеры выражения активной эксплицитной аутоагрессии с функцией самокритики поэтического субъекта: «Ну, тогда сравни, конечно... / сравни. И что? Какое что с каким что? Живущий, / как его, *бл*дь*?» (А. Драгомощенко); «…я владею всем / но я бездарен *е**на мать*» (Д. Давыдов); «…чтобы руки не тряслись, клясться себе, что *бл*дь* последний раз невозможно *бл*дь* при следующем приступе надо вызывать *бл*дь* скорую пусть они колят *бл*дь* какого хера вечно вы***ваешься строишь из себя героя *бл*дь*…» (Л. Горалик).

Отметим, что в поэтическом дискурсе перлокутивная функция не выражена в отличие от обыденной коммуникации, в которой аутоагрессия, как правило, будет заключать в себе имплицитные интенции, не связанные с реальным самоосуждением: обычно актант порицает себя в присутствии адресата ради того, чтобы добиться прощения, либо жалости / снисхождения. Но так как адресат поэтического текста не определен, установка на перлокуцию не осуществляется, потому в поэтическом дискурсе функция аутоагрессии реализуется в чистом виде: субъект высказывания направляет критику на себя же самого, транслируя собственную беспомощность — как ментальную, так и физическую.

Итак, специфика функционирования дискурсивных слов в качестве маркеров агрессии в поэтической коммуникации определяется установкой на автореференциальность: это связано с повышенным вниманием к языку выражения, оформлению сообщения и его восприятию. Функция аутоагрессии в поэтическом дискурсе в отличие от обыденного реализуется в чистом виде: субъект высказывания направляет критику на себя же самого без импликатур жалобы или принуждения адресата к прощению. Субъективные показатели модальности, которые в обыденной коммуникации содержатся в сообщении выводного или оценочного суждения, так же, как и структурные единицы связности текста, — в поэтическом выполняют функцию оценочных рефлекси-

[13] В исследованиях языка травмы подлинный свидетель неспособен свидетельствовать о том, что с ним случилось, поскольку он уже мертв. Поэтому те, кто способен на высказывание, — псевдосвидетели, которые, согласно Дж. Агамбену, словно бы по доверенности свидетельствуют об отсутствующем свидетельстве посредством цезуры, нулевого уровня. Другими словами, так как у погибших не может быть ни наставлений, ни воспоминаний, которые они могли бы нам передать, «тот, кто берет на себя бремя свидетельствовать за них, знает, что должен свидетельствовать о невозможности свидетельствовать» (Агамбен, 2012, с. 35).

вов. Кроме того, дискурсивные слова в поэтической коммуникации могут участвовать в выражении пассивной речевой агрессии с имплицитной формой выражения. Эта агрессия может быть направлена как на адресата, так и на механизм восприятия текста (молчание, обрыв коммуникации, выраженный вербально в виде ремарки или графически) и в том числе выполнять функцию хезитации.

Заключение

Включение маркеров агрессии в поэтический дискурс позволяет выявить прагматические установки отправителя сообщения и имплицитный конфликт между дистантной коммуникативной рамкой поэтического текста и перлокутивной направленностью агрессии, в обыденном дискурсе апеллирующей к конкретному (персонифицированному) или абстрактному (экзистенциальному) адресату как участнику коммуникации. В отличие от обыденного дискурса, где агрессия направлена на адресата при прямой форме выражения, а на референт — в косвенной (Басс, 1967), агрессивное высказывание в поэтическом дискурсе ориентировано на «идеального» читателя, не совпадающего с референтом, поэтому можно заключить, что речевая агрессия в поэтическом дискурсе всегда реализуется в форме косвенного выражения. Кроме того, были выявлены случаи конвенционального функционирования дискурсивных слов в качестве аффективов и неконвенционального — в качестве рефлексивов. Также мы проанализировали случаи употребления дискурсивных слов, выступивших в хезитации. Таким образом, установлено, что речевая агрессия функционально задействована в формировании поэтической адресации и субъективации, произведении автореференциальной критики (посредством речевой агрессии, направленной на язык (как в широком смысле, так и в специальном)), на поэтическое высказывание как таковое, а также на субъект высказывания и на механизм восприятия.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

Список литературы

Агамбен Дж. Homo Sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М., 2012.

Азарова Н. М. Критерий «адресат» в установлении границ поэтического дискурса // Логический анализ языка. Адресация дискурса. М., 2012. С. 225—233.

Апресян В. Ю. Имплицитная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : тр. Междунар. конф. «Диалог — 2003». М., 2003. С. 32—35.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.

Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.

Барт Р. Фрагменты любовной речи / пер. В. Лапицкого. М., 2015.

Басс А. Психология агрессии // Вопросы психологии. 1967. №3. С. 60—67.

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М., 2005.

Кибрик А.А., Подлесская В.И. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. Сер. 2: Информационные процессы и системы. 2007. №2. С. 2—23.

Кронгауз М.А. Язык и коммуникация: новые тенденции. [2019]. URL: https://polit.ru/article/2009/03/19/communication/ (дата обращения: 15.04.2020).

Левитов Н.Д. Психологические состояния агрессии // Вопросы психологии. 2002. №6. С. 168—173.

Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 159—165.

Лутовинова О.В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №71. С. 58—65.

Николаева Т.М. О принципе некооперации и /или о категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 1990. С. 225—235.

Никулина Е.Г. Аффективные речевые акты в системе эмоционально-оценочной интеракции // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. 2012. №1. С. 54—58.

Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 22—129.

Падучева Е. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 2010.

Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А.А. Кибрика, В.И. Подлесской. М., 2009.

Соколова О.В. От авангарда к неоавангарду. Язык, субъективность, культурные переносы. М., 2019.

Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века. Воронеж, 2004.

Шаронов И.А. Междометия в речи, тексте и словаре. М., 2008.

Шаронов И.А. Дискурсивные слова и коммуникативы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : матер. Междунар. конф. «Диалог». М., 2016. С. 605—615.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.

Шерстяных И.В. Дискурсивные слова как средство организации речевых жанров (на примере лексемы *правда*) // Жанры речи. 2016. №1. С. 42—49.

Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. М., 2006.

Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика / сокр. пер. И.А. Мельчука // Структурализм «за» и «против». М., 1975. С. 193—230.

Adams F., Steadman A. Intentional Action in Ordinary Language: Core Concept or Pragmatic Understanding? // Analysis. 2004. №64. P. 173—181.

Bandura A. Psychological mechanisms of aggression // Aggression: Theoretical and empirical reviews / ed. by R.G. Geen, E. Donnerstein. N. Y., 1983. P. 1—40.

Baron R.A., Richardson D.R. Human aggression. N. Y., 1994.

Jucker A.H., Ziv Y. Discourse markers: Introduction // Discourse Markers: Descriptions and Theory. Amsterdam ; Philadelphia, 1998. P. 1—12.

Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge, 1988.

Knobe J. Intentional Action and Side Effects in Ordinary Language // Analysis. 2003. №63. P. 190—193.

Searle J. Indirect speech acts // Syntax and Semantics / ed. by P. Cole, J.L. Morgan. N. Y., 1975. Vol. 3 : Speech acts. P. 59—82.

Fraser B. An account of discourse markers // International Review of Pragmatics. 2009. №1. P. 293—320.

Wittgenstein L. Philosophical Investigations / transl. by G.E.M. Anscombe. Oxford, 1953.

Об авторе

Екатерина Васильевна Захаркив, аспирант, младший научный сотрудник, Институт языкознания РАН (Теория языка), Научно-образовательный центр теории и практики коммуникации имени Юрия Сергеевича Степанова, Россия.

E-mail: zakharkiv@iling-ran.ru

Для цитирования:

Захаркив Е.В. Неконвенциональное функционирование дискурсивных слов как маркеров автореференциальной агрессии в современной поэзии // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №4. С. 15—27. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-2.

VERBAL AGGRESSION IN MODERN POETRY: CONVENTIONAL AND UNCONVENTIONAL FUNCTIONING OF DISCOURSE MARKERS

E. V. Zakharkiv[1]

[1] Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences
125009, Russia, Moscow, Bolshoy Kislovsky lane, 1, building 1
Submitted on April 23, 2020
doi: 10.5922/ 2225-5346-2020-4-2

The article examines the specifics of speech aggression in poetic communication. Special attention is paid to the unconventional functioning of discourse markers of aggression. The aim of the study is to analyse aggressive verbal behaviour in poetic communication and identify distinctive characteristics of expressing aggression in everyday discourse. The research methodology includes methods of linguopragmatic, linguopoetic and discourse analyses. The author studies discourse markers of verbal aggression in poetic speech acts, where aggression can be expressed explicitly and implicitly. The study reveals specific strategies of expressing verbal aggression in poetic communication, which can include the self-referential criticism (through verbal aggression directed at the language of the poetic utterance, the actor of utterance, the poetic utterance as such and also the perceptual mechanism). The author studies the formation of aggressive message in poetic discourse and its subjectification.

***Keywords**: poetic discourse, everyday discourse, poetic communication, speech aggression, discourse markers, self-reference, unconventional functioning*

References

Agamben, G., 2012. *Homo Sacer. Chto ostaetsya posle Osventsima: arkhiv i svidetel'* [Homo Sacer. What remains after Auschwitz: archive and witness]. Moscow (in Russ.).

Azarova, N.M., 2012. The criterion "addressee" in establishing the boundaries of poetic discourse. In: N.D. Arutyunova, ed. *Logicheskiĭ analiz yazyka. Adresatsiya diskursa* [Logical analysis of language. Addressing discourse]. Moscow. pp. 225—233 (in Russ.).

Apresyan, V.Yu., 2003. Implicit aggression in language. In: Computational Linguistics and Intellectual Technologies, *Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (2003)* [Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2003)]. Moscow. pp. 32—35 (in Russ.).

Arutyunova, N.D., 1999. *Yazyk i mir cheloveka* [Human language and world]. Moscow (in Russ.).

Baranov, A.N., Plungyan, V.A. and Rakhilina, E.V., 1993. *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [A guide to the discursive words of the Russian language]. Moscow (in Russ.).

Barthes, R., 2015. *Fragmenty lyubovnoi rechi* [Fragments of love speech]. Translated by V. Lapitsky. Moscow (in Russ.).

Bass, A., 1967. Psychology of the aggression. *Voprosy Psychologii*, 3, pp. 60—67 (in Russ.).

Vepreva, I.T., 2005. *Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epokhu* [Language reflection in the post-Soviet era]. Moscow (in Russ.).

Kibrik, A.A. and Podlesskaya, V.I., 2007. Speaker self-corrections and other types of speech failures as an object of annotation in the corpus of oral speech. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Ser. 2: Informatsionnye protsessy i sistemy* [Scientific and technical information. Vol. 2: Information processes and systems], 2, pp. 2—23 (in Russ.).

Krongauz, M.A., 2009. *Yazyk i kommunikatsiya: novye tendentsii* [Language and communication: new trends]. Available at: https://polit.ru/article/2009/03/19/communication/ [Accessed 15 April 2020] (in Russ.).

Levitov, N.D., 2002. The psychological state of aggression. *Voprosy Psychologii, 6, pp. 168 – 173* (in Russ.).

Lotman, Yu.M., 2000. Auto-communication: "I" and "The Other" as Addressees (On two models of communication in the cultural system). In: Yu.M. Lotman, ed. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg (in Russ.).

Lutovinova, O.V., 2008. The Internet as a new "oral-written" communication system. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 71, pp. 58—65 (in Russ.).

Nikolaeva, T.M., 1990. On the principle of non-cooperation and / or categories of sociolinguistic impact. In: N.D. Arutyunova, ed. *Logicheskiĭ analiz yazyka. Protivorechivost' i anomal'nost' teksta* [Logical analysis of language. Inconsistency and anomalous text]. Moscow (in Russ.).

Nikulina, E.G., 2012. Affective speech acts in the system of emotional-evaluative interaction. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedenie* [Herald of Vyatka State University], 1, pp. 54—58 (in Russ.).

Ostin, J., 1986. How to do things with words. In: B.Yu. Gorodetsky, ed. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 17: Teoriya rechevykh aktov* [New in foreign linguistics. Vol. 17: Theory of speech acts]. Moscow. pp. 22—129 (in Russ.).

Paducheva, E., 2010. *Semanticheskie issledovaniya: semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrative* [Semantic Research: Semantics of Time and View in Russian. Narrative semantics]. Moscow (in Russ.).

Kibrik, A.A. and Podlesskaya, V.I., eds., 2009. *Rasskazy o snovideniyakh. Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Dream stories. Corpus research of oral Russian discourse]. Moscow (in Russ.).

Sokolova, O.V., 2019. *Ot avangarda k neoavangardu. Yazyk, sub"ektivnost', kul'turnye perenosy* [From avant-garde to neo-avant-garde. Language, subjectivity, cultural transfers]. Moscow (in Russ.).

Sternin, I.A., 2004. *Obshchestvennye protsessy i razvitie sovremennogo russkogo yazyka. Ocherk izmeneniĭ v russkom yazyke kontsa KhKh veka* [Social processes and the development of the modern Russian language. Outline of changes in the Russian language at the end of the twentieth century]. Voronezh (in Russ.).

Sharonov, I. A., 2008. *Mezhdometiya v rechi, tekste i slovare* [Interjection in speech, text and dictionary]. Moscow (in Russ.).

Sharonov, I. A., 2016. Communicative and discoursive markers. In: Computational Linguistics and Intellectual Technologies, *Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (2016)* [Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2016)]. Moscow. pp. 605—615 (in Russ.).

Shakhovskii, V. I., 1987. *Kategorizatsiya emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka* [Categorization of emotions in the lexical-semantic system of the language]. Voronezh (in Russ.).

Sherstyanykh, I. V., 2016. Discoursive markers as mean of organization of speech genres. *Zhanry rechi* [Genres of speech], 1, pp. 42—49 (in Russ.).

Shcherbinina, Yu. V., 2006. *Verbal'naya agressiya* [Verbal aggression]. Moscow (in Russ.).

Yakobson, R. O., 1975. Linguistics and Poetics. In: E.Ya. Basin and M.Ya. Polyakov, eds. *Strukturalizm «za» i «protiv»* [Structuralism "for" and "against"]. Translated by I. A. Melchuk. Moscow. pp. 193—230 (in Russ.).

Adams, F. and Steadman, A., 2004. Intentional Action in Ordinary Language: Core Concept or Pragmatic Understanding? *Analysis*, 64, pp. 173—181.

Bandura, A., 1983. Psychological mechanisms of aggression. In: R.G. Geen and E. Donnerstein, eds. *Aggression: Theoretical and empirical reviews*. New York. pp. 1—40.

Baron, R. A. and Richardson, D. R., 1994. *Perspectives in social psychology. Human aggression.* New York.

Jucker, A. and Ziv, Y., 1998. Discourse markers: Introduction. In: A. H. Jucker and Y. Ziv, eds. *Discourse Markers: Descriptions and Theory*. Amsterdam. pp. 1—12.

Schiffrin, D., 1988. *Discourse Markers*. Cambridge.

Knobe, J., 2003. Intentional Action and Side Effects in Ordinary Language. *Analysis*, 63, pp. 190—193.

Searle, J., 1975. Indirect speech acts. In: P. Cole and J. L. Morgan, eds. *Syntax and Semantics, Vol. 3: Speech Acts*. London. pp. 59—82.

Fraser, B., 2009. An account of discourse markers. *International Review of Pragmatics*, 1, pp. 293—320.

Wittgenstein, L., 1953. *Philosophical Investigations*. Translated by G. E. M. Anscombe. Oxford.

The author

Ekaterina V. Zakharkiv, Postgraduate student, Junior researcher, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Theory of Language), Stepanov Scientific and Educational Centre for Theory and Practice of Communication, Russia.

E-mail: zakharkiv@iling-ran.ru

To cite this article:

Zakharkiv, E. V. 2020, Verbal aggression in modern poetry: conventional and unconventional functioning of discourse markers, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 4, p. 15—27. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-2.

УДК 81`37

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ И РЕЦЕПТИВНО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ РЕЧЕВОГО АКТА УГРОЗЫ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ КОНФЛИКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

***Н. А. Пробст*[1]**

[1] Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 11.05.2020 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-3

Анализируются эмотивный аспект процессов продуцирования и перцепции речевого акта угрозы и специфика восприятия данного акта современным носителем русского языка. Рассматриваемый акт представляет собой инструмент побудительного воздействия на слушателя, эффективность которого напрямую зависит от силы инициируемых у него негативных эмоций тревоги, страха и т. д. При этом само продуцирование соответствующих высказываний нередко сопряжено с переживанием говорящим определенного эмоционального состояния, которое в некоторых случаях может служить катализатором императивного воздействия. Речевой акт угрозы, являясь элементом конфликтного дискурса, вступает в противоречие с традиционными принципами продуктивной коммуникации и законодательно-правовыми нормами любого развитого государства. Вместе с тем (при определенных обстоятельствах) в рамках повседневной коммуникации вербальная угроза с позиции продуцента речи может расцениваться и как способ реализации вполне оправданных с социально-этической точки зрения коммуникативных интенций. Для современного носителя русского языка рассматриваемый акт не является табуированным коммуникативным действием и может осознанно применяться им в целом ряде конфликтных ситуаций, связанных с защитой его достоинства, жизни, социальных ценностей и т. д.

Ключевые слова: *психолингвистика, теория речевых актов, коммуникация, стратегия подчинения, речевой акт угрозы, эмоциональность, оценочность*

Введение

Ситуация конфликта — событие, сопряженное со значительным количеством негативных коммуникативных явлений, одним из которых нередко становится вербализация агрессивных интенций одного участника общения по отношению к другому. Один из результатов такой вербализации — угроза — как известно, может быть выражен устно, письменно, демонстрацией намерения нанести физический, материальный или иной вред лицу или его правам и интересам, охраняемым законом (Большой юридический словарь). В рамках лингвистического исследования, представленного в настоящей статье, мы рассматриваем речевую реализацию акта угрозы в повседневном (бытовом) общении.

© Пробст Н. А., 2020

Речевой акт угрозы (далее — РАУ) на сегодняшний день достаточно подробно рассмотрен в многочисленных исследованиях в сфере теории речевых актов, теории коммуникации, психолингвистики и т. д. При этом наиболее широкое освещение, по нашим наблюдениям, получили следующие его аспекты:

— речеактовая природа речевого акта угрозы (Wunderlich, 1976; Nicoloff, 1989; Мартынова, 2006; Жучков, 2010; Новоженова, Пробст, 2019 и др.);

— дискурсивные практики использования речевого акта угрозы (Новоселова, 2013 и др.) и сопряженные с этим различные речевые тактики и стратегии его применения (Эпштейн, 2008; Иссерс, 2008; Чесноков, 2015 и др.);

— методология идентификации РАУ в письменной и устной речи и возможность ее применения в судебно-правовой практике (Баранов, 2014; Шахматова, 2015 и др.).

Следует при этом отметить, что, несмотря на все многообразие вышеупомянутых исследований, единый и однозначный взгляд на коммуникативную и функционально-семантическую природу угрозы попрежнему отсутствует (Searle, 1979, с. 7; Жучков, 2009, с. 70; Бородин, 2019, с. 355), что в первую очередь детерминировано невозможностью его перформативного оформления.

Вместе с тем, насколько мы можем судить, в области изучения данного акта существует целый ряд сравнительно малоосвещенных вопросов. К их числу относится, например, специфика его оценки (как инструмента коммуникативного воздействия) самими носителями национального языка. Данный вопрос представляется нам весьма значимым: общеизвестно, что язык является отражением сознания народа-носителя; соответственно, распространение и особенности применения в нем тех или иных коммуникативных средств позволяют зафиксировать и охарактеризовать актуальные особенности развития национального менталитета. Следовательно, рост (или, наоборот, снижение) количественной и качественной «популярности» средств репрезентации речевой агрессии может дать основания для весьма интересных выводов о «сдвигах» в картине мира наших соотечественников. Особенно это актуально, по нашему мнению, для акта угрозы — речевого действия, обладающего как отчетливой манипулятивной спецификой, так и выраженной негативной эмоциональной окраской. Причем последняя — во всяком случае, если мы говорим о спонтанной речи в рамках обычной бытовой коммуникации — имеет, как правило, двусторонний характер: воздействию деструктивных (пусть и зачастую разных по природе и силе) эмоций в данном случае подвергаются оба участника общения.

В этой связи настоящая статья ориентирована на решение следующих задач:

— описать эмотивную составляющую процесса продуцирования акта вербальной угрозы в рамках конфликтной коммуникации;

— выявить особенности РАУ с точки зрения его коммуникативно-этической оправданности;

— установить и охарактеризовать отношение к вопросу применения РАУ в повседневном общении со стороны различных по возрасту и социальной принадлежности носителей современного русского языка.

В качестве иллюстративного материала нами были выбраны фрагменты российских драматических фильмов, снятых в период конца 1990-х — 2010-е годы.

Эмотивная основа речевого акта угрозы

Речевой акт угрозы, как известно, представляет собой один из инструментов стратегий подчинения (Parsons, 1963; Levine, Wheeless, 1997; Иссерс, 2008). Побудительная интенция в данном случае реализуется за счет обещания тем или иным образом нанести вред слушающему, что является грубым нарушением целого ряда норм продуктивной коммуникации, в первую очередь принципа вежливости Дж. Лича (Leech, 1983): очевидно, что РАУ по сути своей не может соответствовать максимам такта, великодушия и т. д. Применение данного акта однозначно свидетельствует о наличии критической разнонаправленности интересов/коммуникативных позиций участников общения, что является типичным атрибутом конфликта. В этой связи РАУ можно рассматривать как один из характерных элементов конфликтного дискурса, предполагающего реализацию «антиэтикетных целей, противоречащих позитивной направленности общения и ведущих к дестабилизации отношений участников коммуникации» (Каразия, 2006, с. 78).

Специфика исследуемого акта как коммуникативного действия в рамках конфликта во многом определяется эмотивным конституентом его природы. Как известно, некоторые исследователи считают целесообразным относить акт угрозы к оценочно-эмоциональным типам воздействия, связанным со спецификой межличностных субъективно-эмоциональных отношений (см., например, Федорова, 1991). При этом учеными в области психологии акцентируется деструктивная сущность угрозы и тех эмоций, которые становятся причиной появления угроз (Плотникова, 2017, с. 82). Очевидно, что во многих случаях употребление данного акта является следствием воздействия на говорящего таких негативных чувств, как раздражение, гнев, злоба по отношению к слушающему, и т. д. Это релевантно специфике речевого конфликта, сопровождающегося «межличностной напряженностью, переживаемой в виде эмоционального отрицательного отношения коммуникантов друг к другу, ситуации и факторам, ее порождающим» (Каразия, 2006, с. 78). Впрочем, нужно отметить, что наличие выраженной негативной эмоциональной базы не всегда выступает атрибутом продуцирования РАУ. Так, грабителю вовсе не обязательно испытывать к своей жертве неприязнь, чтобы делать ей «предложения, от которых нельзя отказаться». Однако все же, если мы говорим о повседневном конфликтном дискурсе, изначальный негативный эмоциональный импульс РАУ представляет собой весьма частотное явление. Например:

Муж-алкоголик: Деньги где — не видишь, меня трясет?!
Жена: Коля, я не брала.
Муж-алкоголик: Я тебе щас рожу разобью («Дурак», 00:01:09).

Очевидно, что герой, терзаемый муками алкогольного синдрома, испытывает в момент продуцирования вышеприведенного высказывания сразу два негативных чувства: раздражение по отношению ко всему миру в целом, обусловленное его негативным физическим состоянием, и злобу к своей жене, мешающей его желанию опохмелиться. Эти чувства, равно как и продиктованные ими интенции, в принципе неконструктивны по природе, а инициируемые их посредством действия говорящего (начиная с озвученного акта угрозы) имеют не просто асоциальный, а противозаконный характер.

В некоторых случаях, по нашему мнению, эмотивный конституент РАУ может превалировать над прагматическим (то есть связанным с побуждением к совершению / несовершению какого-либо действия). В этом случае речевой акт угрозы может являться своего рода репрезентацией аффективного состояния говорящего, обусловленного воздействием различных негативных эмоциональных состояний — гнева, раздражения, злобы, ненависти и т. д. В качестве иллюстрации приведем конфликтную ситуацию из кинофильма «Ворошиловский стрелок». Прокурор, рассматривавший дело об изнасиловании внучки главного героя (Ивана Федоровича), сообщает ему о закрытии дела «за отсутствием состава преступления» (хотя, как зритель знает по сюжету, такое преступление на самом деле произошло). При этом он дает рекомендацию герою «получше следить за воспитанием детей и внуков». Возмущенный Иван Федорович дает краткую, но крайне нелестную характеристику собеседнику и направляется к выходу. После этого происходит следующий диалог:

Прокурор: А ну пошел вон отсюда! И чтобы ноги здесь больше твоей не было!
Иван Федорович: Ой-ой-ой, смотрите — какой голосок у нас прорезался. Какие мы жирные, важные… Ах ты оккупант поганый! Рано вы уверовали в свою победу, рано! Заплатите… Придет время — за все заплатите, кровососы! («Ворошиловский стрелок», 00:40:25).

Угроза «За все заплатите», очевидно, носит общий характер и не подразумевает каких-то конкретных действий со стороны Ивана Федоровича, нацеленных на организацию справедливого возмездия «кровососам». Ее продуцирование — результат переживания продуцентом эмоций гнева, возмущения и разочарования, вызванных действиями законной власти.

Задачей подобных угроз, на наш взгляд, является, с одной стороны, «разрядка» накопившихся негативных чувств, с другой — инициация у слушающего определенного эмоционального состояния, связанного с чувствами страха, тревоги и неопределенности.

Эмотивная составляющая продуцирования акта угрозы может проявляться как на вербальном (экспрессивно окрашенная или даже обсценная лексика), так и невербальном уровнях (интонация, позы, движения и т. д.) (см., например: Probst, Shkapenko, Tkachenko, Chernyakov, 2018, p. 221). При этом, по нашему мнению, во многих случаях (по крайней мере если мы говорим о бытовом общении обычных людей) наличие выраженного эмоционального конституента акта угрозы может при определенных обстоятельствах придавать ему дополнительную императивную силу: слушающий понимает, что говорящий испытывает сильные эмоции, которые могут послужить катализатором его негативной реакции на отказ подчиниться.

Коммуникативная оправданность применения речевого акта угрозы

Итак, РАУ является, как мы выяснили, средством реализации эмоционального давления на слушающего с целью принуждения его к совершению того или иного действия и часто носит противоправный характер. Однако при изначально присущей РАУ отрицательной коммуникативно-семантической окраске данный акт (как и любой другой речевой инструмент) может применяться и для реализации условно конструктивных целей — например, в тех ситуациях, когда один участник коммуникации или какие-либо связанные с ним действия и явления представляют опасность для другого, окружающих и т. д. В качестве иллюстрации приведем следующий фрагмент из художественного фильма С. Бодрова «Сестры». В нем в ответ на попытку незнакомого мужчины (цыгана) ухватить одну из героинь — восьмилетнюю девочку Дину — та кричит: «Не трогай меня! Не трогай! Я папе расскажу, что вы меня трогали! Он вас убьет всех! Мой папа — бандит, Алик Муртазаев зовут!» («Сестры, 00:42:30).

Очевидно, что в сложившейся ситуации (одни в чужом городке, поздний вечер, цыганский притон) речеповедение Дины с точки зрения его соответствия этическим нормам общения сложно счесть некорректным: речь идет о самозащите в условиях крайней ограниченности возможных мер коммуникативного воздействия (вряд ли в данном случае в распоряжении малолетней героини существуют какие-то другие инструменты влияния на взрослых собеседников, явно имеющих отношение к криминальным структурам).

РАУ может использоваться и как элемент речевой тактики подчинения, направленной на решение коммуникативных задач, связанных с защитой общества от социально опасных элементов, — например, в профессиональной деятельности сотрудников полиции. В качестве примера можно привести следующий фрагмент из уже упоминавшегося фильма С. Говорухина «Ворошиловский стрелок». В нем представлена сцена оперативного допроса капитаном опергруппы милиции (в исполнении С. Гармаша) Бориса Чуханова (А. Макаров) — участника группового изнасилования.

Чуханов: Я ни в чем сознаваться не буду!

Капитан: Я тебе такое устрою, сучонок… Ты не то что в этом сознаешься — убийство принцессы Дианы на себя возьмешь, понял?

Чуханов: Я ничо не подпишу.

Капитан: Не подпишешь?

Чуханов: Не-а!

Капитан: И не надо! *(обращается к подчиненному)* Степанов! Ко мне! Этого — прямо в изолятор. В камеру к уголовникам, на сутки. И рассказать, что эта мразь сделала с ребенком… *(снова обращаясь к Чуханову)* Знаешь, что там делают с такими, кто попадается на изнасиловании? Сначала придушивают полотенцем — чтоб не сопротивлялся, чтоб тело приобрело нужную мягкость и женственность. Потом… Задница у тебя, прямо скажем, бабья, для уголовничков — просто подарок… А наутро передают в другую камеру. Выменяют на пару бутылок водки.

Чуханов: Че, ты серьезно?

Капитан: И, главное, по закону! («Ворошиловский стрелок», 00: 21: 35).

В данном фрагменте, с нашей точки зрения, присутствует сразу два РАУ. Первый — вариант с эксплицитно выраженной комиссивной («Я тебе такое устрою, сучонок… Ты не то что в этом сознаешься — убийство принцессы Дианы на себя возьмешь, понял?») и контекстуально выраженной директивной частью (которую можно выразить словами «Сознавайся и пиши чистосердечное признание»). Во втором РАУ директивная и комиссивная части имплицированы: с формальной точки зрения речевой фрагмент, в котором капитан в красках описывает участь насильников в ИВС, представляет собой повествование, содержащее, с одной стороны, рассказ о тюремных нравах, с другой — характеристику некоторых внешних данных собеседника. Однако на содержательном уровне здесь, по нашему мнению, вполне четко представлена угроза: указание на «радужные» перспективы Чуханова недвусмысленно направлено на инициацию у него ключевой для угрозы эмоции — чувства страха, и, таким образом, содержит сему обещания (которую можно выразить фразой «Будет тебе “теплый прием” у уголовников»). Директивная же часть была имплицитно сформирована еще в рамках предшествующего диалога (требование сознаться добровольно).

Вопрос о допустимости подобного метода ведения оперативного допроса находится за рамками настоящей статьи. Отметим лишь следующее. С позиции закона капитан допускает сразу несколько серьезнейших нарушений, связанных с превышением служебных полномочий. Вместе с тем — с учетом того, что к моменту начала этого допроса у милиционеров уже были основания для обвинения, — речевые действия сотрудника полиции (включая использование вышеуказанных РАУ), с точки зрения рядового обывателя, можно квалифицировать, с одной стороны, как попытку выявить и изолировать опасную в социальном отношении личность, с другой — как своеобразный акт справедливого возмездия. Об этом свидетельствует количество «лайков», поставленных соответствующему ролику на Youtube, и множество комментариев, в которых одобряется поведение героя С. Гармаша.

Таким образом, неинституциональный и нарушающий все максимы вежливости акт угрозы может, с точки зрения носителя языка (разумеется, с целым рядом существенных оговорок), представлять собой не только асоциальное коммуникативное действие, но и речевой инструмент решения задач, не являющихся предосудительными с позиции традиционных этико-нравственных ценностей (к которым относятся, например, защита жизни и здоровья отдельного гражданина, существующего общественного порядка).

Речевой акт угрозы как коммуникативный инструмент с точки зрения современного носителя русского языка

С целью начального выявления некоторых аксиологических особенностей восприятия РАУ в повседневной коммуникации современными носителями русского язык мы разработали небольшой (состоящий всего из 10 пунктов) анонимный опрос, реализованный на базе интернет-ресурса Google Forms (см.: https://docs.google.com/forms/d/1dHMS19maMieE3OvRlEq-3dgdYASK1Yns8cVQqbZVmWU/edit). В качестве респондентов привлекались добровольцы из числа сотрудников, преподавателей и учащихся БФУ им. И. Канта и их ближайшего окружения. Набранная таким образом фокус-группа к моменту написания статьи насчитывала 67 участников.

Должны сразу отметить следующий факт. Как известно, конструируемая в сознании человека картина мира — и определение своего места в этой картине — всегда в той или иной мере отличается от объективно существующей реальности. Соответственно, результаты самоанализа респондентов при выборе ответа на тот или иной пункт разработанного нами опроса, очевидно, не могут отражать в полной мере реального положения дел в действительности. Так, совсем не факт, что, скажем, 72 % ответивших на вопрос 5 (как респондент оценивает свою обычную модель конфликтного поведения), в самом деле в большинстве случаев придерживаются конструктивного подхода к разрешению конфликтных ситуаций. В этой связи мы полагаем, что полученные путем опроса данные представляют определенную значимость не столько как объективный показатель существующего положения дел, сколько как экспликатор психолого-коммуникативных (и отчасти ценностных) установок современного носителя русского языка, проявляющихся на уровне конфликтного общения.

Итак, рассмотрим содержание нашего опроса: формулировку, цель и результаты каждого из входящих в него пунктов.

Пункты 1—3. Первые три вопроса были связаны с идентификацией некоторых ключевых личностных характеристик целевой аудитории опроса (возраст, пол, специальность).

Результат: наибольшую активность в вопросе прохождения разработанного нами опроса предсказуемо проявили представители молодого поколения, что соответствующим образом отразилось на социально-возрастном составе сформированной фокус-группы: 35,8 % от общего числа респондентов составили лица до 21 года, еще 35,8 % — до 30 лет

(общий процент студентов при этом составил 43,3 %); 19,4 % приходится на людей от 31 до 45 лет, 7,5 % — на 46—65 лет и лишь 1,5 % — на представителей старшего поколения начиная от 66 лет. Помимо студентов лидирующие по частотности позиции в плане текущего рода занятий среди опрошенных занимают специалисты с высшим образованием (34,3 %). В гендерном отношении наша фокус-группа была преимущественно женской по составу — 59,7 % против 40,3 % мужчин.

Пункт 4: «Насколько часто в рамках вашей повседневной (бытовой, профессиональной) коммуникации вам приходится сталкиваться с конфликтными ситуациями, в которых одна из сторон использует РАУ: 1) практически никогда; 2) редко; 3) не слишком редко, но и не очень часто; 4) часто; 5) постоянно?»

Цель: выявление частотности присутствия соответствующего инструмента речевой манипуляции в коммуникативном пространстве современных носителей русского языка. Анализ ответов на данный вопрос позволяет, с одной стороны, сделать определенные предположения о характерности такого средства агрессивной коммуникации, как РАУ, для русскоязычного бытового общения и о связанной с этим спецификой мировосприятия ее участников. С другой стороны, высокая или низкая частотность «встреч» человека с РАУ в его обыденной жизни, на наш взгляд, способствует и формированию его отношения к вербальным угрозам как нормальному (или, наоборот, исключительному) способу реализации собственных коммуникативных интенций.

Результат: бóльшая часть опрошенных (42,4 %) с исследуемым речевым актом в своем бытовом общении сталкивается редко, 21,2 % — «средне» (не слишком редко, но и не часто), 9,1 % — часто и лишь 4,5 % живут в атмосфере постоянного угрожающего коммуникативного воздействия. При этом процент людей, которые практически не сталкиваются с данным актом, на наш взгляд, довольно высок — 22,7 %. Подобное соотношение объясняется, на наш взгляд, родом занятий большинства опрошенных, так или иначе связанных с университетской средой (студенты, преподаватели и сотрудники БФУ им. И. Канта), традиционно предполагающей соблюдение ее представителями определенных норм и традиций культурного общения.

Пункт 5: «Свойственную вам модель поведения в различных конфликтных ситуациях, случающихся в вашей жизни, вы оцениваете как: 1) конструктивную (стремление к поиску взаимовыгодного компромисса, демонстрация по возможности доброжелательного отношения к оппоненту, проявление искренности и терпимости и т. д.); 2) деструктивную (стремление морально подавить, “уничтожить” оппонента всеми возможными речевыми средствами, в том числе неэтикетными и т. д.); 3) пассивную (стремление уйти от конфликта любой ценой, в том числе за счет соглашения с любыми претензиями и замечаниями оппонента и т. д.)».

Цель: оценка готовности к продуцированию менасивных речевых актов (в том числе РАУ) в повседневной конфликтной коммуникации современными носителями русского языка. При выборе вышеописан-

ных моделей конфликтного поведения мы опирались на классификацию, представленную в работе А.Я. Анцупова и А.И. Шипилова (Анцупов, Шипилов, 2000). При разработке данного вопроса учитывали тот факт, что вышеуказанная оценка носит, разумеется, условный характер: приверженность неконструктивным моделям поведения в ситуации столкновения интересов не подразумевает обязательного применения такой формы воздействия, как угроза. Вместе с тем связь между обычной для человека конфликтной моделью поведения и вероятностью/ частотностью применения им РАУ представляется нам очевидной. Так, вряд ли носитель языка, предпочитающий по-настоящему продуктивные — то есть учитывающие позицию оппонента, направленные на установление взаимопонимания — варианты разрешения конфликта, будет активно применять угрозы в адрес своего оппонента. Еще менее склонен их использовать сторонник пассивной поведенческой модели. Зато в условиях, когда участник конфликта готов всеми способами «сломить» другого коммуниканта, вероятность применения им РАУ, по нашему мнению, весьма высока.

Результат: большинство опрошенных (73,1 %) полагают, что им свойственна конструктивная модель разрешения конфликтных ситуаций, 14,9 % — что пассивная, и лишь 11,9 % признают за собой склонность к деструктивному подходу к ведению бытовых «дискуссий». Даже если процент сторонников первого варианта в реальности значительно ниже заявленного (что вполне возможно), все же он достаточно высок, чтобы предполагать отсутствие выраженной склонности к продуцированию конфликтных ситуаций и связанный с этим низкий уровень «угрозопорождения» у современных носителей русского языка.

Пункт 6: «Из нижеперечисленных героев известных отечественных и зарубежных художественных фильмов наиболее привлекательным для вас с точки зрения коммуникативного поведения в рамках различных конфликтных ситуаций являются:

1) Вито Корлеоне / Майкл Корлеоне (кинотрилогия «Крестный отец»); 2) Фрэнк Касл (цикл художественных фильмов, телесериал «Каратель»); 3) Форрест Гамп (х/ф «Форрест Гамп»); 4) Владимир Шарапов (х/ф «Место встречи изменить нельзя»); 5) Егор Полушкин (х/ф «Не стреляйте в белых лебедей»); 6) Данила Багров (х/ф «Брат»); 7) Артур (х/ф «Коллектор»); 8) ни один из вышеуказанных героев».

Цель: выяснение склонности носителя русского языка к той или иной модели речевого поведения в конфликтных ситуациях (предполагающих возможность использование коммуникантами стратегии подчинения с применением РАУ). Для достижения указанной цели мы предприняли попытку отобрать ряд более или менее узнаваемых киногероев, придерживающихся определенной модели речеповедения — конструктивной, деструктивной и конформной — в ситуации столкновения интересов / коммуникативных намерений. При их отборе необходимо было учитывать следующую сложность: поскольку конкретной социально-возрастной аудитории у опроса не было (привлекались, как было указано выше, все желающие), «эталонные» для нашего исследо-

вания герои должны были быть в той или иной мере известны большинству респондентов. Без специального исследования это представлялось нам весьма затруднительным: современные молодые люди (в возрасте до 25 лет), по нашим наблюдениям, часто не знакомы с популярными в прошлом веке фильмами и их героями, представители старших (от 40 лет) поколений не знают или не понимают кинокумиров молодежи. В этой связи при выборе персонажей для опроса мы исходили не только из такого фактора, как популярность кинопроизведения[2], но и времени и места его создания. Поэтому в некоторых случаях для репрезентации одной модели конфликтного поведения использовались персонажи фильмов разных «кинематографических эпох». Еще одним важным условием, которым мы руководствовались при выборе «кандидатов», были относительная актуальность и условная реалистичность конфликтных ситуаций, в которых им предстояло действовать. В итоге наш выбор сформировался следующим образом:

— выраженно деструктивная модель речеповедения: Фрэнк Касл (ветеран войны, мститель-антигерой из известного цикла комиксов «The Punisher», в 2018 году получившего успешную сериальную адаптацию), Данила Багров (ветеран чеченской кампании, главный герой культовой в России дилогии А. Балабанова «Брат»);

— «смешанная» модель агрессивного речеповедения (умеренно деструктивная с возможностью использования при необходимости характерных средств и приемов конструктивной модели): мафиозные боссы Вито и Майкл Корлеоне (центральные персонажи классической криминальной киноэпопеи Ф. Копполы «Крестный отец»), коллектор Артур (протагонист относительно успешного драматического фильма 2016 года «Коллектор», снятого А. Красовским);

— преимущественно конструктивная модель речеповедения: Владимир Шарапов (оперуполномоченный МУРа, главный герой легендарного многосерийного детектива С. Говорухина «Место встречи изменить нельзя»);

— преимущественно конформная модель поведения (при возможности, в случае необходимости, проявить принципиальность и мужество): Егор Полушкин (немного чудаковатый, но в высшей мере добрый и мягкий герой фильма Р. Нахапетова «Не стреляйте в белых лебедей), Форрест Гамп (отсталый с точки зрения интеллекта, но прекрасной души человек — персонаж знаменитого кинопроизведения Р. Земекиса «Форрест Гамп»).

Должны отметить, что, как показала практика, не всегда вышеозначенный выбор персонажей для изучения интересующего нас вопроса оказался удачен. Это подтверждается значительным числом респондентов, выбравших вариант «Ни один из вышеперечисленных героев» (40,9 %); исключительно низкая частотность выбора ответов «Фрэнк

[2] В качестве критерия измерения указанного фактора мы использовали рейтинг произведения на крупнейшем русскоязычном интернет-сервисе о кино «Кинопоиск».

Касл», «Артур», «Егор Полушкин» свидетельствует о том, что эти герои, возможно, оказались просто неизвестны большинству опрошенных (что было позже подтверждено и личной беседой с рядом участников).

Результаты: наибольшее количество «голосов» получил вариант «Данила Багров» (16,7 %); далее — Вито / Майкл Корлеоне (13,6 %), Владимир Шарапов (12,1 %), Форрест Гамп (9,1 %), Артур (4,5 %) и Егор Полушкин (3 %). Таким образом, можно — разумеется, с определенными оговорками — сделать вывод о том, что для большинства опрошенных более привлекательной выглядит очень жесткая, временами агрессивно-ультимативная модель поведения в конфликтных ситуациях. Следовательно, данное отношение распространяется и на использование РАУ, которые и Данила Багров, и главы клана Корлеоне при необходимости применяют без колебаний. Этот вывод подтверждают и ответы респондентов на вопросы 8—10.

Пункт 7: «Речевой акт угрозы представляет собой высказывание, в котором говорящий сообщает адресату, что нанесет ему определенный вред, если адресат не поступит (поступит) определенным образом. Выберите, какое еще определение отражает, на ваш взгляд, сущностные особенности акта угрозы: 1) речевой акт угрозы — акт речевой агрессии, направленной на подавление воли и самосознания личности слушающего с целью принуждения его к выполнению тех или иных действий; 2) речевой акт угрозы — речевое действие, сопряженное с оказанием негативного эмоционального воздействия на слушающего с целью побуждения последнего к совершению определенных действий, желательных для говорящего; 3) речевой акт угрозы — один из условно эффективных способов манипулятивного воздействия на слушающего с целью достижения различных коммуникативных целей говорящего».

Цель: выявить прагмасемантическую специфику понимания носителями русского язык содержательной сути РАУ. Для этого мы предложили три варианта определения соответствующего акта, предполагающего, по нашей мысли, различные подходы к пониманию исследуемого коммуникативного инструмента. Так, первый вариант нами позиционируется как условно отрицательный, указывающий на деструктивную природу РАУ, что маркируется с помощью таких лексем, как «агрессия», «подавление», «принуждение». Второй вариант предполагал относительно нейтральное по сути определение практически без отрицательно маркированной лексики. Третий же вариант, по нашему замыслу, должен был детерминировать РАУ в качестве результативного средства реализации намерений коммуниканта, исключающего какую-то негативную оценку этого акта. Соответственно, выбор респондентов должен был продемонстрировать, каким образом они расценивают исследуемое речевое действие: как проявление агрессии, просто как один из существующих в русском языке типов речевых актов или как удобный инструмент речевого воздействия, который не лучше и не хуже других.

Результат: большинство респондентов воспринимают акт угрозы в достаточно нейтральном ключе (вариант 2 — 38,8 %); при этом нена-

много меньшее количество опрошенных все-таки рассматривают данный акт с точки зрения его утилитарной функции (35,8 %) и лишь 25,4 % респондентов видят в нем проявление деструктивных установок его продуцентов.

Пункт 8: «Использование речевых актов угрозы в различных бытовых конфликтных ситуациях вы оцениваете как: 1) принципиально недопустимое (вне зависимости от ситуации); 2) допустимое только в критических с вашей точки зрения бытовых ситуациях (например, связанных с риском для здоровья, благополучия, карьеры и т. д.); 3) допустимое в большинстве случаев, когда с помощью угрозы можно добиться тех или иных положительных для реализации профессиональных или личных задач результатов».

Цель: выявить аксиологическую специфику восприятия носителями русского языка такого коммуникативного действия, как продуцирование РАУ в рамках конфликта.

Результат: подавляющее число респондентов (56,7 %) полагает, что РАУ можно использовать при необходимости; немало и тех, кто считает соответствующее коммуникативное действие неприемлемым (32,8 %). Лишь 10,4 % опрошенных считает оправданным применение РАУ при любом удобном случае

Пункт 9: «Недопустимость использования любых форм речевой угрозы для вас обусловлена следующими факторами (выберите наиболее значимый для вас вариант; если при ответе на вопрос 8 вы выбрали варианты 2 или 3, при ответе на данный вопрос выберите вариант 6): 1) несоответствие сути речевого акта угрозы принятым в цивилизованном обществе нормам культурного общения; 2) несоответствие сути речевого акта угрозы вашим философско-религиозным установкам; 3) возможность привлечения к административной или уголовной ответственности за применение речевых актов угроз в тех или иных конфликтных ситуациях; 4) опасность применения речевых актов угрозы в плане возможности дальнейшей эскалации конфликта / непоправимого ущерба в отношениях с другими коммуникантами; 5) меньшая эффективность речевых актов угрозы по сравнению с другими средствами коммуникативного воздействия (убеждение, лесть и т. д.); 6) — ».

Цель: уточнить причины недопустимости использования РАУ с точки зрения его противников среди современных носителей русского языка.

Результат: подавляющее число тех, кто убежден в неприемлемости РАУ, исходят из факта его противопоставленности нормам цивилизованного общения (25,4 %); 9 % опрошенных считают данный акт верным путем к усугублению конфликтной ситуации и кризису отношений с собеседником; соображения философско-религиозного и правового характера, равно как и идея о сравнительной коммуникативной неэффективности рассматриваемого акта, волнуют лишь по 4,5 % респондентов в каждом случае.

Пункт 10: «Применение речевого акта угрозы в повседневной — в том числе сетевой — коммуникации вы считаете оправданным в сле-

дующих случаях (можно отметить несколько вариантов; если при ответе на вопрос 8 вы выбрали вариант 1, при ответе на данный вопрос выберите вариант 7): 1) проблемные ситуации воспитания, связанные с необходимым воздействием на ребенка / родственника / младшего коллегу / подчиненного и т. д.; 2) ситуации, связанные с защитой ваших здоровья и жизни (или ваших близких); 3) ситуации, связанные с защитой ваших чести и достоинства (или ваших близких) («урезонить» обидчика посредством угрозы); 4) ситуации, связанные с защитой духовно-нравственных или социально-культурных ценностей (например, с целью призвать к порядку хулигана, остановить вандала, пресечь общественно вредную информационную деятельность тех или иных лиц в интернете и т. д.); 5) ситуации, связанные с отстаиванием личных (финансовых, карьерных, семейных, любовных и т. д.) интересов; 6) ситуации, связанные с потребностью принудить собеседника согласиться с вашей точкой зрения на те или иные вопросы (например, в ходе конфликта в социальных сетях); 7) —».

Цель: выявить, какие конфликтные ситуации носитель современного русского языка рассматривает как наиболее плодотворную почву для продуцирования РАУ.

Результат: первое место среди вышеперечисленных поводов для данного действия занимает вариант, связанный с защитой чести и достоинства самого человека и его близких (28,8 %); духовно-нравственные и социально-культурные ценности готовы защищать с помощью угроз 24,2 % опрошенных; конфликтные ситуации, сопряженные с необходимостью самозащиты или жестких воспитательных мер, респонденты считают уже менее подходящими в плане применения РАУ (по 21,2 %); в сугубо личных целях использование РАУ — для решения проблем материального или семейного порядка либо утверждения своей позиции в ходе разнообразных дискуссий — участники опроса считают не самой удачной идеей: варианты 5 и 6 отметили лишь 16,7 и 4,5 % респондентов соответственно.

Заключение

В русском коммуникативном сознании (по крайней мере, на уровне бытового конфликтного общения) применение РАУ не является действием табуированным — даже несмотря на то, что отечественное законодательство и подразумевает наказание за его использование.

Исследуемый акт выступает частью стратегии подчинения и представляет собой яркий элемент конфликтного дискурса. Основа продуцирования и перцепции РАУ — негативная эмоционально-интенциональная составляющая: производство данного акта часто сопряжено (а нередко и инициировано) с целым спектром негативных эмоций (раздражение, злоба и т. д.) по отношению к другому участнику общения, а конечная его цель — порождение чувства страха у слушающего.

По своей коммуникативной сути вербальная угроза является достаточно деструктивным речевым инструментом, посредством которого

могут реализовываться самые разнообразные негативные (в том числе и противозаконные) намерения говорящего. В этом качестве РАУ, безусловно, противоречит всем нормам общения, включая этические. Однако в число интенций продуцента речи могут входить и вполне положительные — стремление защитить себя и своих близких, предотвращение тех или иных общественно опасных поступков отдельных лиц и т. д. В этом случае применение РАУ может считаться рядовым носителем русского языка коммуникативно оправданным действием.

Подтверждение сказанному, по нашему мнению, представляют собой результаты разработанного нами опроса, который продемонстрировал достаточно утилитарное отношение современных носителей русского языка к использованию такого агрессивного по природе инструмента речевой манипуляции, как угроза. Большинство опрошенных учитывает его неинституциональный характер, однако тех, кто стремится вовсе исключить данный акт из повседневного речевого пространства, относительно немного. Интересно, на наш взгляд, и то, что главными причинами отказа от использования РАУ являются факторы социально-коммуникативного характера: желание следовать традиционным нормам культурного общения и, в меньшей мере, избежать обострения конфликта и ухудшения отношений с собеседником.

Иными словами, в данном акте, с точки зрения современного россиянина, нет ничего предосудительного, если он применяется «по делу». При этом наиболее релевантными для использования актов угрозы современный русскоговорящий человек, согласно данным нашего исследования, считает конфликтные ситуации, связанные с отстаиванием своих чести и достоинства и с защитой общественного порядка.

Список литературы

Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология. М., 2000.

Баранов А. Н. Феномен угрозы в лингвистической теории и экспертной практике // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. №4 (36). С. 139—147.

Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/18992 (дата обращения: 15.03.2020).

Бородина Ю. Э. Речевой акт угрозы в свете лингвистической экспертизы (на примере произведений жанра фэнтези) // Достижения и перспективы развития молодежной науки : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2019. С. 354—360.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008.

Жучков Д. О. К вопросу об определении и классификационной принадлежности речевого акта угрозы // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. №2. С. 69—71.

Жучков Д. О. Речевой акт угрозы как объект прагмалингвистического анализа : автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2010.

Каразия Н. А. Лингвопрагматическое исследование конфликтного дискурса // Вестник КРАУНЦ. Сер.: Гуманитарные науки. 2006. №2 (8). С. 72—88.

Мартынова И.А. Функционально-прагматическое поле менасивных речевых актов: На материале современной англоязычной художественной литературы : дис. … канд. филол. наук. Самара, 2006.

Новоженова З.Л., Пробст Н.А. К вопросу о речеактовой природе вербальной угрозы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2019. №4. С. 31—36.

Плотникова А.М. Лингвокреативные механизмы конструирования речевого акта «угроза» // Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2017. №2. С. 81—88.

Федорова Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. 1991. №6. С. 46—50.

Чесноков И.И. Дискурсивная тактика угрозы: косвенные формы объективации (предупреждения) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. №2 (97). С. 132—138.

Шахматова Т.С. Речевой акт косвенной угрозы в практике судебной лингвистической экспертизы // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, №5. С. 286—294.

Эпштейн О.В. Коммуникативно-речевые стратегии и приемы реализации угрозы в политическом дискурсе // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2008. №1 (51). С. 27—33.

Leech G.N. Principles of Pragmatics. L., 1983.

Levine T.R., Wheeless L.R. Situational intimacy as a predictor of compliance-gaining tactic selection // Communication Research Reports. 1997. Vol. 1. P. 132—144.

Nicoloff F. Threats and Illocutions // Journal of Pragmatics. 1989. Vol. 13, iss. 4. P. 501—522.

Parsons T. On the concept of influence // The Public Opinion Quarterly. 1963. Vol. 27. P. 37—62.

Probst N., Shkapenko T., Tkachenko A., Chernyakov A. Speech act of threat in everyday conflict discourse: production and perception // Lege Artis. 2018. Vol. 3, №2. P. 204—250.

Searle J.R. Expression and Meaning. L. ; N. Y. ; Melbourne, 1979.

Wunderlich D. Studien zur Sprechakttheorie. Frankfurt a/M., 1976.

Список источников

«Дурак» (драма, Россия, 2014). Режиссер — Ю. Быков.

«Ворошиловский стрелок» (драма, криминал, Россия, 1999). Режиссер — С. Говорухин.

«Сестры» (драма, криминал, Россия, 2001). Режиссер — С. Бодров-мл.

Об авторе

Никита Артурович Пробст, кандидат филологических наук, доцент Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: NProbst@kantiana.ru

Для цитирования:

Пробст Н.А. Эмоциональный и рецептивно-аксиологический аспекты речевого акта угрозы в русскоязычной повседневной конфликтной коммуникации // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №4. С. 28—44. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-3.

EMOTIONAL AND RECEPTIVE-AXIOLOGICAL ASPECTS OF THE SPEECH ACT OF THREAT IN EVERYDAY CONFLICT COMMUNICATION IN RUSSIAN

N. A. Probst[1]

[1] Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University
56a, Chernyshevsky St., Kaliningrad, Russia
Submitted on April 23, 2020
doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-3

The article analyses the emotive aspect of the production and perception of the speech act of threat and the specificity of the perception of this act by a modern native speaker of Russian. The act of threat is an instrument of influence exerted on the listener. Its effectiveness depends on the strength of the negative emotions of anxiety, fear, etc. initiated in the listener. At the same time, the production of threatening statements is often associated with the speaker's emotional state, which in some cases can serve as a catalyst for imperative influence. The speech act of threat, being an element of conflict discourse, contradicts the traditional principles of productive communication and the legal norms of any developed state. In everyday communication, a verbal threat can be regarded as a way of implementing communicative intentions that are completely justified from the socio-ethical point of view. For a modern Russian speaker, threat is not a communicative taboo and can be deliberately used in conflict situations related to the protection of human dignity, life, social values, etc.

Keywords: *psycholinguistics, theory of speech acts, communication, strategy of submission, speech act of threat, emotionality, evaluation*

References

Antsupov, A.J. and Shipilov, A.I., 2000. *Konfliktologiya* [Conflictology]. Moscow (in Russ.).

Baranov, A.N., 2014. The phenomenon of threat in linguistic theory and expert practice. *Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy* [Theory and practice of forensic science], 4 (36), pp. 139—147 (in Russ.).

Sukharev, A. Ya., ed., n.d. *Bol'shoj yuridicheskij slovar'* [Big Law Dictionary]. Available at: http://dic.academic.ru/dic. nsf/lower/18992 [Accessed 15 March 2020] (in Russ.).

Borodina, Yu.E., 2019. Threat speech act in the light of linguistic expertise (on the example of works of the fantasy genre). In: A.B. Cheremisin, ed. *Dostizheniya i perspektivy razvitiya molodezhnoi nauki: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Achievements and prospects for the development of youth science: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Petrozavodsk. pp. 354—360 (in Russ.).

Issers, O.S., 2008. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi* [Communication strategies and tactics of Russian speech]. Moscow (in Russ.).

Zhuchkov, D.O., 2009. On the question of the definition and classification of the threat speech act. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2, pp. 69—71 (in Russ.).

Zhuchkov, D.O., 2010. *Rechevoi akt ugrozy kak ob"ekt pragmalingvisticheskogo analiza* [Threat speech act as an object of pragmalinguistic analysis]. Ph.D. Voronezh State University (in Russ.).

Karaziya, N.A., 2006. Linguistic Pragmatic Study of Conflict Discourse. *Vestnik Kamchatskoj regional'noj assotsiatsii "Uchebno- nauchnyj tsentr". Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the Kamchatka Regional Association "Educational and Scientific Center" Series "Humanities"], 2(8), pp. 72—88 (in Russ.).

Martynova, I.A., 2006. *Funktsional'no-pragmaticheskoe pole menasivnykh rechevykh aktov: Na materiale sovremennoi angloyazychnoi khudozhestvennoi literatury* [The functional-pragmatic field of changeable speech acts: Based on the material of modern English-language fiction]. Ph. D. Samara State Pedagogical University (in Russ.).

Novozhenova, Z.L. and Probst, N.A., 2019. On the question of the speech act nature of the verbal threat. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Filologiya, pedagogika, psikhologiya* [Bulletin of the Baltic Federal University I. Kant. Ser.: Philology, pedagogy, psychology], 4, pp. 31—36 (in Russ.).

Plotnikova, A.M., 2017. Linguocreative mechanisms for constructing a speech act "threat". *Ural'skii filologicheskii vestnik. Ser.: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa* [Ural philological bulletin. Ser.: Language. System. Personality: Linguistics of creativity], 2, pp. 81—88 (in Russ.).

Fedorova, L.L., 1991. Typology of speech impact and its place in the structure of communication. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 6, pp. 46—50 (in Russ.).

Chesnokov, I.I., 2015. Discursive threat tactics: indirect forms of objectification (warning). *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2(97), pp. 132—138 (in Russ.).

Shahmatova, T.S., 2015. Speech act of indirect threat in the practice of forensic linguistic examination. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Scientific notes of Kazan University. Ser.: Humanities], 157(5), pp. 286—294 (in Russ.).

Epshtein, O.V., 2008. Communicative speech strategies and techniques for implementing the threat in political discourse. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University], 1 (51), pp. 27—33 (in Russ.).

Leech, G.N., 1983. *Principles of Pragmatics*. London.

Levine, T.R. and Wheeless, L.R., 1997. Situational. intimacy as a predictor of compliance-gaining tactic selection. *Communication Research Reports*, 1, pp. 132—144.

Nicoloff, F., 1989. Threats and Illocutions. *Journal of Pragmatics*, 13(4), pp. 501—522.

Parsons, T., 1963. On the concept of influence. *The Public Opinion Quarterly*, 27, pp. 37—62.

Probst, N., Shkapenko, T., Tkachenko, A. and Chernyakov, A., 2018. Speech act of threat in everyday conflict discourse: production and perception. *Lege Artis*, 3 (2), pp. 204—250.

Searle, J.R., 1979. *Expression and Meaning*. London, New York, Melbourne.

Wunderlich, D., 1976. *Studien zur Sprechakttheorie*. Frankfurt a/M.

Films

"The Fool" (drama, Russia, 2014). Directed by Yu. Bykov.

"The Voroshilovsky shooter" (drama, crime, Russia, 1999). Directed by S. Govoru-hin.

"The Sisters" (drama, crime, Russia, 2001). Directed by S. Bodrov, Jr.

The author

Dr Nikita A. Probst, Associate Professor, Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: NProbst@kantiana.ru

To cite this article:

Probst, N.A. 2020, Emotional and receptive-axiological aspects of the speech act of threat in everyday conflict communication in Russian, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 4, p. 28—44. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-3.

УДК 81'42

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В СИТУАЦИИ КОНФРОНТАЦИОННОГО ОБЩЕНИЯ

***А. А. Тиллабаева*[1], *В. А. Шульгинов*[1]**

[1] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4, стр. 1
Поступила в редакцию 20.04.2020 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-4

Исследование посвящено описанию невежливости на уровне интеракции интернет-пользователей в условиях конфронтационной коммуникации. Этот подход предполагает выявление маркеров речевой агрессии, типичных для определенного типа дискурса, которые позволяют выявить роли и установки участников конфликтного общения. Методология исследования строится на дискурсивном подходе к описанию материала, а также использовании корпусных инструментов в области сбора и разметки данных. Для анализа мы выбрали семь конфронтационных тредов в сообществах социальной сети «ВКонтакте» («БОРЩ», «Лентач», «Медуза», «Поперечный»). В результате проведенного исследования описаны языковые маркеры перехода от кооперационного к конфронтационному речевому взаимодействию. Мы выявили типичные роли коммуникантов в рамках конфронтационного взаимодействия, отметили динамику использования агрессивных языковых средств для каждой из предложенных стратегий. Обнаружены типичные для конфронтационного взаимодействия в социальных сетях тактические приемы: апелляция к достоверности предъявляемой информации, указание на недостаточную степень верификации данных автором, акцентирование внимания на нарушении правил орфографии и пунктуации. Описанные сценарии регулярно встраиваются в более сложные по структуре конфликты и характеризуются как мотивы, типичные для агрессии в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: *невежливость, конфликт, речевая агрессия, интеракция, социальные сети*

К постановке проблемы

В последние десятилетия паре «вежливость / невежливость» уделяется все большее внимание со стороны социолингвистики и прагматики. Причем, если авторы традиционных прагматических исследований (П. Браун, С. Левинсон; Дж. Лич и др.) стремились выработать универсальные лингвистические принципы кооперативного речевого поведения адресанта, то в дальнейшем исследователи (М. Теркурафи, Дж. Калпепер и др.) смещают акцент на восприятие речевого взаимодействия адресатом, что закономерно приводит к переосмыслению речевой невежливости (или грубости) как самостоятельного объекта лингвистического описания, характеризующегося эмоциональной и интенциональной окрашенностью.

© Тиллабаева А. А., Шульгинов В. А., 2020

Вслед за Дж. Калпепером мы трактуем невежливость (impoliteness) как «негативное отношение к конкретным видам поведения, происходящим в определенных контекстах» (Culpeper, 2011, p. 254). Она поддерживается ожиданиями, желаниями и/или убеждениями относительно социальной организации, включая, в частности, то, как идентичность одного человека или группы опосредуется другими в социальном взаимодействии. Невежливость, таким образом, представляет собой тип речевого поведения, который противоречит предустановкам и ожиданиям остальных участников коммуникации, и в этом смысле она оказывается противопоставлена вежливости как регулярному речевому поведению.

Относительная нерегулярность, экспрессивность и наличие ярко выраженной интенции приводят к тому, что невежливость воспринимается в качестве маркированной области коммуникативного взаимодействия, что становится ценным ресурсом саморепрезентации в ситуации непрерывной интернет-коммуникации, где завершение отдельного речевого взаимодействия не является показателем достижения единой коммуникативной цели: общение всех со всеми может продолжиться в комментариях под соседним постом, личных сообщениях или на других интернет-платформах.

В этих условиях взаимодействие коммуникантов определяется двумя базовыми тенденциями: стремлением к саморепрезентации (поиск социальной идентичности через сознательное структурирование языковой личности) и построением и поддержкой сетевых отношений (принцип социального взаимодействия коммуникантов) (Seargeant, Tagg, 2013, p. 5), которые зачастую реализуются с помощью конфронтационных речевых стратегий. Специфика этих поведенческих стратегий отражается в типичных формах агрессивного взаимодействия: *флейме* и *троллинге*, где флейм, предполагающий явно агрессивные выражения в процессе антагонистического поведения, позволяет противопоставить себя диффузной массе, пусть и ценой негативной оценки, а троллинг, характеризующийся скрытой подрывной деятельностью, очерчивает рамки «свой / чужой» в пределах онлайн-сообщества. Таким образом, конфронтационное речевое поведение сопровождает как процесс самоидентификации пользователя, так и построение групповой общности, по крайней мере, в области обозначения ее границ.

Невежливость обнаруживает себя в ситуации речевого конфликта, под которым понимается столкновение двух сторон по поводу несоответствия целей, интересов и т.д. (Гулакова, 2004, с. 4). Существенным моментом возникновения речевого конфликта оказывается тот факт, что одна из сторон действует в ущерб другой, а другая сторона осознает это и предпринимает ответные действия. Структурным ядром речевого конфликта становится доминирующая конфронтационная реплика одного из коммуникантов, выражающая вербальное противодействие оппоненту. Вербальные реакции пользователей на данную реплику приводят к формированию самостоятельной ветки общения (в на-

шей терминологии — «конфронтационного треда»), которая структурно и содержательно отделена от основного обсуждения. Реплики, входящие в состав конфронтационного треда, могут быть направлены как на эскалацию конфликта, так и на уменьшение конфликтных настроений и возвращение к кооперативному взаимодействию, что и определяет его внутреннюю динамику. В рамках данного исследования мы описываем микроуровень конфликтной коммуникации: выявление речевой агрессии на уровне интеракции пользователей с учетом их тактик и установок.

Методы и описание исследования

В рамках нашего исследования применяется дискурсивный подход, который предполагает качественный анализ небольших фрагментов взаимодействия в интернет-коммуникации. Для анализа мы выбрали семь тредов в сообществах «БОРЩ», «Лентач», «Медуза», «Поперечный» (социальная сеть «ВКонтакте»), характеризующихся наличием явной конфронтации между пользователями. При отборе тредов мы учитывали как формальные показатели, например использование бранной лексики в обращениях («ну давай олень»[2]), так и содержательное столкновение позиций коммуникантов («лучше проверить, чем просто так болтать», «что проверять? Ты тупой?»). В автоматическом режиме была сформирована база данных конфронтационных реплик, в структуру которой вошли разделы: *имя комментатора*; *имя комментируемого*; *текст комментария*. Такая структура позволила нам проанализировать функционирование реплик в минимальном контексте: с учетом предыдущего высказывания, являющегося стимулом для конфронтационного / кооперативного ответа пользователя. В результате мы разметили базу данных объемом 445 реплик, обозначив *тактики пользователей* и *языковые средства*, которые эксплицируют интенции участников треда.

При описании речевой агрессии мы учитывали тот факт, что категории вежливости и невежливости не перформативны по своей природе: «Одни и те же лексемы и синтаксические конструкции могут служить средством выражения как вежливости, так и невежливости» (Леонтьев, 2018, с. 120). Мы можем говорить лишь о расположенности ряда языковых фактов к появлению в ситуации речевого конфликта, что на материале английского языка достаточно убедительно продемонстрировал Дж. Калпепер (Culpeper, 2011).

С опорой на ряд работ по лингвистическому описанию речевой агрессии (Апресян, 2003; Гулакова, 2004) был обозначен следующий набор языковых средств, которые потенциально могут отражать речевую агрессию: на лексическом уровне (грубо-просторечная лексика, лексика с эмоционально-экспрессивной стилистической окраской, перформативные вопросы, ряд служебных слов, группа фразеологизмов); на синтаксическом уровне (простые предложения, используемые чаще

[2] Орфография и пунктуация коммуникантов в примерах сохранены.

в силу их экспрессивности и эмоциональности; некоторые виды сложных предложений, например, зачастую тактика угрозы маркируется сложноподчиненными предложениями с условными придаточными; обратный порядок слов; обращения); на прагматическом уровне (вопросительные предложения (верификативные и апеллятивные вопросы, риторические вопросы), побудительные предложения).

В данной статье приводятся примеры из следующих конфронтационных тредов:

— ситуация 1 (основная): обсуждение достоверности изобретения лекарства от рака (https://vk.com/wall-460389_8220705);

— ситуация 2 (дополнительная): обсуждение своевременности публикации поста о том, как пожилая женщина инвестировала 10 тыс. рублей (происходит военный конфликт в Сирии) (https://vk.com/im?sel=143260421&w=wall76982440_3530787%2Faa3c13f873682b181b);

— ситуация 3 (дополнительная): обсуждение экономической целесообразности тушения лесных пожаров в Австралии (https://vk.com/lentach?w=wall-29534144_12661025);

— ситуация 4 (дополнительная): обсуждение достоверности информации о лесных пожарах в Австралии (https://vk.com/lentach?w=wall-29534144_12661025).

Результаты исследования

В качестве основного конфликта в нашем исследовании представлено столкновение в сообществе «БОРЩ», развернувшееся в отдельной цепочке комментариев под постом следующего содержания:

> В Калифорнии изобрели вирус, который убивает рак и укрепляет иммунную систему. Профессор Юман Фонг с помощью генной инженерии вывел вирус CF-33, атакующий раковые клетки. Препарат будет готов к использованию во втором квартале 2020 года. Вот именно так и выглядит прорыв / рывок.

В качестве тредообразующей реплики выступает комментарий пользователя по имени Виктор: *Да, да, конечно, изобрели 🤦‍♂️ 10 раз изобрели, как новости в контакте не почитаешь, каждый день это лекарство изобретают,* в котором пользователь придерживается тактики дискредитации содержания поста, выраженной с помощью вводного слова (*конечно*), градации (*изобрели — 10 раз изобрели — каждый день изобретают*). Помимо этого дискредитация подвергается статус социальной сети «ВКонтакте» в качестве достоверного источника информации. Верификация информации, представленной в СМИ или социальных сетях, регулярно становится основной интенцией агрессивной коммуникации, что можно трактовать как общий мотив конфронтационных стратегий. Например, *(ситуация 2)* ***не смотри новости,*** *да как же вы надоели со своей* ***интернет-паникой****, о, Аллах.*

Высказывание Виктора получает неоднозначную оценку: часть пользователей поддерживает его позицию, например ниже следует комментарий Олега: *зато теперь много лекарств от рака* 😁 *это еще и иммунитет укрепляет*. О поддержке позиции Виктора свидетельствуют и 338 «лайков» под его комментарием, однако это пассивная поддержка, которая не находит вербального отражения в дальнейшей коммуникации.

Большинство пользователей, вступивших в обсуждение, выражают несогласие с позицией Виктора. Основную оппозицию составляют Ринат и Виктория, которые упрекают Виктора в том, что он подвергает сомнению достоверность опубликованной в социальный сетях информации, не обращаясь при этом к другим источникам для проверки информации: *лучше проверить, чем просто так болтать* (Ринат); *так то медицинское сообщество уже давно обсуждает этот вирус. Вы читайте новости не только в вк* (Виктория). Необходимо отметить, что, хотя эти реплики и выражают несогласие с позицией Виктора, их сложно отнести к конфронтационным, так как в них практически отсутствуют маркеры речевой агрессии. В качестве отдельных элементов речевой агрессии может выступать сниженная лексема *болтать*, а также использование императивной конструкции (*вы читайте новости не только в вк*).

Экспликацию конфронтационного речевого общения осуществляет Виктор, который и становится основным провокатором в данном конфронтационном треде:

Имя комментатора	Имя комментируемого	Комментарий
Виктор	Ринат	что проверять? Ты тупой? Каждый день такие новости в интернете пишут
Виктор	Виктория	так то то что обсуждают, не значит что нашли лекарство, мозгами шевели
Ринат	Виктор	«Да, да, конечно, изобрели 🤦 10 раз изобрели...» Звучит (читается) для очень умных людей вроде вас, как сарказм и никак иначе. Воспринимать данное предложение и в целом комментарий как утверждение, тоже самое, что принять осла за корову
Виктория	Виктор	нашли ПРЕПАРАТ, а не излечение. и сейчас еще не известно как на людях препарат себя поведет, клинический испытаний еще не было. Пора учиться фильтровать информацию, в интернете не только мемы можно смотреть
Виктор	Виктория	ты тупая? Таких препаратов уже кучу нашли, ни один не помогает, нет лечения от рака, иногда лучше жевать чем говорить. Это про тебя.

В этом фрагменте в качестве конфронтационных реплик выступают комментарии Виктора, обращенные к Ринату и Виктории. Речевая агрессия маркируется на лексическом уровне с помощью оценочных прилагательных *(тупая*), сниженных устойчивых коллокаций (*мозгами шевели*, затем: *конченный даун),* использования прецедентных текстов уничижительного характера: *иногда лучше жевать чем говорить. Это про тебя.* На синтаксическом уровне употребляется ряд риторических вопросов, которые усиливают воздействие на собеседника: *что проверять? Ты тупой?*

Одним из универсальных маркеров начальной стадии конфронтации оказывается переход к использованию ты-форм: *ты тупой; мозгами шевели; ты тупая; ты конченый даун*. Он встречается практически во всех проанализированных нами тредах: *(ситуация 2) да как же* ***вы*** *надоели со своей интернет-паникой, о, Аллах / мне так лень тебе что-то объяснять, соре(; (ситуация 3) хм, по-моему, вы не поняли отсылку / в рот компот пароход, ты меня спалил начальник* и др.

После этого наступает этап открытого противостояния между пользователями, во время которого стратегии конфронтации и кооперации реализуются в различном соотношении в зависимости от роли и цели коммуниканта. Стратегии открытой конфронтации придерживается пользователь Виктор, который выступает в качестве инициатора и главного агрессора. В большинстве своих высказываний он использует тактику оскорбления, экспрессивный компонент в семантике слов при этом усиливается с развитием конфликта: *ты просто еще молодая и* ***не очень умная***; *ну давай* ***олень****, ответь на вопрос;* ***пес смердящий****; ты* ***конч****; ты* ***тупая****; ты* ***конч глупый****; обосрался ты даун*. В большинстве инвективных конструкций, используемых Виктором, ярко выражена сема глупости, которая приписывается остальным участникам спора (*не умная, тупая, глупый, олень* и *др*.).

В процессе развития конфронтационного треда соотношение между информативной и экспрессивной частями изменяется в пользу экспрессии, что в конце концов приводит к исчезновению информативной части высказывания:

> Ты конченый даун, *наверное потому что существует лекарство от рака даже знаменитые и богатые люди умирают, да?*
>
> ну давай олень, *скажи почему Фриске умерла, если лечение рака? Почему Стива Джобса вернулся рак, если есть лекарство от рака?* А? А? А?
>
> обосрался ты даун, так как ничего ответить не можешь
>
> я свинота? Это ты свинота, ты жирный.

Речевая агрессия Виктора маркируется использованием сниженной лексики (*конченый, даун; жирный; обосрался и др*.), в том числе большой группы зоонимов (*свинота, олень)*; переспросов и апеллятивных вопросов (*А? А? А?)*, императивных форм глагола (*скажи*). В связи с автоматической подстановкой обращений в социальных сетях, дополнительные обращения в комментарии всегда оказываются маркированными. Они могут обозначать:

— прямое оскорбление (ситуация 4) (*ты телепомоек насмотрелся* ***олень****, ты будешь утверждать, что большая часть центра Австралии в лесах,* ***поехавший****?)*;

— иронию, насмешку по отношению к собеседнику (ситуация 3) (*нагнетать и держать в курсе разные вещи, умница*);

— негативную оценку коммуникативной ситуации в целом, обращение к высшим силам (ситуация 3) (*да как же вы надоели со своей интернет-паникой, о,* ***Аллах***);

— отношения групповой общности как проявление кооперативной стратегии (ситуация 4) (*это достаточно крупное СМИ* ***чувак****, это их работа; ой, ребята, я тут шута могу посоветовать…*).

Основным оппонентом Виктора становится пользователь Ринат, агрессия которого проявляется в использовании следующих языковых маркеров:

— намеренное искажение графической формы слова: *опеллируете, врятли, как никрути*;

– использование инвектив*: мудак, тупых вопросов, ты... Обосрался*;

– переход к ты-формам: ***сморозили*** *х..ю по неосторожности / Да ты мудак оказывается?*

Речевое поведение Рината в большей степени, чем Виктора, характеризуется направленностью на кооперацию: данный пользователь придерживается тактики разоблачения, тем самым стремясь одержать верх в споре, а не оскорбить оппонента. Именно поэтому он регулярно апеллирует к своей правоте (*Хочешь поговорить при помощи оскорблений и тупых вопросов или все-таки признаешь, что я прав как никрути?*), обращается к сути конфликта (*Вернемся к «нашим баранам»).* Кроме того, стремится выступить в роли судьи, подвергая комплексной оценке столкновение сторон:

> То что вы пытаетесь донести, выражается не так, как должно быть // Предлагаю принять капитуляцию и не продолжать в том же духе пытаться доказать свою правоту. Ты ведь и сам давно понял, что гордость взяла над тобой верх и не дала отступиться от своих слов или даже пояснить их смысл более подробно.

Кооперативная стратегия Рината косвенно проявляется и в направленности речевой агрессии: инвективная лексика используется для оценки речевого взаимодействия, а не непосредственно личности Виктора (*сморозить, тупых вопросов, опеллируете).*

Виктория в большей степени стремится к переходу к кооперативному взаимодействию, что проявляется на различных уровнях языка:

— использование императивных конструкций в сочетании с вы-формами (*Видите что хотите*; *Раз сказали А, говорите Б*);

— сопровождение тактики упрека верификативными вопросами, направленными на уточнение информации (*какие препаратов? Какое действующее вещество? Где источник информации, что они не имеют вообще никаких эффектов?)*;

– графическое выделение слов, которое хоть и является элементом экспрессии, но все же акцентирует внимание на семантически значимой для передачи информации лексике: *нашли* ***ПРЕПАРАТ****, а не излечение*; *нашли то что* ***ВОЗМОЖНО*** *замедлит рост опухолей*;

– экспрессивная лексика, дублирующая реплики оппонента, а не направленная на усиление конфликта:

Виктор (агрессор)	Виктория (защита)
так то то что обсуждают, не значит что нашли лекарство, *мозгами шевели*	Только оскорблять и умеете. Видимо считаете, что на планете *мозги шевелятся* только у *Вас*
Ты *тупая*	Высказывание *умного человека*
Ринат	Виктория
я уверен в том, что вы просто *сморозили х…*	*где я сморозила*? что именно? Ткните носом *пожалуйста*

Любопытным кажется переключение регистра «конфронтация / коммуникация», которое происходит, когда Виктория ошибочно принимает агрессию Рината, адресованную Виктору, на свой счет:

Ринат	видимо вы ошиблись. Вам я ничего не говорил
Виктория	прошу прощения, все слишком динамично ☺

Таким образом, установка Виктории заключается в использовании этикетных форм, которые, по мнению К. Лоренца, представляют собой «смещенное действие, переориентацию нападению, направляющее агрессию в безопасное русло» (Лоренц, 2001, с. 80). Применение в конфликтной коммуникации стандартизированных приемов речевого этикета (*Вас, пожалуйста*) подчеркивает стремление Виктории перейти к кооперативной стратегии.

Помимо основных участников конфронтации в треде принимают эпизодическое участие коммуниканты, которые вовлечены в противостояние позже или ограничиваются лишь одной репликой. Наиболее активным участником становится Михаил, выполняющий функцию подстрекателя. Он присоединяется позже, однако проходит все этапы развития конфликта:

– столкновение сторон: *Если что, то Вк это не официальный источник СМИ, а совсем другая «сеть». Все, что тут пишут не может являться 100 % правдой. Хотя,* ***Вашему серому веществу сложно обработать*** *эту информацию…* (использование Вы-форм, оценочные коллострукции);

– дискредитация оппонента в ходе прямого противостояния, которая осуществляется путем использования императива (*послушай сюда, не скули, расскажи еще что-нибудь*), обращения-зоонима (*свинота*), экспрессивных коллострукций (*ты свой хавальник закрой*), уменьшительных суффиксов (*место твое в стайке*), междометия (*ой*);

– выход из конфликта путем дискредитации оппонента в обращении к сообществу (*ой, ребята, я тут шута могу посоветовать. Кличется Витьком…).*

Остальные участники конфронтационного треда либо стремятся к кооперативному взаимодействию, либо косвенно участвуют в споре, поддерживая одну из сторон.

Имя	Реплика	Цель
Олег	зато теперь много лекарств от рака 😀 это еще и иммунитет укрепляет	Поддержка Виктора
Саша	Рак — это не одна болезнь, это обывательское название десятков тысяч заболеваний одной природы	Кооперация
Семён	да зачем? у него протеин головного мозга. как говорится в поговорке, сила есть, ума не надо	Поддержка Рината / дискредитация Виктора
Светлана	потому что в условиях настоящей реальности рак все еще не лечится, его оперируют и убивают химиотерапией	Кооперация
Валик	Clown он, не обращай внимания	Поддержка Рината / дискредитация Виктора
Юра	ты отпишись от Аптека.ру)))))	Дискредитация Виктора
Мария	один умнее другого	Судья в споре
Евгений	давай пруфы хоть на одну такую новость не из желтой прессы	Дискредитация Виктора

Выход из конфронтационного треда зависит от той роли, которую выполняет коммуникант. Так, основной инициатор спора Виктор постепенно понижает уровень кооперации с другими участниками треда и в конце концов переходит к кратким оскорблением в адрес каждого из оппонентов, используя грубую лексику и императивные формы глаголов: *обосрался ты даун, так как ничего ответить не можешь*; *даже читать не буду, ты обосрался*; *сасай*; *кудахтай дальше даун*. Таким образом, Виктор вербально не обозначает своего выхода из конфликта. Похожей тактики в конфликтном треде в сообществе «Медуза» придерживается пользователь Alex, который завершает участие в конфликте прямым оскорблением: (конфликт 3) ***найди*** *себе собеседников* ***со своей скотобазы****. я с* ***быдлом*** *не общаюсь.*

Пользователи, занимающие позицию судьи, при выходе из конфликта стремятся к подведению итогов в форме развернутого высказывания. Например, окончание коммуникации Рината:

> в любом случае, я в итоге оказался прав, согласен? «Либо другой вариант. То что вы пытаетесь донести, выражается не так, как должно быть». Ps: Мои слова в начале нашего диалога, после твоего оскорбительного вопроса. Если бы ты смог нормально объяснить, что ты хотел сказать, я бы возможно с тобой согласился. К сожалению ты решил иначе. Удачи тебе.

Обращает внимание тот факт, что в итоговой реплике практически отсутствуют показатели речевой агрессии. Пользователь, выполняющий роль судьи, может использовать и оценочную лексику. Например, Alex (ситуация 3):

дешевый слив, от *неудачника*, который даже не может признать, что *сказал чушь* и настолько *жалок*, что будет доказывать что в центре Австралии камни и песок не горят только потому что там нет людей) Путать берега будут твои друзья *АУЕ-ники* и твои родители, которые воспитали такого *дегенерата*).

Виктория прекращает спор на информативной реплике, воспользовавшись технической возможностью выйти из компьютерно-опосредованной коммуникации и в любой момент покинуть коммуникацию: *раньше люди так же рассуждали о туберкулезе и сифилис, но сейчас это все лечится, если начать вовремя.*

Таким образом, выходя из конфликта, пользователи социальных сетей практически никогда не признают поражения в столкновении: при утрате инициативы они чаще всего просто прекращают участие в коммуникации.

Кооперативный принцип завершения конфронтации характеризуется признанием точки зрения оппонента как возможной альтернативы, например: (конфликт 4) *крч твоя правда тоже. тока я не понял о чем мы.*

Обсуждение результатов исследования

Конфронтационный тред строится как цепочка реплик, направленных на дискредитацию позиции или личности оппонента. В его основе лежит комментарий верхнего уровня, провоцирующий несогласие и обсуждение, что, впрочем, не всегда приводит к агрессивному речевому столкновению пользователей и, видимо, зависит от дискурсивных особенностей конкретного интернет-сообщества. Переход к открытому столкновению определяется конфронтационной репликой, которая содержит в себе прямое оскорбление оппонентов, чаще всего выраженное с помощью инвективы конструкций и переходом к ты-формам. Остается открытым вопрос о том, где именно заложен конфликт, который приводит к столкновению сторон: это может быть обсуждаемая ситуация, пост как ее отражение, комментарий верхнего уровня или непосредственно конфронтационная реплика. Кроме того, возникновение конфронтации может быть продиктовано самой политикой конкретного сообщества на развитие и поддержку конфронтации между подписчиками.

Мы выделили несколько ситуаций, которые обладают признаками повторяемости и воспроизводимости в конфронтационных тредах: обсуждение достоверности предъявляемой информации, отсутствие установки пользователя на проверку фактов, нарушение правил орфографии и пунктуации. Конфронтации вокруг этих ситуаций регулярно встраиваются в более сложные по структуре конфликты и характеризуются как мотивы, типичные для агрессии в интернет-коммуникации.

Основными маркерами речевой агрессии становятся грубая оценочная лексика, в том числе оценочные прилагательные, существительные лексико-семантической группы «названия животных», глаголы речи; устойчивые коллострукции с оценочным значением. На морфо-

логическом уровне частотными оказываются императивные формы глаголов; на синтаксическом — риторические и апелляционные вопросы, градационные ряды. Обращает на себя внимание позиция дополнительного обращения, лексическое наполнение которого может служить как способом усиления конфронтации, так и показателем групповой общности.

При описании языковых средств мы обратили внимание на ряд явлений, которые не выражают прямой речевой агрессии, но во многом становятся следствием роли пользователя в конфронтации. В частности, маркированным является использование знаков препинания: пользователи, нацеленные на конфронтацию, постепенно упрощают пунктуационное оформление своих комментариев, тем самым еще больше подчеркивая неуважение к адресату. В то же время если участник конфликтного треда занимает позицию судьи, то в его комментариях прослеживается стремление к гиперкорректному употреблению пунктуационных знаков, что позволяет утвердить более высокий статус по отношению к остальным участникам треда.

Еще одним косвенным фактором оказывается длина реплик: стратегия открытой конфронтации сопровождается использованием комментариев из одного-двух предложений, в то время как типичные комментарии пользователей-судей, в которых они стремятся подвести итог конфронтации, оказываются гораздо более объемными и не содержат показателей прямой речевой агрессии. Можно предположить, что конфронтация между пользователями не всегда находит отражение в использовании экспрессивных языковых средств и может быть обнаружена только с помощью анализа более широкого контекста.

Таким образом, структура конфронтационного треда носит динамический характер: каждая реплика существует в контексте предыдущей и может либо усиливать общий уровень агрессии, либо поддерживать кооперативное взаимодействие между пользователями. Это позволяет нам говорить о перспективе применения принципов анализа тональности текста, который традиционно используется для выявления «мнений, настроений, оценок, взглядов и эмоций людей по отношению к таким субъектам, как продукты, услуги, организации, физические лица, вопросы, события, темы и их атрибуты» (Liu, 2012, p. 1). В этом случае каждая реплика конфронтационного треда носит двойственный характер: с одной стороны, она представляет собой тот субъект, который подвергается оценке, с другой — отражает отношение пользователей к комментариям более высокого уровня.

Список литературы

Апресян В. Ю. Имплицитная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : тр. междунар. конф. «Диалог 2003». М., 2003.

Гулакова И. И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2004.

Леонтьев В. В. Речевое подтрунивание в русской и английской лингвокультурах // Жанры речи. 2018. №2 (18). С. 119—126.

Лоренц К. Агрессия. СПб., 2001.

Руднева Е.А. Стратегии лингвистической вежливости в спонтанном речевом взаимодействии : дис. ... канд. филол. наук. М., 2019.

Culpeper J. Impoliteness: Using Language to Cause Offence. Cambridge, 2011.

Lakoff R.T. The logic of politeness, or minding your P's and Q's // Papers from the Ninth Regional Meeting of Chicago Linguistic Society / C. Corum, T.C. Smith-Stark, A. Weiser (eds.). Chicago, 1973. P. 292—305.

Leech G. Principles of Pragmatics. N. Y., 1983.

Liu B. Sentiment Analysis and Opinion Mining. Morgan and Claypool, 2012.

Seargeant P., Tagg C. (eds.). The Language of Social Media: Identity and Community on the Internet. L., 2014.

Terkourafi M. Toward a unified theory of politeness, impoliteness and rudeness // Impoliteness in Language. Studies on its Interplay with Power in Theory and Practice / D. Bousfield, M. Locher (eds.). Berlin, 2008. P. 45—74.

Об авторах

Алина Азаматовна Тиллабаева, стажер-исследователь лингвистической конфликтологии и современных коммуникативных практик, национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

E-mail: alinatillabaeva42@gmail.com

Валерий Александрович Шульгинов, кандидат филологических наук, научный сотрудник научно-учебной лаборатории лингвистической конфликтологии и современных коммуникативных практик, национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

E-mail: vshulginov@hse.ru

ORCID: 0000-0003-2217-3677

Для цитирования:

Тиллабаева А.А., Шульгинов В.А. Речевое поведение интернет-пользователей в ситуации конфронтационного общения // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №4. С. 45—57. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-4.

SPEECH BEHAVIOR OF INTERNET USERS IN CONFLICT COMMUNICATION

A.A. Tillabaeva[1], V.A. Shulginov[1]

[1] National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
21/4 Staraya Basmannaya St., Moscow, 105066, Russia
Submitted on April 20, 2020
doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-4

This article explores the expression of impoliteness of Internet users in confrontational threads. This approach involves the identification of speech aggression markers typical of a certain type of discourse. This makes it possible to define the roles and attitudes of participants in the conflict interaction. The authors employed methods of discourse analysis and corpus tools of data collection and marking. Seven confrontational threads in the communities of the social network "Vkontakte" were analysed. The authors identified language markers of

the switch from cooperative to confrontational speech interaction. The authors investigated the typical roles of communicators in a confrontational thread, and observed the dynamics of using aggressive language tools for each of the proposed strategies. The article describes typical situations for the confrontational threads: reliability of the information presented, lack of the user's intention to check facts, and the violation of spelling and punctuation rules. Confrontations around these situations tend to lead to more complex conflicts and are characterized as motives typical of impolite communication.

Keywords: *impoliteness, conflict, speech aggression, interaction, social networks*

References

Apresyan, V.Yu., 2003. Implicit aggression in language. In: Computational Linguistics and Intellectual Technologies, *Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (2003)* [Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2003)]. Moscow. pp. 32—35 (in Russ.).

Gulakova, I.I., 2004. *Kommunikativnye strategii i taktiki rechevogo povedeniya v konfliktnoi situatsii obshcheniya* [Communication strategies and tactics of speech behavior in a conflict communication situation]. Ph. D. Orlov State University (in Russ.).

Leont'ev, V.V., 2001. Speech teasing in Russian and English lingvocultures. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2, pp. 119—126 (in Russ.).

Lorents, K., 2001. *Agressiya* [Agression]. St. Petersburg (in Russ.).

Rudneva, E.A., 2019. *Strategii lingvisticheskoi vezhlivosti v spontannom rechevom vzaimodeistvii* [Strategies of linguistic politeness in spontaneous speech interaction]. Ph. D. Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (in Russ.).

Culpeper, J., 2011. *Impoliteness: Using Language to Cause Offence*. Cambridge.

Lakoff, R.T., 1973. The logic of politeness or minding your P's and Q's. In: *Papers from the Ninth Regional Meeting of Chicago Linguistic Society*. Chicago.

Leech, G., 1983. *Principles of Pragmatics*. New York.

Liu, B., 2012. *Sentiment Analysis and Opinion. Mining*. Morgan and Claypool.

Seargeant, P. and Tagg, C., eds., 2014. *The language of social media: Identity and community on the Internet*. London.

Terkourafi, M., 2008. Toward a unified theory of politeness, impoliteness and rudeness. In: D. Bousfield and M. Locher, eds. *Impoliteness in Language. Studies on its Interplay with Power in Theory and Practice*. Berlin. pp. 45—74.

The authors

Alina A. Tillabaeva, Researcher, the Laboratory of Linguistic Conflict Studies and Modern Communicative Practices, National Research University Higher School of Economics, Russia.

E-mail: alinatillabaeva42@gmail.com

Dr Valery A. Shulginov, Researcher, the Laboratory of Linguistic Conflict Studies and Modern Communicative Practices, National Research University Higher School of Economics, Russia.

E-mail: vshulginov@hse.ru

ORCID: 0000-0003-2217-3677

To cite this article:

Tillabaeva, A.A., Shulginov, V.A. 2020, Speech behaviour of Internet users in conflict communication, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 4, p. 45—57. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-4.

УДК

ARGUMENTUM AD MORTI В ДИСКУРСЕ НАСИЛИЯ: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА «РАДИКАЛЬНОЙ» АРГУМЕНТАЦИИ

***Г. Л. Тульчинский*[1, 2, 3]**

[1] Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
[2] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
190008, Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16
[3] Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, 14
Поступила в редакцию 14.02.2020 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-5

Аргумент к смерти – специфический тип аргументации, явно или неявно апеллирующий к пределу человеческого существования, риторический прием, способный повысить степень убедительности просьбы, пожелания и т. п. или блокировать саму возможность коммуникации. Степень иллокутивности такой фигуры аргументации может быть связана со шкалой используемых средств: от логических (обобщающая индукция и вытекающая из этих обобщений дедукция) до выражения экзистенциальных угроз и их реализации, что уже выводит за границы аргументации как дискурсивной практики, а то и делает невозможной саму коммуникацию. Такой тип аргументации характерен для социума, отношения в котором строятся не на согласии и балансе интересов, праве, а на произволе.

Ключевые слова: *аргументация, дискурс насилия, коммуникация, полемика, смерть, спор, anti-dixi*

Несмотря на призывы к толерантности, специальные программы, направленные на снижение роли насилия, интерес к философии и практикам ненасилия, в современном обществе сохраняется высокий уровень агрессии — как в политике, так и в обыденной жизни. Соответственно, предпринимаются активные попытки осмысления феномена, если не «культуры», насилия, следствием чего является интенсивное формирование дискурса насилия. В рамках постмодернистской критики логоцентризма даже сформировалось понимание самой дискурсивной практики как разновидности насилия. Особую роль в дискурсе насилия играет его наиболее радикальная форма — argumentum ad morti (аргумент к смерти) (Проективный философский словарь, 2003, с. 26—29; Чуешов, 1993; Тульчинский, 1995).

Argumentum ad morti довольно распространен в коммуникации, полемике, споре. Этот тип аргументации проявляется в использовании тезиса и посылок, соответствующих рассуждений, содержащих «смертные» термины, что придает доводам особую убедительность: «Все люди смертны», «Все там будем» и т. п. Проявляется он и в апелляции к воз-

© Тульчинский Г. Л., 2020

можным практическим выводам, в прямой угрозе жизни оппонента или его близких: «Стой! Стрелять буду!», «Если вам дорога жизнь вашей дочери, вы сделаете это» и др. Сюда же относится и угроза самоубийством: «Если вы не сделаете это, я повешусь». К подобного рода аргументам прибегают не только шантажисты, грабители, рэкетиры, но и органы охраны порядка, службы безопасности. Примерами argumentum ad morti являются угроза военных операций во внешней политике, законодательное требование смертной казни, настойчивость врача на срочной операции.

Речь идет о рассмотрении смерти в коммуникативном, риторическом и логическом контекстах — как аргумента, обращающегося к пределу человеческого существования, способного повысить степень убедительности просьбы, пожелания, угрозы, а то и блокировать саму возможность коммуникации. Этот тип аргументации — «идеоречевая конструкция, одним из элементов (оснований) которой является имплицитная или эксплицитная апелляция к биологическому или (и) социальному пределу человеческого существования», «риторический прием, повышающий степень убедительности некоторой просьбы, пожелания… средство, блокирующее саму возможность человеческой коммуникации» (Чуешов, 1993, с. 11).

Специфика argumentum ad morti — в его особом логико-семантическом содержании и целевом прагматическом контексте применения. Его использование в дискуссиях, спорах, нацеленных на выявление истины или на достижение консенсуса, весьма ограничено. Более естественная среда для argumentum ad morti — полемика, целью которой является победа в споре. Это способ именно «радикальной» аргументации, риторическая фигура своеобразного anti-dixi с широким спектром применяемых средств: от логико-семантической конструкции до перформативного речевого акта и даже непосредственного воздействия — буквально — «механического» аргумента.

Логико-семантическое содержание аргумента к смерти

Любое рассуждение или каждое из входящих в него суждений содержат экзистенциальные (онтологические) предположения о предметной области (Quine, 1981). Речь идет о допущении ее непустоты, то есть о существовании предметов, обладающих свойствами, описываемыми предикатами (понятиями), используемыми в суждении. Так, суждение «человек — разумное животное» содержит онтологическое допущение о наличии существ, обладающих свойством быть человеком и иметь разум. Короче говоря, языковые средства аргументации фиксируют и выражают предположение о сущем, о его существовании.

Это обстоятельство и определяет специфику семантического содержания argumentum ad morti. В экзистенциальных допущениях рассуждений и отдельных аргументов с использованием «смертных» терминов содержится предположение о существовании смертных существ, то есть существ, могущих лишиться существования. Основано такое допущение может быть только на полной индукции — обобщающем перечислении всех элементов предметной области данного дискурса.

Важно, что экзистенциальные (онтологические) допущения каждый раз фиксируют конкретный тип существования (экзистенциальный статус): реального в пространстве и времени, потенциального, возможного бытия, существования в качестве гипотетического, абстрактного объекта, художественного образа, мифологического персонажа и т. д. Главное семантическое условие рассуждения — сохранение на протяжении развертывания аргументации одного и того же статуса существования, одних и тех же экзистенциальных допущений о предметной области суждений, входящих в умозаключения.

Действительно, среди представителей homo sapiens (и даже всего живого) не было еще встречено бессмертных существ. Это отнюдь не означает, что однажды не будет обнаружен или создан контрпример. Пока же эта, остающаяся полной, индукция не только дает основания для дедуктивных умозаключений, но и задает условия дискурса, допущения о предметной области рассуждения. Так, в знаменитом силлогизме «Все люди смертны. Сократ человек. Следовательно, Сократ смертен» речь идет именно об онтологическом допущении, основанном на упомянутом индуктивном обобщении. Здесь предикат «смертен» выступает лишь как больший термин, причем в распределенном виде, то есть взятый во всем объеме. Более показательны аргументы типа «Все мы смертны», «В ящик рано или поздно», «Все там будем». В них онтологическая предпосылка выявляется как предел осмысленного рассуждения. Подобные реплики обычно служат блокировке спора или диалога, как знак «Стоп!» дальнейшему развертыванию аргументации — дальше говорить не о чем.

Почему? Потому что выявляется предел сущего, дискурс натыкается на границы. Именно это обстоятельство и порождает комический эффект аргументации вроде: «Если будешь баловаться и утонешь, то лучше не приходи домой, а мороженого и не жди». Или детский ресентимент: «Вы меня не взяли в кино! Вот уйду в лес, там меня волк скушает. Тогда в следующий раз не только в кино возьмете, но и еще мороженое купите!» Комизм обусловлен парадоксальностью импликативной угрозы: если будут нарушены экзистенциальные допущения (утонешь, перестанешь существовать), то понесешь наказание. В консеквенте импликации говорится как о существующем о том, о чем в антецеденте говорится как об утратившем статус реального существования. Предметные области антецедента и консеквента имеют различный экзистенциальный статус.

В этом плане, несомненно, еще более показательны аргументы к смерти в виде прямых угроз типа «Я тебя убью!», «Ты — покойник!», «Стой, стрелять буду!», «Сейчас вы все взлетите на воздух!» и т. п. С логико-семантической точки зрения в них содержится угроза лишения экзистенциального статуса. Причем речь идет не о простом предмете обсуждения, а о партнере по коммуникации, диалогу, спору. Выполнение угрозы делает бессмысленным рассуждение о нем как о реальном лице или обращение к нему как реально существующему. Аналогична ситуация и в случае угрозы суицида: «Если ты не извинишься, я покончу с собой». Речь идет об угрозе ухода из бытия (дискурса), основанной при этом на переложении ответственности за этот уход на оппонента.

Во всех этих случаях угрозы не только и не столько подводят к логико-семантическому пределу аргументации, блокируя ее чисто семантически (ср. «Все мы смертны»), сколько ставят под вопрос само осуществление коммуникации. А это уже не семантика, а прагматика.

Аргумент к смерти и механический аргумент

Argumentum ad morti (как в случае угроз и — тем более — их выполнения) с точки зрения риторики и логики, а скорее, прагматики спора оказывается типологически близок «механическому аргументу» (Поварнин, 1997), предстает разновидностью последнего.

Речь идет о чрезвычайно некорректной «аргументации», связанной с выходом за логико-семантические границы дискурса в чистую прагматику, даже механику спора. Срыв полемики без стеснения в средствах, уклонение от существа спора, стремление к прямому, «механическому» воздействию на оппонента (не давать ему говорить, перебивать, стараться перекричать, топать ногами, отключать микрофон, гасить свет, угрожать насилием, применять силу) — все это далеко не полный спектр механической аргументации. Обычно она — оружие стороны, сознающей, что обычный корректный спор (полемика или дискуссия) ей не под силу: то соперник сильнее, то собственные позиции слабы и неубедительны.

Ранее было показано, что механический аргумент — свидетельство низкой логической культуры, культуры общения и культуры вообще, что, в свою очередь, есть проявление незрелости общественного правосознания и свободы самоопределения личности (Тульчинский, 1992). Частично argumentum ad morti, особенно в крайних своих проявлениях (угрозах, насилии), действительно, есть разновидность механической аргументации, но в ряде случаев он поддается вполне рациональному логико-семантическому анализу. Однако аргумент к смерти и механическую аргументацию роднит главное прагматическое качество: подведение спора и коммуникации к пределу, в том числе физического осуществления.

Аргумент к смерти как anti-dixi

Из классической риторики спора хорошо известна формула «Dixi!» — «Я сказал! Теперь говори ты!» — фраза, речевой оборот, превращающая монолог в диалог, сохраняющая пространство и время коммуникации, открытость к восприятию аргументации противной стороны. Argumentum ad morti, как и любой «механический аргумент», ориентирован на обрыв дискурса, собственный выход или выведение оппонента из диалога, спора, невозможность продолжения коммуникации, перспективу выхода из бытия в небытие или сам такой выход — ant-dixi.

В отличие от других фигур anti-dixi, рассмотренных ранее (Тульчинский, 2010), разнообразных вариантов аргумента типа «Сам дурак!», которым так любят пользоваться люди, чувствующие собственную несостоятельность, но с амбицией, стремящиеся оставить последнее

слово за собой (сварливые жены, базарные торговцы, некомпетентные руководители), в отличие от других некорректных приемов спора, разнообразных приемов «женской логики» (Курбатов, 1993) argumentum ad morti не просто риторическая фигура, стопорящая диалог чисто словесно. Специфика argumentum ad morti состоит в том, что он прерывает коммуникацию апелляцией к обессмысливающей ее утрате реальности. Это не просто anti-dixi в смысле «Молчи!», «Заткнись!» и прочих инвектив. Убойная сила argumentum ad morti заключается в «Пусть тебя не будет!» «Я вычеркиваю вас из списка живых» — в такой высокопарной форме выражал эту идею главарь банды анархистов из кинофильма «Достояние республики».

Широко пользовался приемом anti-dixi И.В. Сталин. «Есть человек — есть проблемы, нет человека — нет проблем!», «Смерть решает все проблемы» — не только рассуждения, но и практические, реализованные в общенациональном и международном масштабе программы действий, определяющие содержание политических кампаний, репрессий, аппаратной работы, отношений в правящей элите. Это anti-dixi, объединяющее argumentum ad morti и механический аргумент, переводящее их друг в друга; национальный опыт затыкания рта и ушей друг другу, самим себе; «Бей своих, чтоб чужие боялись!», «Ты умри сегодня, я — завтра!»; опыт аргументации национальным суицидом.

Итоговые обобщения

Специфика argumentum ad morti, таким образом, заключена в его особом логико-семантическом содержании и целевом прагматическом контексте применения. Это аргумент, возможности применения которого в дискуссиях, то есть в спорах, нацеленных на выявление истины или на достижение консенсуса, очень ограничены. Полемика, то есть спор, целью которого является победа, — более естественная среда argumentum ad morti. Это фактически риторическая фигура anti-dixi широкого спектра используемых средств: от логико-семантической конструкции до перформативного речевого акта и даже непосредственного воздействия — буквально убойного механического аргумента.

Иллокутивная сила этой фигуры — мера, определяемая на шкале ее средств: от индуктивного обобщения и посредуемых им дедукций до подведения к пределу этого обобщения, до угрозы выхода за экзистенциальные границы дискурса, утраты экзистенциального статуса предметной области, до физического осуществления угрозы, что делает коммуникацию несущественной, а ее предмет или даже оппонента — несуществующими. Такая аргументация характерна для «до-логических» сообществ, с неразвитой и невостребованной логической культурой социальной коммуникации, с целерациональностью, апеллирующей не к закону, а к силе, не к свободе, а к произволу.

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ (№ 18-18-00442) «Механизмы мыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Список литературы

Курбатов В. Женская логика. Ростов н/Д, 1993.

Поварнин С. И. Спор. О теории и практике спора. СПб., 1997.

Проективный философский словарь. Новые термины и понятия / под ред. Г. Л. Тульчинского, М. Н. Эпштейна. СПб., 2003.

Тульчинский Г. Л. Культура деловой и политической аргументации. СПб., 2010.

Тульчинский Г. Л. Механический аргумент // Философская и социологическая мысль. 1992. №11. С. 108—112.

Тульчинский Г. Л. Argumentum ad morti // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1995. Сер. 6, вып. 1. С. 10—14.

Чуешов В. И. Аргумент к смерти: логика, риторика и диалектика коммуникации // Тема смерти в духовном опыте человечества / под ред. А. В. Демичева, М. С. Уварова. СПб., 1993. С. 10—12.

Quine W. V. Theories and things. Cambridge, 1981.

Об авторе

Григорий Львович Тульчинский, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Санкт-Петербургский государственный университет; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург; Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: gtul@mail.ru

Для цитирования:

Тульчинский Г. Л. Argumentum ad morti в дискурсе насилия; семантика и прагматика «радикальной» аргументации // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №4. С. 58—64. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-5.

ARGUMENTUM AD MORTI IN THE VIOLENCE DISCOURSE: THE SEMANTICS AND PRAGMATICS OF 'RADICAL' ARGUMENTATION

G. L. Tulchinsky[1, 2, 3]

[1] Higher School of Economics National Research University
16, Soyuza Pechatnikov St, St Petersburg, 190008, Russia
[2] St Petersburg State Economic University
21, Sadovaya St, St Petersburg, 191023, Russia
[3] Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevskogo St, Kaliningrad 236016, Russia
Submitted on February 14, 2020
doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-5

The appeal to death is a type of argument that either explicitly or implicitly invokes human finitude. This rhetorical device contributes to the credibility of requests, wishes, etc., or blocks communication. The illocutionary power of the appeal to death is determined by the means it uses, which range from inductive generalisation and deductions to approaching the limit of this generalisation, to the threat of going beyond the existential boundaries of the discourse, to the problem domain losing its existential status, and to the threat being carried out. All of them make communication insignificant and the subject, or even the opponent, non-

existent. This style of argumentation is peculiar to 'pre-logical' communities where the logical culture of social communication is underdeveloped and unwanted, where an instrumental appeal is made not to the law but force, not to freedom but arbitrariness.

Keywords: *argumentation, violence discourse, communication, polemics, death, argument, anti-dixi*

References

Kurbatov, V., 1993. *Zhenskaya logika* [Women's logic]. Rostov-on-Don (in Russ.).

Povarnin, S.I., 1997. *Spor. O teorii i praktike spora* [Dispute. On the theory and practice of the dispute]. St. Petersburg (in Russ.).

Tul'chinskii, G.L. and Epshtein, M.N., 2003. *Proektivnyi filosofskii slovar'. Novye terminy i ponyatiya* [Philosophical Dictionary. New terms and concepts]. St. Petersburg (in Russ.).

Tul'chinskii, G.L., 2010. *Kul'tura delovoi i politicheskoi argumentatsii* [Culture of business and political reasoning]. St. Petersburg (in Russ.).

Tul'chinskii, G.L., 1992. Mechanical argument. *Filosofskaya i sotsiologicheskaya mysl'* [Philosophical and sociological thought], 11, pp. 108—112 (in Russ.).

Tul'chinskii, G.L., 1995. Argumentum ad morti. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6* [Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 6], 1, pp. 10—14 (in Russ.).

Chueshov, V.I., 1993. The Argument to Death: Logic, Rhetoric and Dialectics of Communication. In: A.V. Demichev and M.S. Uvarov, eds. *Tema smerti v dukhovnom opyte chelovechestva* [The Topic of Death in the Spiritual Experience of Humanity]. St. Petersburg. pp. 10—12 (in Russ.).

Quine, W.V., 1981. Theories and things. Cambridge.

The author

Prof. Grigory L. Tulchinsky, Distinguished Academic of the Russian Federation, St Petersburg State University; Higher School of Economics national research university, St. Petersburg, Russia.

E-mail: gtul@mail.ru

To cite this article:

Tulchinsky, G.L. 2020, *Argumentum ad morti* in the violence discourse: the semantics and pragmatics of 'radical' argumentation, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 4, p. 58—64. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-5.

УДК 811.161.1

ФОРМАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ УПРЕКА В РУССКОМ ДИСКУРСЕ

Р. И. Шмурак

Чжэцзянский университет
310058, Китай, г. Ханчжоу, ул. Юйхантан, 866
Поступила в редакцию 15.03.2020 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-6

Статья посвящена формальным средствам выражения упрека в русском дискурсе, а также методам их выявления средствами корпусной лингвистики. Теоретическим фундаментом статьи является тезис о существовании в языке «истинных» упреков, способных функционировать в дискурсе автономно и быть адекватно понятыми без обращения к контексту. Практический компонент статьи реализуется в описании процедуры корпусного поиска формальных средств выражения упрека и примеров использования этой процедуры. Методологически статья предполагает дистанцирование от синтетических позиций прагмалингвистики, доминирующей в российском языкознании настоящего времени, и обращение к упреку как строго лингвистическому объекту, имеющему свои конкретные дискурсивные реализации. Такой подход становится возможным благодаря методам корпусной лингвистики, позволяющей «визуализировать» абстрактные конструкции на основе массивов реально существующих языковых данных.

Ключевые слова: *упрек, корпусная лингвистика, конструкции, НКРЯ, речевая агрессия*

Упрек как феномен дискурса не новый объект для исследований последних десятилетий. Предпосылкой интереса к упреку стали сильные позиции прагмалингвистики в российском языкознании конца XX — начала XXI века. В русле прагмалингвистики зародился антропоцентрический принцип, подразумевавший обращение к наукам о человеке, — объекты исследований из «строго» лингвистических стали «синтетическими», находясь на стыке двух и более областей человеческого знания. Синтетический подход с его пристальным вниманием к содержательной стороне изучаемых феноменов, а также негативная в целом оценка идей структурализма привели к появлению в рамках прагмалингвистики еще одной тенденции — антиформализма. Антиформализм глубоко укоренился в традиции современного языкознания и выступает, в частности, в качестве негласного табу на рассмотрение лингвистических объектов вне контекста.

В 90-х годах XX века означенные тенденции (антропоцентризм, синтетичность и антиформализм) обусловили всплеск интереса лингвистов к языковым явлениям, которые условно могут быть обозначены

© Шмурак Р. И., 2020

рядом терминологических сочетаний-синонимов «речевая (словесная, языковая, вербальная, коммуникативная) агрессия, язык вражды, словесный экстремизм, дискурс ненависти» (Воронцова, 2006, с. 6—7).

Применительно к упреку все работы этого плана могут быть разделены на две части:

1) исследования по речевой агрессии, где упрек упоминается, но не является центральным объектом изучения;

2) специализированные исследования, имеющие своим фокусом непосредственно упрек.

Доля работ первого типа превалирует, в целом они прагмалингвистичны по своей природе, при этом упрек освещается в них вне рамок единого терминологического аппарата (см., например: Власова, 2005, с. 39; Гулакова, 2004, с. 79; Лаврентьева, 2006, с. 81; Петрушина, 2005, с. 11; Седов, 2005, с. 96; Щербинина, 2004, с. 63).

Специализированные исследования по упреку второго типа также в подавляющем большинстве созданы в рамках прагмалингвистического подхода, на что указывают уже сами названия работ (см., например: Каразия, 2004; Науменко, 2014; Чернецкий, 2015). Важный вклад в изучение упрека вносят исследования, выполненные в рамках контрастивной парадигмы (см., например: Давыдова, 2003; Федорова, 2004) и теории речевых жанров (см., например: Сороченко, 2007; Максимюк 2017).

Таким образом, несмотря на существование множества альтернативных позиций, упрек в современном российском языкознании в целом рассматривается в русле прагмалингвистической традиции с ее вниманием к контексту. Облигаторность контекста для восприятия упрека — один из наиболее встречаемых постулатов, декларируемых исследователями (см., например: Давыдова, 2003, с. 41; Науменко, 2014, с. 306). На наш взгляд, такая интерпретация упрека для наглядности может быть передана упрощенной формулой, которая на метауровне объединяет большинство работ по упреку: *Всякий упрек требует контекста для понимания*[1].

Тезис, что контекст выступает ключевым средством формирования упрека, представляется неоспоримым. Любое «безобидное» высказывание в определенном контексте способно превратиться в упрек:

1. *Ты не купил воду?*

2. *Ты не купил воду? Как нет? Вот всегда ты так!*

В первом случае вопрос «*Ты не купил воду?*» не имеет контекста и по умолчанию нейтрален, тогда как во втором, благодаря контексту, присутствует выраженный упрек.

Однако факт ключевой роли контекста в создании упрека не является априорным доказательством того, что упрек и контекст нераздельны. Напротив, невозможно игнорировать многочисленные дискурсивные примеры автономного существования упрека вне контекста: «*Тебе лишь бы спорить*», «*Тоже мне ученый выискался*», «*Вечно ты кричишь*», «*А еще друг называется*» и др.

[1] Более подробную аргументацию этого положения см. в нашей статье (Шмурак, 2020).

Такие высказывания служат для носителя языка однозначным сигналом упрека как в контексте, так и вне его. По нашему мнению, подобные дискурсивные употребления представляют собой множество реализаций абстрактных конструкций в том виде, как термин «конструкция» понимается в современных исследованиях, выполненных в рамках «грамматики конструкций» (см., например: Goldberg, 1995; Рахилина, 2010). Наглядным примером может служить конструкция упрека «*Тебе + лишь бы + инфинитив*». При любой семантике инфинитивного компонента конструкция всегда будет выражать упрек («*Тебе лишь бы спорить / смеяться / есть / завидовать / спать / играть / отдыхать…*»), что очевидно указывает на ее формальную природу.

Таким образом, мы предполагаем, что в языке помимо «контекстуальных» упреков (чье значение выводимо из соответствующего контекста) существуют «истинные» упреки (то есть такие, которые способны функционировать в дискурсе автономно и могут быть поняты вне контекста)[2]. Исходя из этого, мы предлагаем уточнить формулу функционирования упрека в дискурсе: *Всякий упрек может быть понят из контекста, но не всякий упрек требует контекста для понимания*. Логическая последовательность, позволяющая «визуализировать» данную формулу, представлена следующим паттерном.

1. В русском языке существуют «истинные» упреки, являющиеся реализациями абстрактных конструкций.

2. На конкретном уровне дискурса абстрактная конструкция представляет собой формальное средство выражения упрека.

3. Выявить формальные средства выражения упрека методом «прямого» наблюдения представляется сложной задачей: в сравнении с формальными средствами грамматики их процент в языке незначителен. Однако формальные средства выражения упрека могут быть «визуализированы» опосредованно, с помощью инструментов корпусной лингвистики. Основным инструментом данной «визуализации» выступает Национальный корпус русского языка (НКРЯ), вспомогательным — Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ).

4. «Визуализация» формальных средств выражения упрека предполагает два этапа:

— этап предварительного сбора материала;

— этап корпусного поиска.

5. Поисковая система НКРЯ, позволяющая осуществлять не только «точный поиск» лексем, но также создавать составные «неоднородные» запросы, содержащие одновременно как лексемы, так и грамматические, семантические, синтаксические и другие характеристики («лексико-грамматический поиск»), делает возможным проверку самих конструкций, а не их отдельных реализаций в дискурсе.

[2] Здесь и далее в статье термин «*истинные*» *упреки* будет использован именно в таком понимании.

6. Ключевым критерием, на основании которого делается вывод о природе конструкции, является уровень ее *специфичности* к упреку. Под «специфичностью» понимается процент упреков в выдаче на данную конструкцию. Наличие в поисковой выдаче по потенциальной конструкции 90—100 % результатов с семантикой упрека будет служить убедительным доказательством регулярности конструкции и, следовательно, ее функционирования в языке в качестве формального средства. Уровень специфичности менее 90 % рассматривается как индикатор отсутствия регулярности и невозможности функционирования конструкции в языке в качестве формального средства выражения упрека.

Экспериментальная реализация представленного выше паттерна «визуализации» формальных средств упрека инструментами корпуса выявила следующие закономерности.

I. Проблема «первого шага»

Этап корпусного поиска подразумевает существование предварительно собранного материала — списка потенциальных конструкций упрека. Создание такого списка является ключевым и вместе с тем самым уязвимым, с позиции объективности, звеном «визуализации». Проблема «первого шага» инициирована интеллектуально-психологическими процессами и имеет субъективную природу: список конструкций несет на себе отпечаток личности исследователя, его интуиции и научной картины мира и мотивируется рационально лишь post factum.

II. Маркеры упрека и формальные средства его выражения

С проблемой «первого шага» соотносится системный феномен, обнаруживающий себя на предварительном этапе сбора материала и оказывающий глобальное влияние на процесс создания списка потенциальных конструкций.

Конструкции упрека в силу своей абстрактности «невидимы», то есть не могут быть «сознательно» восприняты носителем языка при взаимодействии с дискурсом как готовые структуры. При сборе предварительного материала исследователь *воспринимает* не сами конструкции, а сигнальные «отрезки» дискурса, которые не имеют системной природы конструкций, но способны указать на их наличие. Подобные сигнальные «отрезки» лишены синтаксической и смысловой завершенности или имеют серьезные ограничения своей автономности. В большинстве случаев такой «отрезок» входит в состав конструкции и, по сути, представляет собой *маркер* упрека.

Маркер упрека — субъективная единица этапа предварительного сбора материала, сигнальный «отрезок», помогающий исследователю «заподозрить» потенциальную конструкцию упрека и способный указывать на наличие в данном локусе дискурса «истинного» упрека, выраженного *формальным средством*.

Формальное средство выражения упрека — объективная единица этапа корпусного поиска, потенциальная конструкция, чей уровень специфичности к упреку составляет 90—100 %, что подтверждается статистическими данными по результатам выдачи на этапе корпусного поиска.

Маркеры упрека неоднородны по своей природе и могут быть условно разделены на две группы, которые мы будем называть маркеры *1-го приближения* и маркеры *2-го приближения*. В основе этого деления лежит интуитивное восприятие исследователем «диагностической ценности» маркера упрека.

Маркеры 1-го приближения

К маркерам 1-го приближения следует отнести слова и сочетания, которые в силу своей семантики более других «предрасположены» к появлению в упреке. Лексема «зря» имеет следующие значения:

> ЗРЯ, нареч. Разг.
> *Попусту, напрасно, без надобности.* (БАС, 1955, т. 4, с. 1343).

> ЗРЯ, нареч. Разг.
> *1. Не достигая цели, без пользы, без результата.*
> *2. Без достаточных, серьезных оснований, без необходимости, без надобности* (МАС, 1985, т. 1, с. 623).

Выявление этой лексемы в процессе дискурсивного анализа служит маркером возможного упрека:

> *А так вообще-то только **зря** переводили продукты, паразиты!* [Евгений Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов» (1997)].

В то же время количество результатов вне семантики упрека будет также значительно:

> *Командование группировки старается **зря** не рисковать человеческими жизнями и "обрабатывает" подозрительные места ракетными ударами с вертолетов* [Евгений Чубаров. Взрывы под совещание. В Чечне продолжились теракты и заседания // Известия. 2001. 07.02].

Следовательно, маркер 1-го приближения лексема «зря» служит для исследователя основанием «заподозрить» существование формального средства выражения упрека в данном локусе дискурса и начать поиск маркера 2-го приближения.

Маркеры 2-го приближения

Маркер 2-го приближения «*зря* + *личное местоимение*» гораздо точнее свидетельствует о наличии «истинного» упрека в дискурсе:

*И **зря ты**, мил человек, колбасу брезгуешь покушать*» [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // Октябрь. 2001. № 8].

Как и в случае с маркером 1-го приближения лексемой «зря», вероятность результатов выдачи вне семантики упрека все же остается:

*И невольно думаешь — не **зря мы** всё же перенесли жестокое время*» [Василий Гроссман. Все течет (1955—1963) // Октябрь. 1989. № 6].

Формальные средства выражения упрека

В процессе изучения дискурсивных реализаций маркера 2-го приближения «*зря + личное местоимение*» отчетливо прослеживается закономерность: подавляющее большинство примеров, имеющих в своем составе личное местоимение *2-го лица*, являются упреками вне зависимости от контекста. Ожидаемая высокая специфичность к упреку конструкции «*зря + личное местоимение 2-го лица*» требует перехода к этапу корпусного поиска. Ввод конструкции в лексико-грамматический поиск НКРЯ по всем корпусам дал на 10.02.2020 г. следующие результаты: 2032 вхождений / 169 вне семантики упрека.

В целом все вхождения вне семантики упрека могут быть распределены на две условные группы:

— примеры, имеющие в составе «не» перед «зря» («*— **Не зря ты** мне сразу понравился*» [Максим Милованов. Естественный отбор (2000)]);

— примеры со стертой семантикой упрека («*— Болельщики вам доказали, что **вы зря** их боялись?*» [Дмитрий Пономаренко. Главный тренер «Локомотива» Петр Воробьев: В теплице победителей не вырастишь! // Советский спорт. 2011. 12.12]).

Сама возможность такого деления является косвенным аргументом в пользу формальной природы конструкции и позволяет надеяться увеличить ее специфичность к упреку путем дальнейшего уточнения параметров корпусного поиска. В то же время, приняв во внимание «отрицательные» результаты, мы можем высчитать специфичность конструкции к упреку, которая составляет 91,6 %, что позволяет отнести конструкцию «*зря + личное местоимение 2-го лица*» к формальным средствам выражения упрека в русском дискурсе.

III. Алгоритм корпусного поиска формальных средств выражения упрека

Как упоминалось выше, сформированный на базе маркеров список потенциальных конструкций упрека позволяет перейти от этапа сбора материала к этапу корпусного поиска. Данный этап является наиболее объективной и унифицированной частью паттерна «визуализации» формальных средств выражения упрека благодаря возможности использовать алгоритм процедуры поиска, представленный на рисунке.

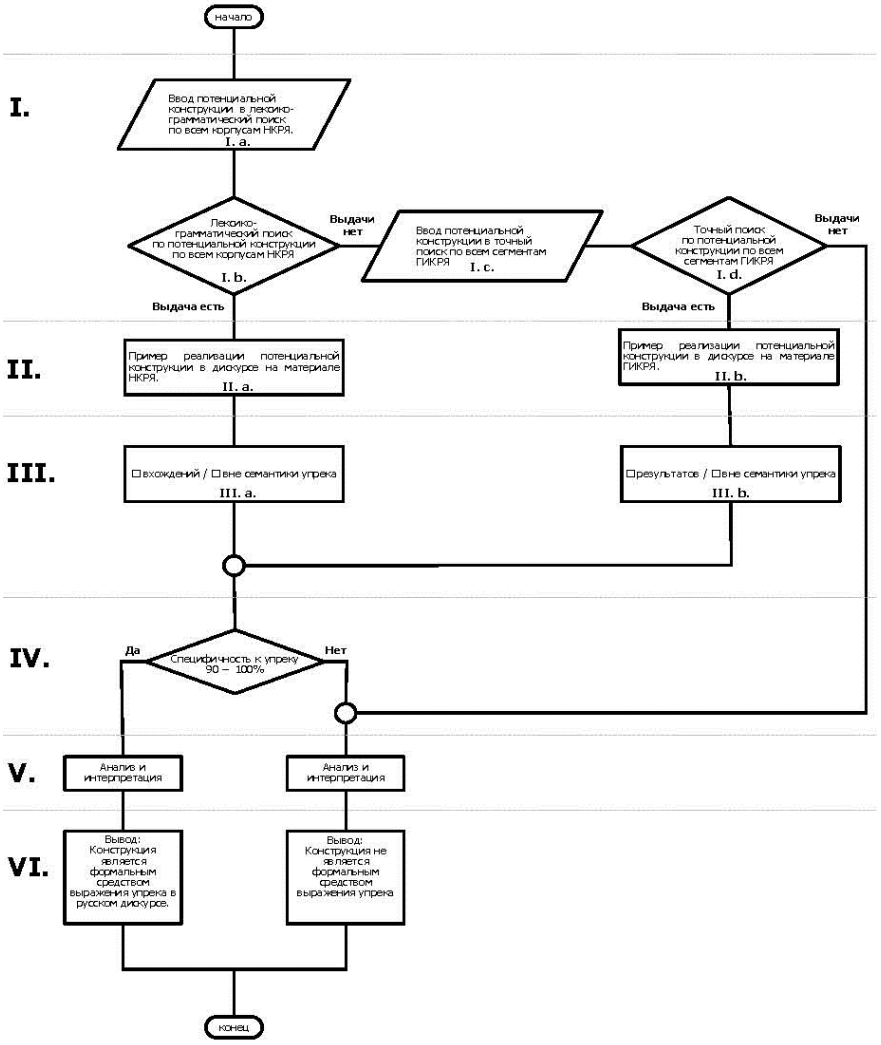

Рис. Алгоритм процедуры корпусного поиска
формальных средств выражения упрека

IV. Проблема «последнего шага»

Проблема «последнего шага» инициирована неизбежным субъективизмом анализа и интерпретации корпусных данных и проявляет себя в *относительности* статистики.

Представляется очевидным, что основа корпусных исследований — статистика. Однако статистика «точных цифр», являющаяся базой инженерных и естественно-научных работ, не применима для «визуализации» формальных средств выражения упрека инструментами корпуса в связи с факторами, перечисленными ниже.

1. Выдачи на один поисковый запрос в разных корпусах (например, НКРЯ и ГИКРЯ) могут различаться на порядки. Это свидетельствует о зависимости статистики от типа корпуса, его объема, программных решений, от источников и других факторов.

2. Вариативность, неизбежная для реализации абстрактных конструкций, критически влияет на цифры статистики. Например, выбор, учитывать ли конструкции упрека «*ну + ты + и + существительное с отрицательной коннотацией*» и «*ну + и + существительное с отрицательной коннотацией + ты*» как варианты одной конструкции или как две разные конструкции, остается на усмотрение исследователя.

3. Статистика очень чувствительна к параметрам ввода в поиск корпуса. Большинство конструкций упрека представляют собой сложные неоднородные структуры, состоящие из лексем, грамматических, семантических, синтаксических и других характеристик. Конструкция «*подлежащее, выраженное личным местоимением 1-го лица ед.ч. + обстоятельство, выраженное количественным сочетанием, включающим в себя круглое число и слово «раз» + сказуемое в прошедшем времени, выраженное глаголом речи*» является тому иллюстрацией: «***Я сто раз говорила**, не трогать карты. Других игр нет?*» [М.М. Рощин. Спешите делать добро (1979)]. Малейшее изменение параметров ввода в подобной конструкции (например, увеличение или уменьшение расстояния между элементами) приведет к существенному изменению цифр поисковой выдачи.

4. Техническая невозможность «вручную» обработать данные в случае получения больших объемов корпусной выдачи (тысячи-десятки тысяч примеров) следует также отнести к погрешностям, влияющим на статистику.

5. Интеллектуальная вовлеченность исследователя в процесс обработки данных является одним из факторов, оказывающих влияние на статистику. Проблема может быть описана классической максимой Р. Коуза: «If you torture the data long enough, it will confess»: «Если достаточно долго мучить данные, они признаются в чем угодно» (цит. по: Klein, 2001, p. 84).

6. Изменение цифровых значений выдачи из-за воздействия временного фактора — еще одна причина относительности статистики. Пополнение корпуса новыми текстами приводит к увеличению цифр поисковых выдач на один и тот же запрос в течение относительно короткого промежутка времени (1—6 месяцев).

7. Идентичные примеры в составе выдачи разных подкорпусов НКРЯ ставят исследователя перед проблемой их учета в общей статистике: учитывать ли их в качестве одного примера или в качестве отдельных статистических единиц. В зависимости от решения исследователя цифры статистики будут меняться.

Важно отметить, что описанные выше факторы «последнего шага», хотя и делают невозможной статистику «точных цифр», однако не являются препятствиями для эффективного применения относительной статистики с целью анализа и интерпретации формальных средств выражения упрека, полученных корпусным поиском, как это было продемонстрировано выше.

V. Некоторые замечания относительно функционирования формальных средств выражения упрека, полученных корпусным поиском

Ниже представлен ряд закономерностей, присущих функционированию в русском дискурсе «истинных» упреков, выраженных формальными средствами.

1. Для формальных средств выражения упрека характерна корреляция между «строгостью» корпусного запроса, цифрами выдачи и специфичностью конструкции. Данная зависимость может быть сформулирована следующим образом: чем строже условия поискового запроса, тем меньше числовое значение выдачи и выше специфичность конструкции к упреку (табл. 1).

Таблица 1

Корреляция между «строгостью» корпусного запроса, цифрами выдачи и специфичностью формального средства выражения упрека

Маркер и формальное средство упрека	Маркер 1-го приближения	Маркер 2-го приближения	Формальное средство упрека
	зачем ты	*зачем постоянно*	*зачем + ты + + постоянно*
Параметры ввода	**зачем** на расстоянии от **1** до **3** от **ты nom**	**зачем** на расстоянии от **1** до **3** от **постоянно**	**зачем** + на расстоянии от 1 до 3 от **ты** nom на расстоянии от 1 до 3 от **постоянно**
Выдача	2128 документов, 4490 вхождений	27 документов, 29 вхождений	7 документов, 8 вхождений
Пример упрека	*«Ну **зачем** же **ты** такой поехал-то?!»* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // Новый мир. 2001. №2]	*«**Зачем** вам **постоянно** напоминать мне об этом моем кресте – что он, недостаточно тяжел?»* [Ю. Домбровский. Рождение мыши (1951—1956)]	***Зачем ты** мне **постоянно** это снова и снова напоминаешь?* [Евгений Гришковец. Город (2001)]
N вхождений / **N** вне семантики упрека	—	29 вхождений / 10 вне семантики упрека	8 вхождений / 0 вне семантики упрека
Специфичность	—	65,5 %	100 %
На материале основного корпуса НКРЯ, 20.02.2020			

2. Как было упомянуто выше, работы многих авторов в области речевой агрессии косвенно затрагивают упрек как вид конфликтного дискурса. Некоторые из этих работ содержат ценные догадки о формальной стороне упрека, которые подтверждаются данными корпусного исследования. Показательным примером являются конструкции, использованные М. В. Петрушиной в качестве иллюстрации термина «модальный оператор неодобрения» (Петрушина, 2005, с. 84). Предложенные М. В. Петрушиной конструкции были модифицированы нами

с целью их уточнения и включения в семантическое поле упрека. Проверка средствами корпуса подтвердила существование подобных конструкций в русском дискурсе в статусе формальных средств выражения упрека (табл. 2).

Таблица 2

«Модальный оператор неодобрения» и формальные средства выражения упрека

Формальное средство выражения упрека	Специфичность к упреку, %	Пример реализации в дискурсе
«найти (прошедшее время) + вопросительно-относительное местоимение / местоименное наречие + инфинитив»	97,8	«*Нашел, что ребенку привезти!*» [Зинаида Синявская. Пазлы // Сибирские огни. 2013. № 4]
«ну + что + за + одушевленное существительное»	95,6	«*Спросить нельзя, господи, ну что за люди!*» [Татьяна Соломатина. Акушер-ХА! Байки (2009)]
«ну + ты + и + существительное с отрицательной коннотацией»	97	«*Ну ты и сволочь, — только и могла сказать Ольга*» [Елена Белкина. От любви до ненависти (2002)]
«ну + и + существительное с отрицательной коннотацией + ты»	100	«*Ну и сволочь же ты, Гоша!*» [Алексей Слаповский. Синдром Феникса // Знамя. 2006. № 11]
«тоже + мне + одушевленное существительное»	95,8	«*Уж чья бы корова мычала, а его — молчала! Тоже мне умник нашелся! И сам не "ам", и другому не дам*» [М. А. Шолохов. Поднятая целина. Кн. 2 (1959)]
На материале основного корпуса НКРЯ, 11.02.2020		

3. Необходимо отметить высокую «диагностическую ценность» местоимений и частиц в составе формальных средств выражения упрека. Использованные по отдельности, они обладают хотя и высокой частотностью, но низкой специфичностью применительно упреку. Однако «в связке» они часто могут выступать в качестве маркеров (табл. 3).

Таблица 3

Сочетание «вопросительное местоимение + усилительная частица + + личное местоимение» в формальном средстве выражения упрека

Формальное средство выражения упрека	Специфичность к упреку, %	Пример реализации в дискурсе
«что + ты + за + существительное с отрицательной коннотацией»	100	«***Что же ты*** *за дрянь! Ведь я просил не пугать, а приучать животных*» [Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998—2004)]
На материале основного корпуса НКРЯ, 11.02.2020		

4. Следует подчеркнуть «диагностическую ценность» обстоятельств «длительного и регулярного времени», выраженных наречиями и оборотами с различными частями речи: *вечно, постоянно, всегда, опять, снова, каждый раз, всю дорогу, без конца* и др. Обстоятельства «длительного и регулярного времени» в сочетании с личными местоимениями 2-го лица находят свое применение в упреках, передающих негативное отношение субъекта высказывания к обстоятельствам, вызванным «вторым лицом» (табл. 4).

Таблица 4

Обстоятельство «длительного и регулярного времени» + + личное местоимение 2-го лица в составе формального средства выражения упрека

Формальное средство выражения упрека	Специфичность к упреку, %	Пример реализации в дискурсе
«вечно + личное местоимение 2-го лица им. п. + + сказуемое, выраженное глаголом в настоящем времени»	91,5	*«– Как ни позвоню,* ***вечно ты*** *сердишься»* [Сергей Довлатов. Записные книжки (1990)]
«опять + глагол (изъявительное наклонение, настоящее время, 2-е лицо, действительный залог) +!»	96,3	*«Вика,* ***ты опять*** *начинаешь! Кто старое помянет…»* [Андрей Житков. Кафедра (2000)]
«зачем + ты + всегда»	92,8	*«Зачем* ***ты всегда****, всегда отталкиваешь меня? Ты не веришь, что я тебя люблю?»* [З.Н. Гиппиус. Без талисмана (1896)]
«зачем + ты + постоянно»	100	*«– Зачем* ***ты*** *ее* ***постоянно*** *тюкаешь?»* [Михаил Шишкин. Письмовник (2009) // Знамя. 2010. №7]
«зачем + личное местоимение 2-го лица им. п. + + снова»	94,9	*«Зачем* ***вы снова*** *лезете в мою жизнь? Кто вас звал?»* [Виктор Левашов. Заговор патриота (2000)]
На материале основного корпуса НКРЯ, 11.02.2020		

5. Семантическое поле стыда.

Для упрека характерна взаимосвязь с семантикой стыда. Данная мысль прослеживается в работах разных авторов, иногда очень далеких от лингвистики (см., например: Hanson, 1996, p. 83—114). Формальные средства выражения упрека, выявленные корпусным поиском, подтверждают эту тенденцию (табл. 5).

Таблица 5

Формальные средства выражения упрека, имеющие в своем составе сему «стыд»

Формальное средство выражения упрека	Специфичность к упреку, %	Пример реализации в дискурсе
«не + стыдно + личное местоимение (2-е лицо)»	97,2	*«– Наташа! Ну как вам* ***не стыдно****, – говорила Маргарита Николаевна, — вы грамотная, умная девушка; в очередях врут черт знает что, а вы повторяете!»* [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита. Ч. 2 (1929—1940)]

Окончание табл. 5

Формальное средство выражения упрека	Специфичность к упреку, %	Пример реализации в дискурсе
«личное местоимение (2-е лицо) + не + совестно»	98,7	*« – А чем ты гордишься, позволь тебя спросить, дал он в глаз! Да как тебе не* ***совестно****, он же младше тебя!»* [Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)]
«срам да и только»	100	*«Третьего дня на бале у губернатора он танцевал с ней два раза сряду…* ***Срам****, да и только! И чего смотрит дура мать?..»* [М.Н. Загоскин. Искуситель (1838)]
На материале основного корпуса НКРЯ, 11.02.2020		

Таким образом, данная работа позволяет сделать вывод о существовании в русском дискурсе «истинных» упреков, представленных на абстрактном уровне конструкциями и реализуемыми на конкретном уровне формальными средствами. Процедура корпусного поиска делает возможным эмпирическое доказательство существования в дискурсе упреков, не зависящих от контекста, посредством выявления их формальной природы. Результаты применения данного алгоритма свидетельствуют о высоком потенциале корпусного поиска как инструмента для «визуализации» формальных средств выражения упрека, а также указывают на возможность использования этого инструмента для работы с формальными средствами выражения иных языковых явлений помимо упрека.

Список литературы

БАС = Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В.И. Чернышева. М. ; Л., 1950—1965. Т. 4.

Власова Е.В. Речевая агрессия в печатных СМИ (на материале немецко- и русскоязычных газет 30-х и 90-х гг. XX века) : дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2005.

Воронцова Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход : дис. … д-ра филол. наук. Челябинск, 2006.

ГИКРЯ = Генеральный интернет-корпус русского языка. URL: https://int.webcorpora.ru/drake/ (дата обращения: 10.02.2020).

Гулакова И.И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения : дис. … канд. филол. наук. Орёл, 2004.

Давыдова Т.А. Речевой акт упрека в английском языке : дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2003.

Каразия Н.А. Прагмалингвистическое исследование акта упрека в контексте современной американской речевой культуры : дис. … канд. филол. наук. Петропавловск-Камчатский, 2004.

Лаврентьева Е.А. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве : дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2006.

Максимюк Е.В. Психоэмоциональное содержание жанра упрека (гендерный аспект) // Вестник ТГПУ. 2017. №11 (188). С. 18—24.

МАС = Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985—1988. Т. 1.

Науменко Я. М. Влияние прагматических факторов на языковое воплощение коммуникативной интенции упрека в англоязычном диалогическом дискурсе // Актуальные проблемы гуманитарного образования : сб. докл. I междунар. интернет-конф. Минск, 2014. С. 306—310.

НКРЯ = Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 10.02.2020).

Петрушина М. В. Модальное значение неодобрения и его речевая реализация : дис. … канд. филол. наук. М., 2005.

Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций. М., 2010.

Седов К. Ф. Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации // Юрислингвистика. 2005. №6. С. 87—104.

Сороченко Е. Н. Способы представления речевого жанра упрека в романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история» // Альманах современной науки и образования. 2007. №3-2. С. 198—200.

Федорова А. Л. Речевая стратегия упрека: лингвокогнитивный подход (на материале немецкого, английского и русского языков) : дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2004.

Чернецкий А. Р. Тактики упрека в прагмалингвистическом аспекте (на материале французского языка) // Весці БДПУ. Сер. 1: Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. 2015. №3. С. 68—72.

Шмурак Р. И. К уточнению понятия упрека с помощью корпусных инструментов // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2020. Т. 79, №3. С. 24—48.

Щербинина Ю. В. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления. М., 2004.

Goldberg A. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago, 1995.

Hanson K. C. How Honorable! How Shameful! A Cultural Analysis of Matthew's Makarisms and Reproaches // Semeia. 1996. №68. С. 83—114.

Klein D. B. A Plea to Economists Who Favour Liberty: Assist the Everyman. L., 2001.

Об авторе

Роман Ильич Шмурак, доцент, Чжэцзянский университет, Китай.
E-mail: katzensprung@rambler.ru

Для цитирования:
Шмурак Р. И. Формальные средства выражения упрека в русском дискурсе // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №4. С. 65—79. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-6.

FORMAL TERMS OF REPROACH IN RUSSIAN DISCOURSE

R. I. Shmurak[1]

[1] Zhejiang University,
310058, 866, Yuhangtang Road, Hangzhou, China
Submitted on March 15, 2020
doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-6

This article is concerned with the formal terms of reproach in Russian discourse and the corpus methods of their identification. Theoretically, it builds on the thesis that there are 'true' reproaches that can function autonomously in discourse and be adequately understood

outside their context. Practically, the article describes the corpus search for formal terms of reproach. Methodologically, it abandons the synthetic outlook of pragmalinguistics, which dominates Russian linguistics, and treats reproach as a strictly linguistic object that has discursive manifestations. This approach uses methods of corpus linguistics, which 'visualise' abstract models through arrays of real-life language data.

Keywords: *reproach, corpus linguistics, constructions, Russian National Corpus, speech aggression*

References

Chernyshev, V.I., ed., 1950—1965. *BAS = Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka : v 17 t.* [BAS = Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 volumes.]. Vol. 4. Moscow (in Russ.).

Vlasova, E.V., 2005. *Rechevaya agressiya v pechatnykh SMI (na materiale nemetsko- i russkoyazychnykh gazet 30-kh i 90-kh gg. KhKh veka)* [Speech aggression in the print media (based on German and Russian-language newspapers of the 30s and 90s of the 20th century)]. Ph.D. Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (in Russ.).

Vorontsova, T.A., 2006. *Rechevaya agressiya: kommunikativno-diskursivnyi podkhod* [Speech aggression: a communicative-discursive approach]. D. Litt. Chelyabinsk State University (in Russ.).

GIKRYA, n.d. *General'nyj internet-korpus russkogo yazyka* [General Internet Corpus of the Russian Language]. Available at: https://int.webcorpora.ru/drake/ [Accessed 10 February 2020] (in Russ.).

Gulakova, I.I., 2004. *Kommunikativnye strategii i taktiki rechevogo povedeniya v konfliktnoi situatsii obshcheniya* [Communicative strategies and tactics of speech behavior in a conflict situation of communication]. Ph.D. Oryol State University (in Russ.).

Davydova, T.A., 2003. *Rechevoi akt upreka v angliiskom yazyke* [The speech act of reproach in the English language]. PhD. Irkutsk State Linguistic University (in Russ.).

Karaziya, N.A., 2004. *Pragmalingvisticheskoe issledovanie akta upreka v kontekste sovremennoi amerikanskoi rechevoi kul'tury* [A pragmalinguistic study of the act of reproach in the context of modern American speech culture]. Ph.D. Kamchatka State Pedagogical University (in Russ.).

Lavrent'eva, E.A., 2006. *Rechevye zhanry obvineniya i opravdaniya v dialogicheskom edinstve* [Speech genres of accusation and excuse in dialogic unity]. Ph.D. Novosibirsk State Pedagogical University (in Russ.).

Maksimyuk, E.V., 2017. Psychoemotional content of the genre of reproach (gender aspect). *Vestnik TGPU* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], 11 (188), pp. 18—24 (in Russ.).

Evgenieva, A.P., ed., 1985—1988. *MAS = Slovar` russkogo yazy`ka: v 4 t.* [Dictionary of Russian language: 4 volumes]. Vol. 1. Moscow (in Russ.).

Naumenko, Ya.M., 2014. Influence of pragmatic factors on the linguistic embodiment of the communicative intention of reproach in English-language dialogical discourse. In: *I mezhdunarodnaya Internet-konferentsiya «Aktual'nye problemy gumanitarnogo obrazovaniya»* [The 1st International Internet Conference "Actual Problems of Humanitarian Education"]. Minsk. pp. 306—310 (in Russ.).

NKRYA, n.d. *Natsional'nyj korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: http://www.ruscorpora.ru [Accessed 10 February 2020] (in Russ.).

Petrushina, M.V. 2005. *Modal'noe znachenie neodobreniya i ego rechevaya realizatsiya* [The modal meaning of disapproval and its speech realization]. PhD. Moscow State Regional University (in Russ.).

Rakhilina, E.V., 2010. *Lingvistika konstruktsij* [Construction Linguistics]. Moscow (in Russ.).

Sedov, K.F., 2005. Aggression and manipulation in everyday communication. *Yurislingvistika* [Jurislingistics], 6, pp. 87—104 (in Russ.).

Sorochenko, E.N., 2007. Methods of presenting the speech genre of reproach in the novel "Ordinary History" by I. A. Goncharov. *Al'manakh sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education], 3-2, pp. 198—200 (in Russ.).

Fedorova, A.L., 2004. *Rechevaya strategiya upreka: lingvokognitivnyi podkhod (na materiale nemetskogo, angliiskogo i russkogo yazykov)* [Speech strategy of reproach: the linguistic-cognitive approach (based on German, English and Russian languages)]. PhD. Bashkir State University (in Russ.).

Chernetskii, A.R., 2015. Tactics of reproach in the pragmalinguistic aspect (based on the French language). *Vestsi BDPU*. [News of Berdyansk State Pedagogical University], 1(3), pp. 68—72 (in Russ.).

Shmurak, R.I., (in press) Clarifying the concept of reproach using corpus tools. *Izvestiya RAN. Seriya literatury` i yazy`ka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 79(3), pp. 24—48 (in Russ.).

Shcherbinina, Y.V., 2004. *Russkii yazyk: Rechevaya agressiya i puti ee preodoleniya* [Russian language: Speech aggression and ways to overcome it]. Moscow (in Russ.).

Goldberg, A., 1995. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago.

Hanson, K.C., 1996. How Honorable! How Shameful! A Cultural Analysis of Matthew's Makarisms and Reproaches. *Semeia*, 68, pp. 83—114.

Klein, D.B., 2001. *A Plea to Economists Who Favour Liberty: Assist the Everyman*. London.

The author

Roman I. Shmurak, Associate Professor, Zhejiang University, China.
E-mail: katzensprung@rambler.ru

To cite this article:
Shmurak, R.I. 2020, Formal terms of reproach in Russian discourse, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 4, p. 65—79. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-6.

УДК 811.161.1

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНЫХ И КРАТКИХ ФОРМ РУССКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН: КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

***М. А. Кронгауз*[1, 2], *А. Ч. Пиперски*[1, 2], *А. А. Тиллабаева*[1]**

[1] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
109028, Россия, Москва, Покровский бульвар, 11
[2] Российский государственный гуманитарный университет
125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, 6
Поступила в редакцию 27.04.2020 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-7

Статья посвящена статистическому исследованию употребления вариантов русских личных имен в речи. Показано, что русские имена делятся на два класса: имена, имеющие полную и краткую форму, и имена, от которых нейтрально используется только одна форма. Для имен, имеющих краткую форму, частоты употребления полной и краткой форм могут соотноситься между собой по-разному; это зависит от различных факторов, таких как длина полного имени и пол его обладателя: от более длинных имен и от женских имен краткая форма употребительнее. На материале Национального корпуса русского языка доказано, что употребительность обращения полным именем возрастает в последние 15 – 30 лет.

Ключевые слова: *обращение, личное имя, полная форма личного имени, краткая форма личного имени, статистические методы, корпусная лингвистика*

Введение

Личные имена редко попадают в сферу интересов лингвистов. В русистике посвященные личным именам работы содержат, как правило, морфологическую и историческую информацию (Суперанская, 1969; Суслова, Суперанская, 1991) или относятся к теории референции и другим областям, близким к логике (Шмелев, 1996). Нас же интересовало функционирование личных имен в речи, а более конкретно — выбор говорящего между вариантами имени при обращении к собеседнику.

У русских имен, особенно распространенных, много вариантов, их число может достигать нескольких десятков, лишь часть из которых отмечается в соответствующих словарях (Петровский, 2000; Суперанская, 1998). Следует отметить, что именно в позиции обращения может быть реализовано максимальное количество вариантов имени.

© Кронгауз М. А., Пиперски А. Ч., Тиллабаева А. А., 2020

Среди вариантов имени выделяется полное, или паспортное, имя (или полная форма): *Анастасия, Анна, Екатерина, Елизавета, Мария, Александр, Борис, Владимир, Константин, Пётр*. Именно этот вариант указывается в паспорте и официальных документах и используется в официальных ситуациях (в частности, вместе с отчеством и фамилией), а в словаре может служить входом для всего словарного гнезда (Петровский, 2000). В работах (Суперанская, 2001; Суслова, Суперанская, 1991) наряду с полной предлагалось выделять краткую, или сокращенную, форму, а все остальные объединять под названием уменьшительных. Краткое имя, как и полное, может быть нейтральным, но в отличие от него используется в неофициальных ситуациях, например в частном разговоре: *Настя, Аня, Катя, Лиза, Маша, Саша, Боря, Володя, Костя, Петя*. В принципе у личного имени может быть более одного краткого варианта, например *Дима* и *Митя* для *Дмитрия*.

Ситуация с использованием имен в качестве обращений была подробно описана в работах (Кронгауз, 2001, 2004). В них вводится противопоставление двух классов личных имен: имен, для которых при самостоятельном употреблении наиболее нейтральным вариантом выступает полное имя (мужские: *Андрей, Антон, Максим, Никита*; женские: *Вера, Марина, Нина*), и имен, «чьи полные варианты самостоятельно практически не употребляются, по крайней мере в функции обращения» (*Александр, Владимир, Евгений, Дмитрий, Михаил; Анна, Екатерина, Елена, Мария, Надежда*) (Кронгауз, 2004, с. 182). Однако в статье также отмечается, что, во-первых, граница между двумя классами не является абсолютно строгой, а во-вторых, такая система находится в стадии разрушения, поскольку полные имена постепенно вытесняют обращение по имени и отчеству и становятся нейтральными в самостоятельном употреблении по отношению к малознакомому или не слишком близкому человеку.

Несогласие с этой позицией высказал А.Д. Шмелев:

> Часто утверждается, что ранее в функции обращения они [полные имена] без отчеств не употреблялись, и, соответственно, внедрение такого способа обращения в обиход рассматривается как существенное изменение речевого этикета («Сегодня старый этикет фактически разрушен. В тех ситуациях, где раньше было принято называть собеседника по имени-отчеству, а теперь только по имени... используются *Мария* и *Владимир*, что раньше было недопустимо»[2]). Строго говоря, тексты русской литературы свидетельствуют, хотя и косвенным образом, что такое обращение было довольно обычным на протяжении всего XX века, поскольку часто персонажи обращаются в них друг к другу именно так. Однако более детальное описание речевого этикета в данной области требует отказа от упрощенной дихотомии «полное (паспортное) имя vs. сокращенное (неформальное) имя» (понятно, что оба члена дихотомии для ряда имен, таких как, напр., *Вера*, могут совпадать) (Шмелев, 2014, с. 283; см. также: Шмелев, 2011).

Этот спор мог бы остаться неразрешенным, если бы нам не были сегодня доступны количественные методы исследования корпусных данных. Статистические методы, хотя и не дают окончательного и исчер-

[2] А.Д. Шмелев приводит цитату из книги (Кронгауз, 2007, с. 113).

пывающего ответа на вопрос, должны считаться серьезным аргументом в пользу той или иной точки зрения. Следует также отметить, что в исследовании употребления личных имен в речи статистические методы, насколько нам известно, используются впервые.

Итак, в частности, для того чтобы ответить на содержательный вопрос, изменилось ли употребление полных и кратких форм в позиции обращения начиная с 1990-х годов, было проведено представленное ниже исследование данных Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) (http://www.ruscorpora.ru) статистическими методами. Мы исходили из предположения, что, если полные формы стали выступать как нейтральные в новой функции, то есть вместо имен с отчествами, то их частотность должна была возрасти.

Статистическое исследование: проверка гипотез

Для осуществления количественного исследования необходимо переформулировать основную задачу, выделив две гипотезы, а затем провести их статистическую проверку.

1. Существует разбиение русских имен на два класса: имена, для которых нейтральной является полная форма, и имена, для которых нейтральным выступает краткий вариант имени, причем граница между этими классами нечеткая.

2. Количество употреблений полных имен без отчества в функции обращения растет в последние десятилетия (начиная с 1990-х годов).

Для проверки первой гипотезы был составлен список частотных русских мужских и женских имен по словарю (Ляшевская, Шаров, 2009); учитывались имена, которые попали в словарь как в полной, так и в краткой форме. Приведем 25 наиболее частотных имен с их частотами, выраженными во вхождениях на миллион:

> *Александр* 237,8; *Андрей* 217,2; *Сергей* 209,5; *Иван* 189,9; *Владимир* 188; *Николай* 164,2; *Борис* 154,4; *Михаил* 147,4; *Виктор* 127,1; *Игорь* 120,9; *Олег* 118,3; *Ольга* 116,7; *Алексей* 115,9; *Петр* 111,5; *Анна* 107,4; *Павел* 101,4; *Саша* 93,6; *Юрий* 93; *Марина* 88,5; *Таня* 85,6; *Катя* 84,7; *Федор* 84,1; *Василий* 79,6; *Мария* 79,5; *Миша* 79,5.

Всего было отобрано 20 имен, чьи полные и краткие формы однозначно идентифицируются как мужские, и 20 имен, чьи полные и краткие формы однозначно идентифицируются как женские. Из рассмотрения были исключены имена *Александр(а)*, *Евгений*(*-я*) и *Валентин(а)*, поскольку их краткие формы не позволяют без детального анализа контекста понять, идет ли речь о мужчинах, или о женщинах, а с полными формами возникает та же проблема из-за омонимии падежных форм, например: *Александру* дат. пад. от *Александр* = *Александру* вин. пад. от *Александра* и т. п.

Гипотеза, предполагающая существование двух классов имен с нечеткой границей между ними, может быть проверена, если, с одной стороны, показать, что существуют имена, от которых не образуются нейтральные краткие имена, а с другой — продемонстрировать, что употребительность кратких имен во втором классе крайне неравномерна, так что эти имена образуют континуум.

Для проверки первого утверждения достаточно убедиться, что от имен типа *Антон*, *Максим*, *Вера*, *Нина* не образуются стандартные формы на *-а / -я*, которые получались бы с помощью усечения, а не с помощью прибавления экспрессивных уменьшительно-ласкательных суффиксов (*Антоша*, *Максюша*; *Верочка*, *Ниночка*). Однако для изучения второго класса имен необходимо провести корпусное исследование.

Для 20 мужских и 20 женских имен, отобранных по частотному словарю, были образованы все формы, которые могут восприниматься носителями русского языка как нейтральные краткие (например, *Вася* от *Василий*, *Петя* от *Пётр*, *Лиза* от *Елизавета*, *Клава* от *Клавдия*; *Дима* и *Митя* от *Дмитрий*, *Настя* и *Ася* от *Анастасия*), и для каждого имени по НКРЯ была получена статистика по частотности полных и кратких форм. При этом исключались полные имена перед отчеством, поскольку в этой позиции краткое имя невозможно; делались два запроса — полное имя перед словом, не являющимся отчеством, и полное имя в конце предложения. Затем имена были отсортированы по доле кратких имен от общего числа вхождений кратких имен и полных имен без отчества. Если предполагать, что все имена этого класса (имеющие краткие имена) ведут себя однородно, то доля кратких имен для них будет варьироваться в небольших пределах и будет отстоять достаточно далеко от нуля (которому она равна для имен класса *Максим* и *Вера*); если же они образуют континуум, то доли кратких имен достаточно равномерно расположатся в большом диапазоне.

Результаты корпусного исследования показывают, что говорить о гомогенности этого класса имен не приходится. Так, для отобранных мужских имен доля кратких демонстрирует очень большой разброс: она лежит в диапазоне от 57 % для имени *Дмитрий* до 11,1 % для имени *Семён*. Не менее большой разброс — от 94,2 до 23 % — мы находим и среди женских имен (табл. 1).

Таблица 1

Доля кратких имен для различных мужских и женских имен, %

Полное имя	Краткое имя (имена)	Доля кратких имен	Полное имя	Краткое имя (имена)	Доля кратких имен
Дмитрий	Дима, Митя	0,570	Лилия	Лиля	0,942
Константин	Костя	0,537	Анастасия	Настя, Ася	0,868
Василий	Вася	0,466	Елизавета	Лиза	0,784
Михаил	Миша	0,447	Клавдия	Клава	0,719
Георгий	Гоша, Жора	0,414	Натал[ьи]я	Наташа	0,719
Владимир	Володя, Вова	0,401	Галина	Галя	0,691
Николай	Коля	0,379	Надежда	Надя	0,669
Анатолий	Толя	0,373	Татьяна	Таня	0,668
Юрий	Юра	0,370	Мария	Маша, Маруся, Маня	0,655
Алексей	Алёша, Лёша	0,346	Людмила	Люся, Люда, Мила	0,640
Фёдор	Федя	0,301	(Е)катерина	Катя	0,579
Сергей	Серёжа	0,270	Лидия	Лида	0,536
Виктор	Витя	0,215	Елена	Лена, Лёля	0,533
Валерий	Валера	0,198	Соф[ьи]я	Соня, Софа	0,487

Окончание табл. 1

Полное имя	Краткое имя (имена)	Доля кратких имен	Полное имя	Краткое имя (имена)	Доля кратких имен
Пётр	Петя	0,180	Варвара	Варя	0,459
Павел	Паша	0,177	Анна	Аня, Нюра, Нюта, Анюта	0,421
Иван	Ваня	0,175	Ольга	Оля, Лёля	0,352
Борис	Боря	0,156	Ирина	Ира	0,341
Леонид	Лёня	0,155	Лариса	Лара	0,259
Семён	Сеня, Сёма	0,111	Светлана	Света	0,230

Таким образом, данные НКРЯ подтверждают гипотезу о том, что наряду с классом имен типа *Максим* и *Вера*, не имеющих кратких форм, существует большой, но разнородный класс имен, у которых краткая форма имеет разную степень употребительности. Доля употреблений краткой формы зависит от ряда факторов. В частности, можно обратить внимание, что употребительность краткой формы выше от длинных имен: видно, что пятисложные имена *Анастасия*, *Елизавета* находятся в верхней части списка, а двусложные *Анна* и *Ольга* — в нижней; аналогично трехсложные имена *Константин* и *Василий* — вверху списка, а двусложные *Борис* и *Семён* — внизу. На рисунках 1 и 2 изображены графики, где по оси абсцисс отложено количество слогов в полном имени (для женских имен с вариативным количеством слогов типа *Натал(ь/и)я* взято усредненное значение), а по оси ординат — доля кратких имен от общего числа употреблений. Прямые линии, аппроксимирующие распределение переменных, наглядно демонстрируют, что на обоих графиках по мере продвижения вправо по оси *x* масса точек сдвигается кверху; то же подтверждается и измерением коэффициента ранговой корреляции Спирмена между количеством слогов в полном имени и долей кратких имен. Таким образом, употребительность краткого имени зависит от числа слогов.

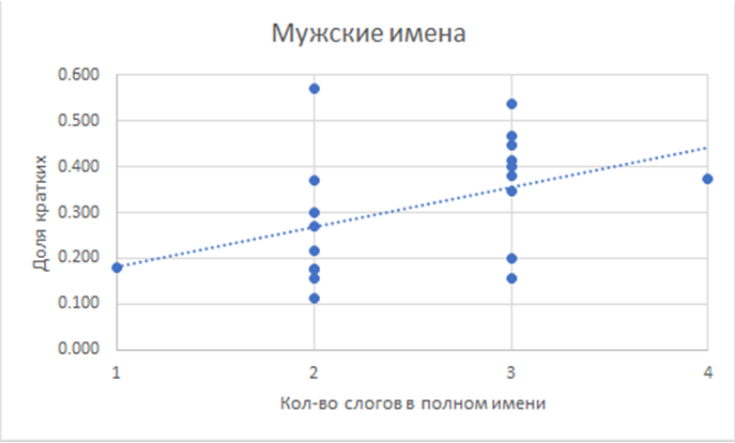

Рис. 1. Зависимость доли кратких имен от числа слогов в мужском имени. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена ρ = 0,462 (p = 0,04)

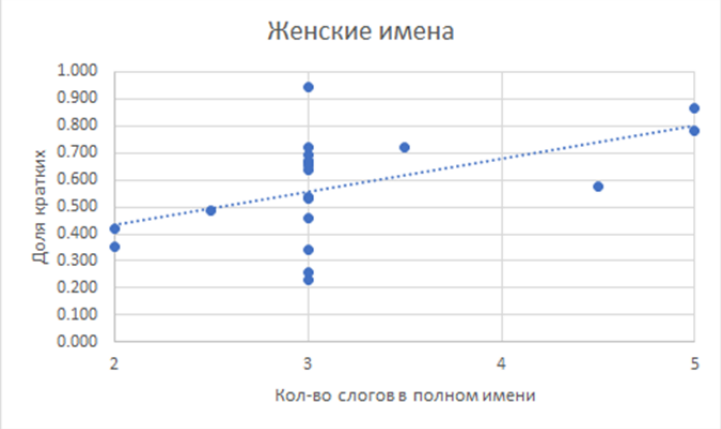

Рис. 2. Зависимость доли кратких имен от числа слогов в женском имени. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена ρ = 0,559 (p = 0,01)

Еще одно очевидное наблюдение над таблицей 1 и рисунками 1, 2 состоит в том, что доля кратких имен заметно выше у женских имен, чем у мужских: в среднем 57,7 % против 31,2 %. Значимость этого различия подтверждается критерием Манна — Уитни (U = 56, p = 0,0001).

Таким образом, можно заключить, что класс имен, допускающих употребление краткого имени в качестве нейтрального, не является однородным: доля кратких имен в нем варьирует, отчасти определяясь формализуемыми факторами (длина полного имени, пол), а отчасти выступает идиосинкратическим свойством отдельных имен: так, мы не можем объяснить, почему у имени *Ирина* доля кратких имен вдвое меньше, чем у такого же по формальным свойствам имени *Галина*.

Следует, однако, отметить, что выше речь шла об употреблении полных и кратких имен в любых функциях: это может быть как обращение, так и упоминание или (само)представление. Для того чтобы проверить вторую из высказанных выше гипотез и установить употребительность полных и кратких имен в функции обращений, нам потребовалось провести более тщательную ручную обработку данных.

Для этого были отобраны пять мужских: *Владимир, Николай, Михаил, Константин, Василий* — и пять женских имен: *Анастасия, Елизавета, Наталья* (*Наталия*), *Надежда, Татьяна* — и их краткие формы в функции обращения. В качестве источника данных использовался НКРЯ. Мы анализировали источники за период с 1826 года по настоящий момент. В таблице 2 приводится количество документов, в которых встречается каждая форма имени в отдельности.

Таблица 2

Количество анализируемых документов для каждого имени

Полное имя	Количество документов	Краткое имя	Количество документов
Василий	509	Вася	448
Николай	262	Коля	451
Татьяна	157	Таня	245

Окончание табл. 2

Полное имя	Количество документов	Краткое имя	Количество документов
Михаил	127	Миша	442
Владимир	104	Володя	258
Наталья / Наталия	89	Наташа	155
Константин	78	Костя	250
Надежда	50	Надя	167
Анастасия	29	Настя / Ася	151
Елизавета	23	Лиза	186

Для проверки второй гипотезы нам необходимо изучить изменение соотношения имен в полной и краткой формах с течением времени. Для этого мы разбили выборку на отрезки по 15 лет; тексты, период написания которых приходился на два или более временных промежутка, вносились в каждый из них. Далее были отобраны документы, содержащие одновременно и краткую, и полную формы имени, и было рассчитано процентное соотношение их встречаемости для каждого текста. В дальнейшем мы нашли среднюю частоту встречаемости полной и краткой форм для каждого имени на каждом пятнадцатилетнем промежутке времени. На основе полученных данных построили графики, наглядно демонстрирующие изменение количественного соотношения полных и кратких форм имени. Далее обсудим полученные результаты.

Как мы можем видеть из рисунка 3, за последние 15 лет явно наблюдается тенденция увеличения использования полной формы каждого из пяти приведенных имен. В более ранние (с 1931 по 2005 год) периоды соотношение полной и краткой форм в среднем оставалось на уровне 20—23 %, однако при рассмотрении каждого имени по отдельности в этот период наблюдаются различные варианты динамики. Возможной причиной этого может быть ограниченный объем выборки или иные факторы. При этом с 1886 по 1930 год уже происходил рост популярности использования полной формы мужских имен.

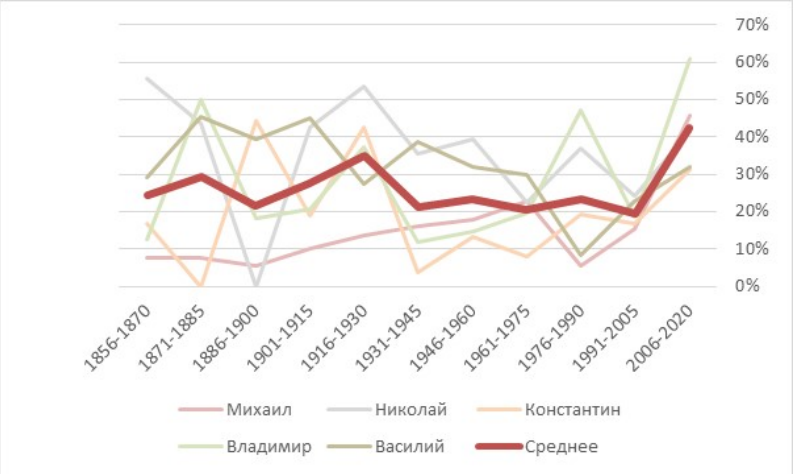

Рис. 3. Средние значения встречаемости полных форм мужских имен, %

Для периода с 1856 по 1975 год доля полных женских имен относительно низка: она варьируется от 7 до 19 %, а среднее значение составляет 13 %, что значительно ниже аналогичного показателя у мужчин (25 % за аналогичный период). В 1976—1990 годах начинается стремительный рост, а к последнему 15-летию среднее значение полных форм женских имен достигает 38 %, что является наивысшим значением для всего рассматриваемого временного отрезка и находится на одном уровне с аналогичным показателем для мужских имен и динамикой за последние 15 лет (рис. 4).

Рис. 4. Средние значения встречаемости полных форм женских имен, %

Из общей тенденции выбивается имя *Елизавета*: в 1991—2020 годах можно наблюдать уменьшение количества полных форм относительно кратких форм этого имени, однако важно отметить, что данных за этот период очень мало. Сильные колебания встречаемости полной формы отдельных имен до 1990 года, на наш взгляд, объясняются ограниченным размером выборки.

Выводы

В заключение следует отметить наиболее значимые результаты статистического исследования личных имен.

Данные НКРЯ подтверждают гипотезу о том, что наряду с классом имен типа *Максим* и *Вера*, не имеющих кратких форм, существует большой, но разнородный класс имен, у которых краткая форма имеет разную степень употребительности (от *Константин* до *Борис*, от *Елизавета* до *Ирина*). Доля употреблений краткой формы зависит от ряда факторов, в частности, на материале корпуса показана зависимость частотности от длины слогов в полном имени и гендерной принадлежности имени. Для женских имен и имен с большим количеством слогов частотность краткой формы возрастает.

С некоторой осторожностью можно также утверждать, что в последние годы уменьшается доля употребления краткого имени в качестве обращения в пользу полного. Однако и здесь следует отметить влияние гендерной характеристики и индивидуальных особенностей каждого имени. Важно обратить внимание и на то, что в течение обследованного более чем полуторавекового отрезка времени соотношение частотности полных и кратких форм не было постоянной величиной. Например, в период с 1886 по 1930 год также наблюдался рост популярности полной формы мужских имен, что требует отдельного изучения.

В нашем исследовании мы исходили из содержательной гипотезы, которую проверяли количественными методами. Перспективно и другое направление исследования, состоящее в поиске качественной интерпретации полученных статистических результатов и детальном анализе отдельных корпусных примеров.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ (№ 18-012-00712) «Русский речевой этикет: традиции и тенденции» в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики».

Список литературы

Кронгауз М.А. Изменения в русском речевом этикете // Жизнь языка: сборник статей к 80-летию М.В. Панова. М., 2001. С. 263—268.

Кронгауз М.А. Русский речевой этикет на рубеже веков // Russian Linguistics. 2004. Vol. 28, №2. P. 163—187.

Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2007.

Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М., 2009.

Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М., 2000.

Суперанская А.В. Структура имени собственного: Фонология и морфология. М., 1969.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.

Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М., 1998.

Суперанская А.В. Неофициальные формы русских личных имен // Русская речь. 2001. №1. С. 84—88.

Суслова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. Л., 1991.

Шмелев А.Д. Референциальные механизмы русского языка. Тампере, 1996.

Шмелев А.Д. Русский язык начала XXI в.: действительные и мнимые изменения // Русский язык и литература во времени и пространстве. Шанхай, 2011. С. 431—443.

Шмелев А.Д. Распространенная ошибка или новая норма: как отличить одно от другого? // Отечественные записки. 2014. №2 (59). С. 274—285.

Об авторах

Максим Анисимович Кронгауз, доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российский государственный гуманитарный университет, Россия.

E-mail: mkronhaus@yandex.ru

Александр Чедович Пиперски, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российский государственный гуманитарный университет, Россия.

E-mail: apiperski@gmail.com

Алина Азаматовна Тиллабаева, стажер-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

E-mail: alinatillabaeva42@gmail.com

Для цитирования:

Кронгауз М. А., Пиперски А. Ч., Тиллабаева А. А. Употребление кратких и полных форм русских личных имен: количественные методы исследования // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №4. С. 80—90. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-7.

FULL AND SHORT PERSONAL NAMES IN RUSSIAN: A QUANTITATIVE STUDY

M. A. Krongauz[1, 2], A. Ch. Piperski[1, 2], A. A. Tillabaeva[1]

[1] National Research University Higher School of Economics
11. Pokrovsky Boulevard, 109028, Moscow, Russia
[2] Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Square, 125993, GSP-3, Moscow, Russia
Submitted on November 22, 2019
doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-7

The paper presents a statistical study of the use of variant forms of Russian personal names. It is shown that Russian names can be divided into two classes: names with full and short forms contrast with names that only have one neutrally used form. For names that have a distinct short form, the frequencies of full and short forms can relate to each other in different ways. This depends on various factors, such as the length of the full name and the gender of its owner: for longer names and female names, the short form is more common. Based on data from the Russian National Corpus, it is proved that the use of the full name as a form of address has been increasing in the last 15 to 30 years.

Keywords: *addressing, personal name, full personal name, short personal name, statistical methods, corpus linguistics*

References

Krongauz, M. A., 2001. Changes in Russian speech etiquette. In: S. M. Kuz'mina and L. A. Kapanadze, eds. *Zhizn' yazyka: sbornik statei k 80-letiyu M. V. Panova* [Life of language: collection of articles for the 80th anniversary of M. V. Panova]. Moscow, pp. 263—268 (in Russ.).

Krongauz, M. A., 2004. Russian speech etiquette at the turn of the century. *Russian Linguistics*, 28(2), pp. 163—187 (in Russ.).

Krongauz, M. A., 2007. *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva* [The Russian language is on the verge of a nervous breakdown]. Moscow (in Russ.).

Lyashevskaya, O.N. and Sharov, S.A., 2009. *Chastotnyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency Dictionary of the Modern Russian Language (Based on the Materials of the National Corpus of the Russian Language)]. Moscow (in Russ.).

Petrovskii, N.A., 2000. *Slovar' russkikh lichnykh imen* [Dictionary of Russian personal names]. Moscow (in Russ.).

Superanskaya, A.V., 1969. *Struktura imeni sobstvennogo: Fonologiya i morfologiya* [The structure of a proper name: Phonology and morphology]. Moscow (in Russ.).

Superanskaya, A.V., 1973. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of proper names]. Moscow (in Russ.).

Superanskaya, A.V., 1998. *Slovar' russkikh lichnykh imen* [Dictionary of Russian personal names]. Moscow (in Russ.).

Superanskaya, A.V., 2001. Unofficial forms of Russian personal names. *Russkaya rech'* [Russian speech], 1, pp, 84—88 (in Russ.).

Suslova, A.V. and Superanskaya, A.V., 1991. *O russkikh imenakh* [About Russian names]. Leningrad (in Russ.).

Shmelev, A.D., 1996. *Referentsial'nye mekhanizmy russkogo yazyka* [Referential mechanisms of the Russian language]. Tampere (in Russ.).

Shmelev, A.D., 2011. Russian language of the beginning of the XXI century: real and imaginary changes. In: *XII Kongress MAPRYAL «Russkii yazyk i literatura vo vremeni i prostranstve»* [XII Congress of MAPRYAL "Russian language and literature in time and space"]. Shanghai. pp. 431—443 (in Russ.).

Shmelev, A.D., 2014. Common mistake or new norm: how to tell one from the other? *Notes of the Fatherland* [Notes of the Fatherland], 2(59), pp. 274—285 (in Russ.).

The authors

Prof. Maksim A. Krongauz, Higher School of Economics national research university; Russian State University for the Humanities, Russia.

E-mail: mkronhaus@yandex.ru

Dr Aleksandr Ch. Piperski, Higher School of Economics national research university; Russian State University for the Humanities, Russia.

E-mail: apiperski@gmail.com

Alina A. Tillabaeva, Research Assistant, Higher School of Economics national research university, Russia

E-mail: alinatillabaeva42@gmail.com

To cite this article:

Krongauz, M.A., Piperski, A. Ch., Tillabaeva, A.A. 2020, Full and short personal names in Russian: a quantitative study, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 4, p. 80—90. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-7.

УДК 81'271

ОБРАЩЕНИЕ *ГОСПОДА* В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

***А. А. Сомин*[1], *Е. М. Гриднева*[2]**

[1] Российский государственный гуманитарный университет
125993, Россия, Москва, Миусская площадь, 6
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5793-8644
[2] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4, стр. 1
Поступила в редакцию 23.04.2020 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-8

Посредством метода корпусного анализа исследуется история обращения господа *и других устойчивых обращений, включающих в себя это слово (*дамы и господа, господа-товарищи *и под.), а также сочетаемость слова* господа *в функции обращения с другими существительными и прилагательными (*господа публика, уважаемые господа *и под.). На примерах из литературы показано: хотя обращение* дамы и господа *не является неологизмом конца XX века, как принято считать, для дореволюционного периода оно все же скорее маргинально. Также на конкретных примерах демонстрируется, что до революции обращение* господа *редко могло использоваться по отношению к смешанной, а не только мужской аудитории. Исчезнув после революции, это обращение вернулось во второй половине XX века, причем доля его употреблений по отношению к смешанной аудитории выросла по сравнению с дореволюционной, несмотря на параллельный рост количества обращений* дамы и господа. *Вероятно, это в большей степени объясняется экстралингвистическими причинами. Отдельное внимание уделяется особенностям употребления обращения* господа *в переходные периоды: в начале и в конце существования Советского Союза, а также после его распада.*

***Ключевые слова**: обращения, господа, дамы, речевой этикет, товарищи, революция*

1. К постановке проблемы

У современного носителя русского языка есть определенные представления об истории обращений в русском речевом этикете: до революции 1917 года были *господин* и *сударь*, после нее пришли *товарищ* и *гражданин*. После 1991 года советские обращения исчезли, а вместо них попытались ввести дореволюционные, однако они так и не прижились. Различаются эти представления лишь тем, кто, по мнению носителей языка, пытался вернуть дореволюционные обращения в общественную жизнь — политики, ученые, журналисты и т. п. Ср., например, описание в (Шафиков 2012, с. 136) (в этом разделе выделение полужирным наше, курсивом — авторов. — *А. А., Е. М.*):

> Усилиями либеральных реформаторов и модных журналистов парадигма *господин / госпожа, дамы и господа* стремится заменить антигендерную форму *товарищ*.

© Сомин А. А., Гриднева Е. М., 2020

Больше расхождений можно найти в представлениях об истории и правилах употребления формулы обращения *дамы и господа*, причем не только среди рядовых носителей языка, но и у лингвистов. Так, распространенным является представление о том, что эта формула, как и *господа*, существовала до революции:

> **В дореволюционной России** была чрезвычайно сложная система обращения. <…> Помимо этого использовались… обращение **«дамы и господа»**, а также «сударь», «барин», «барышня» и пр. (Кабакчи, Прокшина, 2012, с. 168).

> С начала 90-х гг. 20 в. обращения… *господа*, ***дамы и господа*** **возвращаются** в официальную и публицистическую речь (Пахомова, 2008, с. 13).

Причем встречается оно и в работах известных лингвистов:

> В соответствии **с дореволюционным этикетом** нужно говорить: ***дамы и господа*** (Кронгауз, 2007, с. 78).

> Реабилитация **архаичных обращений** типа *барышня* или *сударь*, а также ***Дамы и господа!*** достойна уважения. <…> **В XIX в.** … само по себе слово «*дама*» практически не использовалось в качестве самостоятельного обращения (исключение — сочетание «***Дамы и господа!***») (Ефремов, 2010, с. 45—46).

И в «Словаре русского речевого этикета»:

> **Дамы и господа**. а) **В доревол. России —** офиц.-вежл. обращение к привилегиров. публике (Балакай, 2001, с. 128).

В других публикациях это обращение называется продуктом XX века, однако авторы расходятся в том, откуда оно пришло в русский язык:

> Курьезный адрессив *дамы и господа* возник в результате неправильного перевода (более правильный перевод **французского** обращения *mesdames et monsieurs*: *дамы и кавалеры*) для общения советских дипломатов с иностранцами (Шафиков, 2012, с. 138).

> Часто можно услышать «Дамы и господа!» <…> Это неудачная калька, т.е. буквальный перевод **английского** (Клубков, 2004, с. 165).

> Он же обратил мое внимание, что в широко распространенной среди наших дипломатов и политиков кальке с **немецкого** «дамы и господа» содержится логическая ошибка (цит. по: Дуличенко, 1999).

Специально рассматривает это обращение и А.Д. Шмелёв. В его статье утверждается, что некоторые изменения в языке, о которых пишут другие лингвисты, на самом деле являются не языковыми, а социальными изменениями или даже вовсе оказываются мнимыми. Рассматривая историю обращения *господа*, он замечает, что для некоторых носителей языка оно «непривычно и вызывает неуверенность при необходимости обратиться к разнополой аудитории. Отсюда возникает калькированное обращение “Дамы и господа!” и версия, будто именно это обращение было общепринятым в предреволюционной России», тогда как «на самом деле в предреволюционном речевом этикете *госпо-*

да было стандартным обращением к разнополой аудитории (кстати, об этом косвенно свидетельствуют и тексты русской классической литературы)» (Шмелёв, 2008, с. 237).

К аргументу о возможности использования слова *господа* при обращении к смешанной аудитории для доказательства несуществования обращения *дамы и господа* прибегают также и процитированные выше А. Гулыга («“господа” — это множественное число не только от “господин”, но и “госпожа”»), П. А. Клубков («слово *господа* в равной степени соотносится с формами единственного числа *господин* и *госпожа*») и С. Г. Шафиков («понятие “господа” включает как мужчин, так и женщин»). Последний ссылается на толкование в словаре Д. Н. Ушакова («Вежливое обращение к нескольким лицам (к мужчинам или к мужчинам и женщинам вместе; дореволюц.)» (Ушаков, 1935, с. 607)) и замечает: «Чтобы это доказать, достаточно обратиться к формам обращения, принятым до 1917 года».

Несмотря на отсылки к классической литературе или предложения обратиться к дореволюционным текстам, конкретных примеров, показывающих, как было устроено обращение к разнополой аудитории в досоветскую эпоху, нам не удалось найти ни в одной из работ. Поэтому настоящая статья посвящена исследованию истории и прагматики обращения *господа* (а также *дамы и господа* и других вариантов), основанному на корпусных данных. Параллельно с этим будет рассмотрена сочетаемость слова *господа* в функции обращения и другие аспекты его употребления.

2. Дамы и господа

Начнем исследование с обращения *дамы и господа*. По данным Национального корпуса русского языка, в XIX веке обращение *господа* к смешанной аудитории встречалось хотя и редко, но значительно чаще обращения *дамы и господа* (как и утверждали авторы процитированных в первом разделе работ). Однако то, что последнего не было вовсе, утверждать нельзя.

Самое раннее употребление мы находим в «Анне Карениной» Л. Н. Толстого (1878) (здесь и далее в примерах курсив наш. — *А. А., Е. М.*):

> (1) — Какой опыт? столы вертеть? Ну, извините меня, *дамы и господа*, но, по-моему, в колечко веселее играть, — сказал старый князь, глядя на Вронского и догадываясь, что он затеял это.

С одной стороны, наличие этого обращения в тексте Толстого едва ли можно назвать случайностью. С другой стороны, *дамы и господа* — гапакс языка Толстого: оно не встречается более нигде в 91-томном полном собрании сочинений. Вероятно, здесь оно является переводом аналогичного французского выражения, которое должен был бы в реальной жизни использовать князь Александр Щербацкий: в «Анне Карениной», в отличие от написанного десятью годами ранее «Войны и мира», Толстой отходит от использования французского языка в воспроизведении речи членов высшего света того времени (см. об этом

(Виноградов, 1939, с. 148)). Беглое изучение текста «Войны и мира» позволяет также найти одну ситуацию обращения к смешанной аудитории, и выглядит она так:

(2) — Ну, *messieurs et mesdames*, — сказал Николай громко и как бы весело (графине Марье казалось, что это нарочно, чтоб ее оскорбить), — я с шести часов на ногах.

Здесь интересен порядок членов конструкции: это еще предстоит изучить на большем корпусе французских текстов, однако в русско-французском параллельном подкорпусе НКРЯ такая последовательность не встречается ни разу, тогда как все немногочисленные переводы русского обращения *господа* на французский язык выглядят как *mesdames et messieurs* (иногда через дефис или запятую вместо *et*). Впрочем, поиск в Google. Books дает и другие примеры употребления этого обращения с таким порядком. Как указывал в Л. Вагнер в 1894 году, «стереотипной формуле “Ladies and Gentlemen” еще не исполнилось и ста лет. До 1808 года она выглядела как “Gentlemen and Ladies”, соответствуя французскому “Messieurs et Mesdames” и немецкому “Meine Herren und Damen”» (Wagner, 1894). Кроме того, в ряде франкоязычных учебников английского языка середины и конца XIX века особо подчеркивается, что принятому во Франции порядку *Messieurs et Mesdames* соответствует английский порядок *Ladies and Gentlemen* (например, (Georg, 1868, p. 61)).

Что же касается аналогичных русских употреблений с инвертированным порядком членов, такие примеры встречаются крайне редко. Есть лишь одно раннее употребление в НКРЯ:

(3) *Господа и дамы!* Мне хотелось для именин Марьи Карловны сделать маленький сюрприз: я и пригласил музыканта, чтоб нам играть разные танцы [В. А. Соллогуб. *История двух калош* (1839)].

И один пример в Google. Books — в книге «Бес в столице: литературные фантазии» И. Спиридонова 1872 года.

Однако вернемся к конструкции с привычным порядком членов. Кроме употребления в «Анне Карениной», других примеров с таким порядком в текстах XIX века, представленных в НКРЯ, нет. Несколько, впрочем, можно найти с помощью сервиса Google. Books, но они ничего не говорят об использовании обращения *дамы и господа* в России: одно употребление встречается в переводе романа Э. Т. А. Гофмана с немецкого языка, еще три — в сочинении П. Попова «В глуши Америки», где так обращаются друг к другу американцы, то есть имитируется английская речь (интересно, что здесь обращение *дамы и господа* в одной и той же ситуации чередуется с обращениями *господа и дамы*, просто *господа* и *лэди* (sic!) *и джентльмены*).

В раннее послереволюционное время в НКРЯ находится пять примеров употребления этого обращения. Одно — в романе Б. А. Садовского «Карл Вебер» 1923 года:

(4) — Почтенные *дамы и господа*! Я еду издалека и вот уже третьи сутки не покидаю седла.

Еще три в текстах А. И. Куприна 1929 и 1932 годов и одно — у П. Н. Краснова (1939). В примере из Садовского реплика принадлежит персонажу, рожденному, скорее всего, в Германии, произведения же Куприна написаны в эмиграции в Париже (и это обращение могло возникнуть под влиянием соответствующего французского), а персонаж Краснова говорит по-немецки (и *дамы и господа* приводятся в скобках как перевод немецкого *meine Damen und Herren*). Хотя все упомянутые авторы имели возможность освоить дореволюционный этикет, мы ни для одного из примеров не можем с уверенностью утверждать, что он подтверждает использование обращения *дамы и господа* в дореволюционном этикете.

После перерыва в 40-х и 50-х годах значительное количество употреблений обращения *дамы и господа* обнаруживается в 1960-е и позже, однако эти употребления уже однозначно не имеют отношения к дореволюционному этикету: за редким исключением они встречаются либо в книгах, где действие происходит на Западе (5), либо как обращение к западной аудитории (6), либо как маркер иронии или шутки (7):

(5) Первым поднялся дю Барнстокр. — *Дамы и господа*! — сказал он [А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Дело об убийстве, или Отель «У погибшего альпиниста» (1970)].

(6) *Дамы и господа*, послы и товарищи! Разрешите начать очередной матч по играм с перестановками [Л. Остерман. Профессор Верейский (литературный сценарий) // Химия и жизнь. 1965].

(7) Лапидис весело, как будто в цирке, обратился к публике: — Уважаемые *дамы и господа*, а теперь от экономики перейдем к строительству! [А. Львов. Двор (1981)].

Абсолютное большинство примеров в корпусе представлено употреблениями в текстах после 1991 года, где *дамы и господа* становится нейтральным обращением в официальной обстановке или, напротив, шуточным обращением в неформальном общении. Какое-то время, однако, еще сохраняется противопоставление *господ* и *товарищей*, как, например, в воспоминаниях капитана круизного корабля:

(8) Перед отправлением я всегда по громкой связи прошу не сорить и спрашиваю: «Как вас звать: "дамы и господа" или "товарищи"?» Лучше, говорят, господа. Потом посмотришь, что после этих господ остается. Свинарник, а не теплоход! [С. Шерстенников. Вниманию водоплавающих (1997) // Столица. 1997. 13.05].

Обратимся также к материалу толковых словарей. Возможность слова *дама* употребляться в функции обращения не упоминается ни в одном словаре до 1960 года. Впервые такое употребление фиксируется либо в четвертом издании толкового словаря С. И. Ожегова (1960), либо в девятом издании под редакцией Н. Ю. Шведовой (1972)[1]. Толкование

[1] Нам не удалось получить доступ к четвертому изданию словаря Ожегова, однако исходя из того, что такое употребление не зафиксировано в третьем издании, но упомянуто в девятом, а издания с пятого по восьмое воспроизводили четвертое без изменений, остаются лишь эти два варианта.

этого слова в таком значении, однако, не вполне прозрачно: «Вообще о женщине — как форма вежливости». Остается непонятным, что здесь подразумевается под «формой вежливости»: имеется ли в виду действительно обращение или же речь идет о сравнительно вежливом референтном употреблении в контексте вроде *одна дама из бухгалтерии просила передать* в противопоставление более нейтральной формулировке *одна женщина / гражданка из бухгалтерии просила передать*.

В двадцать первом издании (1989) это определение несколько меняется: «По отношению к иностранкам: форма вежливого обращения, упоминания (вообще о женщинах разг.)». Обращает на себя внимание как подчеркивание иностранного адресата этого обращения (подробнее см. в разделе 4), так и упоминание разговорного статуса в случае, когда речь идет о женщинах вообще (смысл этого уточнения также не вполне ясен, однако наиболее вероятным нам кажется понимание, что при референции к иностранке это слово выступало нейтральным вежливым наименованием (*одна дама из делегации просила передать*…), тогда как при референции к советской женщине — лишь разговорным наименованием как в сконструированном примере выше). В этом же издании впервые фиксируется и обращение *дамы и господа*: столь поздняя фиксация неудивительна, ведь в российской лексикографической традиции словари фиксируют узус с большим опозданием, однако дает дополнительный аргумент в пользу того, что до революции такого обращения в норме не существовало. Толкуется оно здесь следующим образом: «Традиционное начало официальных речей, обращенных к иностранцам».

Упоминание иностранцев (как по отношению к *дамам*, так и к *дамам и господам*) по понятным причинам исчезает уже в ближайшем переработанном издании — 1992 года, первом издании под авторством Ожегова и Шведовой, отчего толкование становится совсем неясным: «Форма вежливого обращения, упоминания (вообще о женщинах разг.)». Вероятно, мы уже никогда не узнаем: это результат оплошности лексикографов (статья осталась недоредактированной после ликвидации из нее иностранцев) или же неудачно сформулированное, однако содержательное толкование, подразумевающее нечто вроде разговорного *Дамы, а не выпить ли нам еще по стаканчику?* (вполне возможного в женском коллективе в 2020 году, но непонятно, возможного ли в начале 1990-х).

Подведем промежуточные итоги. Материал НКРЯ и Google. Books показывает, что, с одной стороны, не правы те, кто утверждает, что обращение *дамы и господа* — неологизм 1990-х: мы находим примеры использования этого выражения в XIX — начале XX века. С другой стороны, упоминание обращения *дамы и господа* в качестве элемента дореволюционного этикета без дополнительных оговорок также не вполне корректно: чрезвычайно малое количество примеров, по-видимому, свидетельствует о нестандартности этой формы обращения — равно как и появление этой конструкции (в отличие от обращения *господа*) лишь в словаре Ожегова.

В заключение этого раздела обратим внимание на еще одну сочиненную конструкцию обращения к смешанной аудитории. С 1835 года в текстах пять раз фиксируется обращение *господа и госпожи* (не считая

примера из «Лолиты» В. Набокова), один — *госпожи и господа*, у Н. Карамзина в 1793 году (в последнем случае, однако, описывается путешествие по Германии, поэтому правильнее это считать переводом немецкой фразы). В качестве обращения *господа и госпожи*, по-видимому, представляют собой русский аналог *господ и дам*, однако в функции референции (17 употреблений) их употребление несколько необычно: более чем в половине случаев они употреблены в конструкции *все эти господа и госпожи* (или просто *эти господа*), что, вероятно, показывает некоторую ироничность и неодобрительное отношение пишущего к тем, кого он так называет. Кроме того, дважды встречается сочетание *господа и барыни* и один раз *господа и барыни с барышнями*, однако только в функции референции.

3. *Господа* до революции

Вернемся к обращению *господа*. Как было сказано выше, лингвисты расходятся во мнениях, было ли возможно это обращение в дореволюционном этикете по отношению к смешанной аудитории, однако конкретные доказательства такой возможности (кроме толкования из словаря Ушакова) не приводятся. Можно ли это проверить с помощью корпусных данных?

По запросу в виде точной формы *господа* мы получаем 24 433 вхождения в 5278 документах. Часть из них является не интересующими нас омонимами — формами слова *господь* в родительном или винительном падеже единственного числа. Даже после отсечения омонимичных результатов количество «мусора» все равно чрезвычайно высоко: это слово *господа* не в апеллятивной, а в референтной функции. При равномерной выборке дореволюционных текстов в виде каждой третьей страницы корпуса при ста документах на каждой обращениями оказывались от 23 до 61 % всех вхождений слова *господа*, в среднем — лишь 41 % употреблений. Однако наиболее кропотливой работой была даже не очистка данных от референтных употреблений, а анализ интересующих нас контекстов, поскольку зачастую даже расширенный контекст в выдаче НКРЯ не позволял понять, использовано ли данное употребление слова *господа* по отношению к смешанной аудитории. В большинстве случаев приходилось обращаться к полному тексту произведения.

Рассмотрим следующий пример из романа В. Т. Нарежного «Бурсак» (1822):

> (9) Для ободрений робкой милой подруги я старался идти сколько можно отважнее и, выступая с щегольскими ухватками, говорил *ей* на ухо по-польски: «Любовь не знает опасности». <…>
>
> — *Господа*! — сказал наш путеводитель, — побудьте здесь, а я пойду доложить о вас нашему начальнику; между тем у меня позавтракайте, и мои люди будут вам, как самому мне, прислуживать.

На первый взгляд, этот пример является искомым: здесь в чистом виде демонстрируется использование обращения *господа* по отношению к рассказчику и его подруге. Однако после подробного знакомства

с текстом выясняется, что в данном эпизоде женщина замаскирована под мужчину, поэтому это не пример обращения к смешанной аудитории. Подобная работа была необходима для большинства контекстов.

Завершив ручную обработку, мы получили корпус примеров, позволяющий сразу же ответить на вопрос, было ли возможным использование обращения *господа* при адресации к смешанной аудитории. Действительно, подобные примеры встречаются в русской литературе как минимум с начала XIX века:

(10) Вскоре и подлинно вошел приказный, но не один: ибо ввалилась с ним целая толпа *мужчин, женщин и детей* разного возраста и пола.
— Прошу садиться, господин приказный, — сказал Трис-мегалос; — а вы кто, честные *господа*, и зачем пожаловали? [В.Т. Нарежный. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова (1814)].

(11) Вокруг катафалка, как рой трутней, вертелась толпа *придворных дам и мужчин:* они шептались, шаркали, любезничали, волочились с видом деловой важности, очевидно, воображая, что отправляют службу отечеству. «Да, *Господа*, — подумал я, — это ваше дело. Вы всегда у места там, где нечего делать» [А.В. Никитенко. Дневник (1826)].

(12) — «Здорово, *господа*», сказал Петр с веселым лицом. Все низко поклонились. Быстрые взоры царя отыскали в толпе молодую хозяйскую дочь; он подозвал *ее* [А.С. Пушкин. Арап Петра Великого (1828)].

(13) На другой день детей разбудила горничная. — Вставайте, *господа*, поскорее, Глафира Петровна и без того сердится, что вы их комнату заняли, — сказала она, слегка расталкивая спавших. [А.Н. Анненская. *Брат и сестра* (1880)].

(14) [в комнате присутствуют *мужчины* и две *женщины*]
Входит Елена Андреевна
Серебряков: Вот и *Леночка*… Садитесь, *господа*.
Пауза.
Я пригласил вас, *господа*, чтобы объявить вам, что к нам едет ревизор [А.П. Чехов. Леший (1890)].

При этом примеров обращения к смешанной аудитории крайне мало: в выборке до 1917 года их встретилось лишь 44 из 2200, или 2 %. Едва ли это исключительно лингвистический факт: скорее, дело в том, что в дореволюционной России необходимость обращения к смешанной аудитории встречалась значительно реже, чем в советской и постсоветской, поэтому столь малый процент характеризует редкость не столько обращения, сколько самой ситуации.

Интересно, что со временем количество обращений к смешанной аудитории растет: в XIX веке процент таких обращений по отношению к общему числу обращений *господа* на сто документов колеблется от 0,5 до 1,5 %, в первой половине XX века — от 3 до 9 %, но с 1970-х годов их количество резко возрастает и варьируется от 37 до 63 % (сюда, впрочем, включены в том числе и обращения к читателям текста и прочие обращения к *потенциально* смешанной аудитории — например, значительное количество употреблений на интернет-форумах в 2000-е годы). Природу столь резкого роста еще предстоит выяснить путем анализа большего

корпусного материала. Сейчас же отметим лишь параллель: рост обращения *господа* к смешанной аудитории совпадает со скачкообразным ростом обращений *дамы и господа*, хотя, казалось бы, второе должно было подействовать на первое строго противоположным образом.

Вернемся к качественному анализу. Референтные употребления также оказываются полезны для выяснения гендерного состава слова *господа*.

(15) Поди к Алиму, — продолжал он, — и уведомив его обо всем, вели сделать приказ, чтоб завтра поутру съезжалися ко двору все *господа обоего пола* в светлых и торжественных одеждах [М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки (1766—1768)].

Здесь прямым текстом говорится, что *господа* может относиться к представителям обоих полов. Аналогично устроен и следующий пример:

(16) Не приезжали ли сюда *господа: двое мужчин да три женщины*? [И. А. Крылов. Пирог (1799—1801)].

Впрочем, возможно, в таких примерах слово *господа* употреблено не как нейтрально-вежливое название группы людей, но в качестве референции к представителям определенного сословия (противопоставление *господа* ~ *слуги* довольно часто для текстов XIX века) и потому может и не относиться к нашей теме.

На гендерную нейтральность обращения *господа* косвенно указывает и возможность его употребления в сказочной ситуации, где действующими лицами являются объекты, не маркированные по полу (но обладающие грамматическим родом), или животные:

(17) — И мне тоже… — тоненькими голосами ответили какие-то зеленые *травки*.

— Я давно иду оттуда, из степи… — рассказывало татарское *мыло*. <…> Вообще очень трудно, *господа*! [Д. Н. Мамин-Сибиряк. На пути (1891)].

Далее в этом диалоге, однако, мыло обращается к травкам словом *братцы*, о гендерной нейтральности которого едва ли можно говорить, из чего, вероятно, следует, что бесполые объекты, хотя и женского рода, оформлялись в текстах по мужской схеме:

— Трудно, трудно, — ответила зеленая травка. — У тебя и вид такой усталый. Впрочем, когда переберешься туда, через горы, там отдохнешь.

— Когда-то еще переберусь, *братцы*!.. — ворчало татарское мыло.

Вот еще несколько аналогичных примеров:

(18) — Погодите, *господа*! — воскликнул Щелкунчик. — Кто-то во всю прыть бежит по подполу... (обращается к двум куклам, барашку и волчку. — *А. С., Е. Г.*) [Игрушки и их враги (из журнала «Задушевное слово») (1900—1917)].

(19) На ветвях липы явился действительный статский снегирь, он милостиво раскланялся с птицами и заскрипел:

— Э, н-не за-амечаете ли вы, *господа*, что в воздухе пахнет чем-то, э…

— Весенний воздух, вашество, — сказал *воробей*. А *ворона* томно склонила голову набок и каркнула звуком нежным, как блеяние овцы [М. Горький. Весенние мелодии (1901)].

Выделим и другие аспекты употребления обращения *господа*. Как и в современном языке, после него часто употреблялось существительное, обозначающее группу, профессию и т. п., представителями которых являются те (практически — если не абсолютно — всегда мужчины), к кому обращается говорящий, — *господа моряки*, *господа кавалеры*, *господа присяжные (заседатели)*, *господа ротные командиры*, *господа артисты* и т. п. Включая и достаточно нетривиальные примеры (впрочем, обращение *господа старички* встречается сразу у трех разных авторов):

(20) — Что ж, *господа старички*, запинаясь от радостного волнения, отвечал Андрон, — как вы поводите! [А. И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги (1889)].

(21) Так… Эхе-хе… *господа люди*! И что с вами будет?.. Ну-ка хоть я помету здесь. Где у вас метла? [М. Горький. На дне (1902)].

Нередко этим существительным было название народа:

(22) Но почему же вы сами-то, *господа евреи*, не приняли этих законов гуманности? [М. О. Меньшиков. Еврейские претензии. 1913. 09.10)].

(23) С праздником, *господа свободные эстонцы*! [В. Я. Шишков. Пейпус-озеро (1924)].

Любопытным нам кажется и подобный пример игрового употребления, где староста обращается к крестьянам в конце XIX века (правда, сама книга написана лишь в 1939—1946 годах):

(24) Герасим и Евдоким почти в один голос сказали:
— Здорово, *господа мужики*!
Кто-то протяжно ответил:
— Здорово-здорово, благодетели!
Вдова Ермолая Пьянкова довольно громко проговорила:
— А нас, бабы, и за людей не считают. От старосты одним мужикам почтение.
Архип Хромков пошутил:
— Не горюйте, бабы. Так и быть, я за старосту с вами поздороваюсь. Здорово, *господа бабы*! — крикнул он.

Необычны для современного языка несколько примеров конца XVIII — начала XX века, когда последующее существительное стоит в единственное числе, обозначая совокупность лиц: *господа сенат* (такое обращение упоминается в том числе и в словаре Даля: «При Петре I говорили: господа сенат, вм. сенаторы» (Даль, 1863, с. 341)), *господа молодежь*, *господа начальство*, *господа полиция*, *господа купечество*, *господа компания*, *господа громада*, *господа правосудие* и даже *господа войско Яицкое*:

(25) — *Господа публика*, прошу со сцены! — раздался голос содержателя [А. Ф. Писемский. Люди сороковых годов (1869)].

Кроме того, мы обнаружили одно сочетание, прагматика которого оказалась не вполне понятной, — это сочетание *господа и братья*. Оно неоднократно встречается в очень старых текстах, однако нам не удалось однозначно понять, кем и по отношению к кому оно употреблялось. Вероятно, первая часть обращения отвечала за статус и уважительность, а вторая — за близость. Ср., например, следующие примеры:

(26) …Нижегородский князь Борис созвал своих бояр и молил их «с плачем и слезами», говоря: «*Господа и братья*, бояре и друзья! попомните свое крестное целование ко мне и нашу к вам любовь» [В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси (1902); описанные события происходят в XIV веке].

(27) Предупреждая, что вслед затем приедет с государевым требованием дьяк Третьяк Далматов, они просили согласия всего Пскова в таких словах: — *Господа и братия наши*! Посадники, и все псковичи, и вся Земля Псковская! [Н. И. Костомаров. Русская республика (1994); события происходят в начале XVI веке].

(28) Ясневелможные милостивые господа, послы полномочные Пресветлейшего Царства Великого Московского, мои зело милостивые *господа и братья*! [Памятники дипломатический сношений древней России с державами иностранными; текст является переводом польского письма, написанного в XVII веке].

Сочетаемость же слова *господа* с прилагательными не характеризуется чем-либо особенным: в основном это этикетные прилагательные — *почтеннейшие*, *милостивые*, *высокопочтенные*, *честные* (последнее — как в пре-, так и в постпозиции), *хорошие* (в постпозиции; вопреки нашему ожиданию, это сочетание не новое, а встречается с 1892 года).

4. *Господа* после революции

Как известно, после революции правила речевого этикета кардинальным образом изменились. Это коснулось и обращений: на смену *господам* приходят *товарищи*, причем это социальное противопоставление представлено как в обращениях, так и в референциальных употреблениях:

(29) Только и слышно было на все лады: «*Господа*! *Господа*!» Тарас не выдержал и расхохотался. — *Господа-то господа*! — сказал он, лукаво прищуриваясь. — А *товарищи*… догоняют! [Б. Л. Горбатов. Непокоренные (1943)].

(30) Трамвай набит до невозможности.
— *Господа*, подвиньтесь! Красноармеец, оборотясь:
— *Господа* под Гатчиной легли [А. М. Ремизов. Взвихренная Русь (1917—1924)].

Похожее обвинительное *господа* приводит в своих воспоминаниях Марина Цветаева, описывая попытку сесть в поезд:

(31) Недоверчивые обороты голов в нашу сторону.
— *Господа*!
— Москву объели, деревню объедать пришли!
— Ишь натаскали добра крестьянского! [М.И. Цветаева. Вольный проезд (1918)].

В качестве нейтрального обращение *господа* еще долго встречается в текстах, описывающих общение друг с другом белогвардейцев и других представителей «старого режима».

В текстах можно найти и несколько интересных примеров смешанных обращений переходного периода:

(32) Растрепанный, измученный хозяин торговли сырами плакал:
— *Господа граждане*! Да что же это такое! Так нельзя! Граждане-то вы хоть граждане, а порядок надо соблюдать!
Очевидно, новый чин, пожалованный обывателю, тяжким седлом седлал шею брошенного на произвол свободы торговца… [Ф.Д. Крюков. Обвал // Русские Записки. 1917].

(33) А помощник на это хмуро заметил: «За государственность теперь, *господа товарищи*, можно попасть в каталажку» [М.М. Пришвин. Дневники (1917)].

Ср. также интересный пример своего рода самоисправления в еще одном фрагменте воспоминаний Цветаевой:

(34) *Господа*! Вы слишком заняты своей жизнью, вам некогда подумать о моей, а — стоило бы… (Ну не «*господа*», — «*граждане*»…) [М.И. Цветаева. Дневниковые записи (сентябрь 1940)].

Комментируя подобные обращения, М.А. Кронгауз замечает, что в них «господин выполняет свою привычную функцию вежливого официального обращения, а товарищ обозначает принадлежность к классу» (Кронгауз, 2007, с. 78). Обратим внимание, что первые *господа товарищи* встречаются еще в 1910 году у М. Горького, чему мы, однако, не находим объяснения:

(35) Господи, думаю я, из этого образуется несчастие для всех! И тоже влез, чтобы сказать: *господа товарищи*, русские люди, говорю, — первее всего не о себе, а о России надо думать, о всём народе [М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина (1910)].

Со временем *господа товарищи* становится шутливым обращением, историческая двусоставность которого затирается, что подтверждается встречающимся время от времени дефисным написанием:

(36) Шилов, букинист, знал цену «историзму», он желал обменять товар на товар, минуя денежную стоимость. «Помилуйте, *господа-товарищи*, это ж дневник Балашова!» [Ю. Давыдов. Синие тюльпаны (1988—1989)].

Само же слово *господа* в советское время используется для обращения к представителям запада: причем как нейтрально — в официальной коммуникации (37) (ср. также (38), где обращение адресовано одновременно и советским, и иностранным ученым), так и с отрицатель-

ной коннотацией как к представителям враждебного лагеря (39). Впрочем, эти два типа не всегда возможно разделить (40). Аналогично — с отрицательной коннотацией — *господа* используется и в функции референции (41). Такие употребления хорошо иллюстрируется примерами из газет (кроме (38)):

(37) За столом прессы — советские и иностранные журналисты. <…> Маршал Советского Союза Жуков обращается к присутствующим.
— *Господа*, — говорит Маршал, — мы собрались здесь по уполномочию Верховного Главнокомандования Красной Армии [«Молот». 1945. 10.05].

(38) В конце банкета я обратился к собравшимся со следующим спичем: «*Господа и товарищи*! На протяжении всех этих незабываемых дней мы много толковали о субъективной вероятности» [И. С. Шкловский. Новеллы и популярные статьи (1982)].

(39) Сейчас, когда бельгийские колонизаторы при поддержке американских, английских и прочих империалистов пытаются задушить получивший независимость народ Конго, хочется громогласно заявить душителям народов: «Хватит, *господа*, наживаться на крови и поте народов, убирайтесь домой!» [«Правда». 1960. 12.08].

(40) И, по всей вероятности, опять многие представители капиталистического мира будут вопрошать: почему именно советская женщина стала первым в истории капитаном космического корабля? <…> На этот вопрос уже ответил однажды Никита Сергеевич Хрущев: «Не ищите загадок, *господа*, их нет» [«Вечерняя Москва». 1963. 16.06].

(41) Не пожалеют ли теперь *господа* капиталисты, что они ввязались в это дело? Кампания о «принудительном труде», начатая с антисоветскими целями, уже поворачивается своим остреем против капиталистического рабства [«Известия». 1931. 11.03].

Интересно, что в обратную сторону, при переводе обращений иностранцев к представителям СССР, использованное в оригинале обращение переводится словом *господа*:

(42) *Господа* члены Президиума Верховного Совета СССР, с глубоким волнением мы (король Марокко и марокканский народ. — *А. С., Е. Г.*) восприняли весть о кончине Президента Леонида Ильича Брежнева [«Известия». 1982. 16.11].

Рис. 1. Вывеска в Москве, 21.03.2020

Однако в неофициальном общении интеллигенции (по крайней мере в позднесоветское время) *господа* могли использоваться в качестве обращения как некий протест против официального дискурса. Ср., например, частное сообщение лингвиста Е. Я. Шме-

лёвой: «В нашей компании (2 школа, МГУ) в Москве 70—80-х стандартное обращение было “господа”… к аудитории, где были и мужчины, и женщины». Вероятно, присутствовало и региональное варьирование: согласно другому частному сообщению — белорусского лингвиста М. Романовского, на рубеже 80—90-х его минские знакомые удивлялись, что в Москве, где он тогда учился, ему доводилось периодически слышать обращение *господа*; в Минске же это воспринималось исключительно иронически.

Наконец, после распада Советского Союза речевой этикет в очередной раз меняется и слово *господа*, потеряв негативную окраску, возвращается в употребление: сначала, как и после революции, недолгое время конкурируя и сосуществуя с *товарищами* (ср. пример (8) выше), затем уже полностью нейтрально. Во многом обращение *господа* вернулось к дореволюционным правилам, хотя есть и ряд отличий: в письменных объявлениях значительно чаще, чем просто отдельное слово, используется сочетание *уважаемые господа* (вероятно, в большей степени это характеризует слово *уважаемый*, чем слова *господа*: *уважаемый* начинает использоваться в обращениях лишь с 1920-х годов, а до того практически не встречается) (рис. 1). Кроме того, *господа* не используется как обращение в приятельской среде (ср. дореволюционные диалоги гимназистов), а также, по ощущениям, значительно реже, чем в дореволюционную эпоху, используется при неироничном обращении к группе людей в достаточно неформальной обстановке (например, при обращении одного гостя к другим гостям). Из новых сфер — обращение в своем посте одного посетителя форума к другим.

Отметим, что обращение во множественном числе в конце XX века ближе подошло к дореволюционному этикету, чем обращение в единственном: в современном языке оно употребляется практически исключительно с должностями, но не с фамилиями, и только в официальной обстановке (более подробное рассмотрение обращения *господин*, впрочем, не входит в цели нашей статьи).

Завершим этот фрагмент нашего исследования примером частного случая, красиво отражающего изменения речевого этикета: это телепередача «Что? Где? Когда?». В зимней серии игр 1991 года (декабрь) из интеллектуального клуба она превращается в интеллектуальное казино, и уже не позже третьей игры (19 декабря 1991 года) в ней фиксируются обращения *господа* и *господин крупье*.

* * *

Подведем итоги. С помощью корпусных данных мы показали, что в дореволюционном этикете обращение *господа* могло использоваться в отношении аудитории, включающей в себя не только мужчин, но и женщин (как и референтное употребление *господа* по отношению к представителям высшего сословия). Такое употребление встречается достаточно редко, однако связано это, вероятно, в большей степени с редкостью самой ситуации обращения к смешанной аудитории, чем с сугубо лингвистическими причинами. После революции это обраще-

ние уходит, однако постепенно начинает возвращаться во второй половине XX века, причем количество употреблений по отношению к смешанной аудитории растет, несмотря на то, что одновременно с этим резко растет количество обращений *дамы и господа*. Относительно последнего мы можем сказать, что в дореволюционных текстах оно встречается, но чрезвычайно редко и в достаточно спорных контекстах — и потому, вероятно, не может считаться стандартной и нормативной формой обращения того времени. Соответственно, выражение *дамы и господа* в русском языке следует скорее считать продуктом середины XX века, широко вошедшим в язык только в 1990-х годах.

Список литературы

Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2001.

Виноградов В. В. О языке Толстого: (50—60-е годы) // Л. Н. Толстой / АН СССР. Ин-т рус. лит. М., 1939. Кн. I. С. 117—220.

Гулыга А. Господа! // Литературная газета. 1989.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Часть первая. А—З. 1-е изд. М., 1863.

Дуличенко А. Д. Этносоциолингвистика «Перестройки» в СССР: Антология запечатленного времени. Мюнхен, 1999.

Ефремов В. А. Трансформации русского речевого этикета: обращения // Universum: Вестник Герценовского университета. 2010. №10. С. 44—48.

Кабакчи В. В., Прокшина З. Г. В чужой монастырь со своим лингвокультурным уставом: обращение // Личность, Культура. Общество. 2012. Том XIV, вып. 1, №69—70. С. 164—173.

Клубков П. А. Говорите, пожалуйста, правильно. СПб., 2004.

Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2007.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 9-е изд. М., 1972.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 21-е изд. М., 1989.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 1-е изд. М., 1992.

Пахомова И. Н. Новые явления в русском речевом этикете (на материале средств массовой информации) : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2008.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. Т. 1. А — Кюрины. М., 1935.

Шафиков С. Г. Уважительное обращение в европейских языках и проблема русского адрессива // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17, №1. С. 133—138.

Шмелёв А. Д. Эволюция русской языковой картины мира и культура речи // Russian Language Journal. 2008. Vol. 58, Special Issue: Language Culture in Contemporary Russia. P. 229—248.

Georg L. Grammaire élémentaire et pratique de la langue anglaise: Ouvrage accompagné de nombreux exercices de conversation et suivi de deux vocabulaires alphabétiques. Genève, 1868.

Wagner L. Manners, Customs and Observances: Their Origin and Significance. L., 1894.

Об авторах

Антон Александрович Сомин, научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, Россия.

E-mail: somin@tut.by

Екатерина Михайловна Гриднева, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.
E-mail: egridneva@hse.ru

Для цитирования:
Сомин А.А., Гриднева Е.М. Обращение *господа* в исторической перспективе // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №4. С. 91—107. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-8.

HISTORICAL PERSPECTIVE ON THE WORD *GOSPODA* AS A FORM OF ADDRESS

A.A. Somin[1], *E.M. Gridneva*[2]

[1] Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5793-8644
[2] National Research University Higher School of Economics
21/4 Staraya Basmannaya St., Moscow, 105066, Russia
Submitted on April 23, 2019
doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-8

Using the method of corpus analysis, this article explores the history of the Russian honorific gospoda *and related forms of address:* damy i gospoda, gospoda-tovarischi, *and other noun-noun and adjective-noun collocations (*gospoda publika uvažaemye gospoda*). It draws on examples from literature to demonstrate that although, contrary to popular belief, the honorific* damy i gospoda *is not a neologism of the end of the 20th century, it was marginal to pre-revolutionary speech. It is also shown that, albeit rarely, the word* gospoda *was used before the Russian Revolution to address a mixed company. Abandoned after the Revolution, the honorific underwent a revival in the second half of the 20th century when it was used more often to address a mixed company than it had been in tsarist times. Probably, this was accounted for by extra-linguistic factors. Special attention is given to the use of the honorific* gospoda *in periods of transition: at the beginning and end of the Soviet era and after the collapse of the USSR.*

***Keywords**: honorifics, forms of address,* gospoda, damy, *speech etiquette,* tovarishchi, *revolution*

References

Balakai, A.G., 2001. *Slovar' russkogo rechevogo etiketa* [Dictionary of Russian speech etiquette]. Moscow (in Russ.).

Vinogradov, V.V., 1939. *O yazyke Tolstogo: (50 – 60-e gody)* [Towards the language of Tolstoy: (50's and 60's)]. USSR Academy of Sciences. Institute of the Russian literature (in Russ.).

Gulyga, A., 1989. Gentlemen! *Literaturnaya gazeta* [Literary newspaper] (in Russ.).

Dal', V.I. 1863. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. Chast' pervaya. A – Z* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Part one. A-Z]. Vol. 1. Moscow (in Russ.).

Dulichenko, A.D., 1999. *Etnosotsiolingvistika «Perestroiki» v SSSR: Antologiya zapechatlennogo vremeni* [Ethnosociolinguistics of "Perestroika" in the USSR: Anthology of the Captured Time]. Munich (in Russ.).

Efremov, V. A., 2010. Transformations of the Russian speech etiquette: forms of address. *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta* [Bulletin of the Herzen University], 10, pp. 44—48 (in Russ.).

Kabakchi, V. V. and Prokshina, Z. G., 2012. When in Rome, do in your linguistic and cultural way: forms of address. *Lichnost', Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], Vol. XIV, 1 (69—70), pp. 164—173 (in Russ.).

Klubkov, P. A., 2004. *Govorite, pozhaluista, pravil'no* [Please speak correctly]. St. Petersburg (in Russ.).

Krongauz, M. A., 2007. *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva* [The Russian language on the verge of a nervous breakdown]. Moscow (in Russ.).

Ozhegov, S. I., 1972. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vol. 9. Moscow (in Russ.).

Ozhegov, S. I., 1989. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Vol. 21. Moscow (in Russ.).

Ozhegov, S. I. and Shvedova, N. Yu., 1992. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Moscow (in Russ.).

Pakhomova, I. N., 2008. *Novye yavleniya v russkom rechevom etikete (na materiale sredstv massovoi informatsii)* [New phenomena in the Russian speech etiquette (based on media)]. Ph. D. Pushkin State Russian Language Institute (in Russ.).

Ushakov, D. N., 1935. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. Tom 1. A — Kyuriny* [Explanatory dictionary of the Russian language. Volume 1. A — Kyuriny]. Moscow (in Russ.).

Shafikov, S. G., 2012. Honorifics in European languages and the problem of the Russian address form. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 17 (1), pp. 133—138 (in Russ.).

Shmelev, A. D., 2008. The evolution of the Russian linguistic picture of the world and the culture of speech. *Russian Language Journal, Special Issue: Language Culture in Contemporary Russia*, 58, pp. 229—248 (in Russ.).

Georg, L., 1868. *Grammaire élémentaire et pratique de la langue anglaise: Ouvrage accompagné de nombreux exercices de conversation et suivi de deux vocabulaires alphabétiques*. Genève.

Wagner, L., 1894. *Manners, Customs and Observances: Their Origin and Significance*. London.

The authors

Anton A. Somin, Research Fellow, Russian State University for the Humanities, Russia.

E-mail: somin@tut.by

Ekaterina M. Gridneva, PhD Student, National Research University Higher School of Economics, Russia.

E-mail: egridneva@hse.ru

To cite this article:

Somin, A. A., Gridneva, E. M. 2020, Historical perspective on the word *gospoda* as a form of address, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 4, p. 91—107. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-8.

УДК 811.161.1

ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ДРУЖЕСКИХ ОБРАЩЕНИЙ *СТАРИНА* И *СТАРИК*

И. В. Фуфаева[1]

[1] Российский государственный гуманитарный университет
125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, 6
Поступила в редакцию 05.01.2020 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-9

В статье описывается, когда и при каких обстоятельствах в русском литературном языке возникли мужские приятельские обращения «старик» и «старина» (без семантики возраста). Эти обращения активно употреблялись героями прозы эпохи хрущевской оттепели: студентами, учеными, инженерами. Исходно предполагалось, что они возникли именно в это время. Однако анализ данных Национального корпуса русского языка показал, что исследуемые обращения окончательно утратили семантику возраста задолго до оттепели; первое — к концу XIX века, второе — примерно в 1920–1930 годы. Развитие функции приятельского обращения у обеих единиц протекало сходным образом, с разницей в несколько десятилетий. Обе единицы развили эту функцию на базе использования их в качестве просторечного фамильярного обращения к незнакомому пожилому человеку. В определенный момент времени оба обращения начинали использоваться в целях языковой игры и стилизации речи, и затем обращения постепенно утрачивали отсылку к народной речи и семантику возраста. Первым этот путь прошло обращение «старина»; что касается обращения «старик», то, по-видимому, использование его как приятельского обращения без семантики возраста первоначально протекало в рамках групповых языков.

***Ключевые слова**: русский язык, разговорная речь, социолингвистика, лексика, обращения, корпусной анализ, метонимия*

Обращением к знакомому может служить не только имя, но и в разной степени специализированные слова, например в письмах Пушкина Вяземскому: *моя прелесть, мой милый аристократ*; в разговорах современных болельщиков — *братан*[1]; крестьянки XIX века, по свидетельству В.И. Даля, «иногда… ласково обзывают друг друга *девицей, девахою*». В настоящей работе исследовались два однокоренных русских приятельских обращения *старина* и *старик*, в которых функция дружеского обращения к знакомому, без семантики возраста, развивалась постепенно и похожим путем.

В Толково-словообразовательном словаре Ефремовой *старина* «2. *перен.* Употребляется как фамильярно-ласковое обращение к приятелю, знакомому и т.п.»; *старик* — «4. *разг.* Употребляется как фамильярно-

[1] [Алик, муж., 21, студент] Привет / *братан* [Разговор болельщиков в баре о футболе (2007) // НКРЯ].

© Фуфаева И.В., 2020

ласковое обращение к давнему другу, приятелю». В Словаре Ожегова, Шведовой 2006 года исследуемое значение слова *старик* — «5 — «Дружеское обращение к приятелю (разг.)», *старина* «то же, что старик (в 5 знач.), преимущ. в обращении».

Две единицы были выбраны как часть культурного пласта эпохи оттепели, «мифа шестидесятых», связанную с прозой советских шестидесятников. Следующие примеры «оттепельного дискурса» соответствуют «открытию», расцвету и «закрытию» эпохи[2]:

(1) — Да, *старина*, молоды мы были, глупы и симпатичны, как телята, — сказал Виктор. <…> Андрей согласился. После приема, оказанного в лаборатории, встреча с Виктором казалась подарком судьбы»; «Виктор покачал головой. — …Ты не обижайся, *старик*, но большей частью так бывает. Собирал я материалы по регулированию, дал кое-кому посмотреть, а они, голубчики ученые, тиснули в книжку, даже фамилии моей не упомянули [Даниил Гранин. Искатели (1954)] (один и тот же персонаж обращается к другу);

(2) Он улыбается и говорит: — Слушай, *старик*, не подкинешь ли ты мне четвертную? Я подкидываю ему «четвертную» [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961];

(3) (С волнением.) *Старина*, ты прости за глупый разговор, но скажи, *старик*, как ты ко мне относишься? [Александр Вампилов. Утиная охота (1968)].

И в этих, и во многих других контекстах эти слова используют персонажи из интеллигентной среды: ученые, инженеры, студенты.

Изучаемые обращения исследовались с точки зрения их генезиса — действительно ли их возникновение приходится на середину XX века. Использовался корпусной анализ.

1. Старина

Исходное значение слова неодушевленное. По формулировке В. В. Виноградова, *старина* изначально означало ‘старое, бывалое’. «Нерасчлененно… собирательное, отвлеченное и конкретное», «*старина* могло обозначать и старое время, и старый быт, и старый обычай, старый предмет… <…> …конкретно-личное значение ‘старичок’ сложилось в устной речи позднее (то есть позже XV—XVI веков. — *И. Ф.*)».

По-видимому, это значение появилось в устной речи не раньше конца XVIII века. Словарь русского языка XI—XVII веков, Словарь Академии Российской 1794 года, Словарь языка Пушкина не фиксируют одушевленного (личного) значения слова, в НКРЯ оно появляется с указанием на 1820 год:

[2] Об эволюции прозы шестидесятых от наивного оптимизма до амбивалентного романтизма и затем тотальной безнадежности и разочарования см. (М. Н. Липовецкий, 2000).

(4) …чиновник сказал: — Шевелись, *старина*! Видно, вашу братью здесь балуют крепко, что вы еще смеете спорить! — Я не спорю, сударь, — отвечал купец… [Ф.В. Булгарин. Иван Иванович Выжигин (1829)] (роман публиковался фрагментами с 1825 г.).

В середине XIX века это значение фиксирует В.И. Даль: ‘Старина, старинушка м. старик, старый человек’, при этом оба его примера — именно обращения: «А что, *старина*, много ль тебе лет? Присядь, *старинушка*, да отдохни!»

Поскольку обращение к пожилому человеку фиксируется раньше аналогичной номинации, одушевленное значение могло развиться из метонимического обращения, ср. *радость моя, горюшко мое*[3]. Адресат почти всегда простого звания, в том числе незнакомый. Коннотации: снисходительность или грубость, обычно в контексте приказа (см. пример выше), если статус адресанта выше (чиновник, дворянин), и фатическая функция в случае равного статуса:

(5) Что ты, *старина*! Ведь они его прибили! [Н.А. Полевой. Клятва при гробе Господнем (1832)].

В 1820—1840 годы обращение *старина* употребляется в модной в то время исторической прозе Булгарина, Полевого, Лажечникова, Кукольника, Загоскина, возможно, для архаизации слога[4]; в описании современных событий — при передаче простонародной речи, очень обильно — в «Хозяйке» Достоевского (1847), раскритикованной за искусственность языка и героев. Ср. замечание Тургенева:

(6) — Ну, что, размежевался, *старина*? — спросил г-н Пеночкин, который явно *желал подделаться под мужицкую речь* и мне подмигивал [И.С. Тургенев. Бурмистр (1847)].

Таким образом, слово *старина* в это время выступало еще и маркером условно народной речи.

Лексикографы долго отмечали лишь это значение, но не исследуемое нами приятельское *старина* без семантики возраста: у Ушакова в 1930-х годах: «То же, что старик в 1 знач., преимущ. в обращении к старику (разг. фам.)»; у Ожегова в 1985 году: «разг. старик, преимущ. в обращении». Значение ‘обращение к приятелю без семантики возраста’ появляется впервые лишь в 2000 году в словаре Ефремовой. Анализ НКРЯ показывает, что функция приятельского обращения складывается значительно раньше.

В начале 1830-х годов П.А. Вяземский обращается так к поэту, герою войны 1812 года Денису Давыдову, но в его произведении налицо

[3] Отметим окказиональное употребление слова Петром I как номинации человека (механика А. Нартова), по свидетельству сына Нартова: «…когда… он в ту же шлюбку с фрегата сошел, то… граф Толстой, о такой милости возревновав, говорил: “Что за новизна, Ваше величество?” — “Не новизна, а *старина* знакомее тебя!” — отвечал Петр Великий» [А.А. Нартов. Рассказы о Петре Великом (1785—1786)].

[4] На самом деле — псевдоархаизации.

нарочито народные слог и образ адресата, а также героизация *старого* гусарства и, соответственно, семантика возраста (все эти черты делают стихотворение стилизацией в духе самого Дениса Давыдова):

(7) Эй да служба! Эй да дядя!
Распотешил, *старина*!
На тебя, гусар мой, глядя,
Сердце вспыхнуло до дна [П. А. Вяземский. К старому гусару (1832) // П. А. Вяземский. Стихотворения. Библиотека поэта. Большая серия. Л. : Советский писатель, 1986, 1958] (поэтический корпус НКРЯ).

Тем не менее это употребление свидетельствует о возможности использования обращения между образованными людьми, пусть как игрового и с намеком на зрелый возраст.

В тургеневском «Рудине» (1856), злободневном романе с реальными прототипами, приятельское *старина* в коммуникации образованных людей уже лишено признаков стилизации, игры в народность:

(8) Чокнемся, брат, и давай-ка, по-старинному: Gaudeamus igitur! <…> …помни, что бы с тобою ни случилось, у тебя всегда есть… гнездо, куда ты можешь укрыться. Это мой дом… слышишь, *старина*? [И. С. Тургенев. Рудин (1856)].

Это обращение к главному герою, потерпевшему крах идеалисту, некогда товарищу говорящего, Лежнева, по либеральному кружку. Коннотации обращения, исходя из контекста: сочувствие, товарищество (в этой финальной коммуникации исчезает скептическое отношение говорящего к адресату), но, видимо, сохраняется семантика возраста, так как в описании Рудина (ему около 40, Лежневу — около 35) подчеркнуто: «…почти совсем седой и сгорбленный…» По романному времени коммуникация происходит в 1846—1847 годах, поскольку уже в 1848 году Рудин погибает на парижских баррикадах.

Вероятно, единица постепенно, через игру и стилизацию, заимствовалась из народной речи в разговорный стиль литературного языка, использовалась для интимизации коммуникации (ср. *мужики* в речи носителей литературного языка во второй половине XX века[5]) и постепенно теряла сначала игровой характер, а затем семантику возраста. Тем не менее в контекстах НКРЯ, относящихся к XIX веку, превалирует ‘обращение к простому старику’: пожилым слугам, крестьянам, извозчикам и т. п. Отклонения составляют не более десятой части случаев и отличаются, например, дружескостью, хотя и при более низком статусе адресата, см. пример из романа Н. С. Лескова, где адресат до этого характеризуется автором как «*чудак и престарелый недоучка*»:

[5] Отраженной в бардовских песнях 1960-х годов, ср. эпиграф и обращение к коллегам по эксперименту в финале песни физика-барда В. Канера, написанной в 1968 году (автору 28 лет): «И снова станем просто *мужики*».

(9) …отец Савелий вздохнул и сказал: век наш ветхий выдает нас с тобой, *старина*, в поношение неверкам [Н.С. Лесков. Чающие движения воды (1867)].

В коммуникации образованных героев обращение встречается как крайне фамильярное, насмешливое, а также как фамильярное обращение к пожилому отцу, с коннотациями от издевки (Петр Верховенский) до снисходительной жалости (Базаров, при сообщении о своей скорой смерти) и снисходительной нежности («Гарденины»).

Приятельское *старина,* полностью лишенное семантики возраста, неравенства, снисходительности, насмешки появляется в НКРЯ уже в примерах XX века:

(10) — Ну, *старина*, лицо-то у тебя другое стало... [С.Д. Мстиславский. Крыша мира (1905)] (разговор приятелей, студентов-исследователей, героев романтической и фантастической повести).

(11) — Бросьте, *старина*, идемте лучше завтракать в кофейню Исакова, — предложил Боб Денисов [Л.А. Чарская. Мой принц (1915)] (коммуниканты — студенты драматического училища).

Но еще раньше приятельское *старина* входит в НКРЯ как перевод фр. *mon vieux* ‘дружище’, буквально ‘мой старик’:

(12) …поэт… изложил мотивы этого отказа в «Советах Лизы». «Заняв место, предлагаемое вам другом, — говорила поэту красавица Лиза, — вы не посмеете, *старина*, при громе его денежных сундуков воспевать права…» [М.В. Барро. Пьер-Жан Беранже. Его жизнь и литературная деятельность (1891)].

и как «квазиперевод» в изображении речи художественного персонажа — иностранца:

(13) Хозяин гостиницы, толстый янки, встретил Брукса восклицанием: — Целыми доехали, *старина*? [К.М. Станюкович. Похождения одного матроса (1900)].

Таким образом, по данным НКРЯ, к началу XX века у слова *старина* уже имелось значение приятельского мужского обращения независимо от возраста, которое могло употребляться образованными людьми, а также использоваться как перевод дружеского обращения или изображение неопределенного иноязычного обращения в речи персонажа-иностранца. Само возникновение обращения не связано с культурой «шестидесятников».

2. Старик

Исходное *старик* ‘старый мужчина’ не было специализированным обращением, но фигурирует в контекстах НКРЯ как обращение в народной речи к 1) незнакомому пожилому человеку:

(14) — Вот что, *старик*, — начала Фекла, заглядывая ему пристально в лицо, — ступай-ка ты лучше от нас с богом… [Д. В. Григорович. Бобыль (1847)];

2) отцу, фамильярно:

(15) Федя не упускал случая подтрунить над отцом. «Чего, *старик*, разжалобился?» [И. С. Тургенев. Хорь и Калиныч (1847)].

Ср. более позднее крайне фамильярное просторечное обращение к незнакомому пожилому адресату в записи И. А. Ильфа:

(16) — Ну что, *старик*, в крематорий пора? [И. А. Ильф. Из записных книжек (1927—1928)].

Ранние вхождения в НКРЯ *старик* как приятельского обращения (с остаточной семантикой возраста и более низкого статуса адресата) указывают на тот же механизм развития значения ‘дружеское обращение к приятелю (разг.)’ (в Словаре Ожегова, Шведовой «значение 5»), что и у *старина*: заимствование народного обращения определенными кругами интеллигенции со сменой коннотаций с грубо-фамильярных на приятельские и затем утрата семантики возраста и свойства маркировать низший статус адресата.

Первое вхождение как приятельского обращения в НКРЯ содержится в мемуарах художника М. В. Нестерова. Адресант: художник В. М. Васнецов (45 лет), расписывающий собор в Киеве в 1893 году, адресат: художник П. О. Ковалевский (50 лет), в это время житель Киева. Мемуарист подчеркивает возраст адресата. Коммуникация не вполне равноправна: Васнецов по-дружески смягчает отказ другу в избыточном общении.

(17) Время было горячее, не до гостей. …помню, Виктор Михайлович с лесов говорит: «Ну что, *старик* (они были приятели на “ты”), полезай ко мне сюда, поговорим».

(18) …когда Павел Осипович приходил к Васнецову и так засиживался, тот, на правах старого друга, бывало, скажет: «Ну, *старик*, иди-ка с Богом! Вот я тебе поднесу “посошок” на дорогу, да и иди. Завтра вставать надо рано» [М. В. Нестеров. О пережитом. 1862—1917 гг. Воспоминания (1926—1928)].

Следующие контексты 1920-х годов уже полностью лишены семантики возраста и неравноправия коммуникантов: так обращаются друг к другу молодые люди, связанные крепкой дружбой, в сложных, экстремальных или радостных ситуациях.

(19) — Ну? Безайс оглядел ровную, уходящую вперед дорогу и вздохнул. (…) — Мы влипли, *старик*. …все равно, вперед или назад.

(20) — *Старик*, мне самому это не нравится. …он поднял голову и глубоко вздохнул. Надо было перешагнуть и через это [Виктор Кин. По ту сторону (1928)] (семь взаимных обращений в тексте повести, основанной на дальневосточных событиях 1921 года; коммуниканты — 18-летние близкие друзья, прошедшие революцию и гражданскую войну).

(21) — Ах ты, *старик* мой милый, военком ты мой грозный! Дай я тебя еще раз облаплю, — потянулся снова к гостю Косаговский [Мих. Зуев-Ордынец. Сказание о граде Ново-Китеже // Всемирный следопыт, 1930] (встреча фронтовых друзей в конце 1920-х годов).

Сходство биографий Кина и Зуева-Ордынца, участвовавших в подростковом возрасте в революции и гражданской войне, заставляет предположить возможную принадлежность обращения групповому языку участников этих событий. С другой стороны, цитируемые тексты писались уже в конце 1920-х годов, и обращение могло быть анахронизмом, отразившим язык журналистского и / или писательского сообщества.

Наконец, три вхождения 1930-х годов из двух произведений М. А. Булгакова связаны с литературной и театральной жизнью, все говорящие — литераторы (с реальными прототипами).

(22) [Пончик-Непобеда, 35, литератор, муж] Здорово, *старик*! Ах, и Ева здесь? [М. А. Булгаков. Адам и Ева. Пьеса в четырех актах (1931)].

(23) «Запомните это, *старик*!» Слово «старик» явно относилось ко мне. Я похолодел (говорящий — пожилой литератор, обсуждение романа рассказчика во время застолья) [М. А. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман) (1936—1937)] (первая уничтоженная редакция 1929—1930 годов).

(24) «— Ну, брат, — вскричал Ликоспастов, — ну, брат! <…> Эсхил, Софокл и ты! <…> Давай почеломкаемся, *старик*!» (говорящий — драматург, завистник, узнает о принятии пьесы рассказчика к постановке) [М. А. Булгаков, там же].

Реакция удивления у адресата (рассказчика) на обращение *старик* вновь говорит о возможном узком распространении обращения в языке литературно-театральной богемы.

Итак, обращение *старик* развивает ту же функцию, что и *старина*, видимо, с помощью аналогичного механизма, но позже как минимум на два десятилетия. В словарях значение «дружеское обращение к приятелю» появляется также лишь в издании Ожегова, Шведовой[6].

Приятельское обращение *старик* возникло раньше середины XX века, правда, возможно, первое время оставалось узкогрупповым, характерным, в частности, для языка литературно-театральной богемы.

Таким образом, неформальные приятельские мужские обращения *старина* и *старик* появились в русском языке в разное время: первое

[6] Ушаков отмечал, что у слова «старик» появилось значение без семантики возраста: «Человек, давно служащий или работающий где-н. (разг. фам.).

окончательно утратило семантику возраста к концу XIX века, второе — примерно в 1920—1930 годы. К моменту возникновения «шестидесятнического» дискурса, в котором они были активно востребованы, эти единицы уже имелись в русском языке.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-78-10081) «Политкорректность в русском языке и русской культуре».

Список литературы

Виноградов В. В. История слов. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/ (дата обращения: 30.04.2020).

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1981—1982 (репринт издания 1880—1882 гг.).

Даниленко В. П. Блеск остроумия А. С. Пушкина в письмах к П. А. Вяземскому и Н. Н. Пушкиной // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 4 (21). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/blesk-ostroumiya-a-s-pushkina-v-pismah-k-p-a-vyazemskomu-i-n-n-pushkinoy/ (дата обращения: 30.04.2020).

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. М., 2000. Т. 2.

Липовецкий М. Н. «Шестидесятники» как «потерянное поколение»: трагикомедии Александра Вампилова (1937—1972) // Континент. 2000. №104. URL: https://magazines.gorky.media/continent/2000/104/shestidesyatniki-kak-poteryannoe-pokolenie-tragikomedii-aleksandra-vampilova-1937-1972.html (дата обращения: 30.04.2020).

Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 19.05.2020).

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2006.

Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990.

Словарь Академии Российской : в 6 т. СПб., 1789—1794. Ч. 5.

Словарь русского языка XI—XVII вв. URL: http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii (дата обращения: 01.05.2020).

Словарь языка Пушкина : в 4 т. / отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. М., 2000. Т. 4.

Толковый словарь / под ред. Д. Н. Ушакова : в 4 т. М., 1935. Т. 4.

Об авторе

Ирина Владимировна Фуфаева, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, Россия.

E-mail: iriel@inbox.ru

Для цитирования:

Фуфаева И. В. История появления в русском языке дружеских обращений *старина* и *старик* // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №4. С. 108—117. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-9.

HISTORY OF THE WORDS *STARINA* AND *STARIK* AS TERMS OF FRIENDSHIP IN RUSSIAN

I. V. Fufaeva[1]

[1] Russian State University for the Humanities,
125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya square, 6, Russia
Submitted on April 23, 2020
doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-9

This article explores when and under what circumstances the words starik *and* starina *emerged as terms of friendship in standard Russian language. These terms were often used by male characters in the prose of the Khrushchev Thaw — students, scientists, and engineers. It was initially assumed that these words had become forms of address at that time. Analysis of data from the Russian National Corpus shows that these terms of friendship date back earlier than that.* Starik *was used to address a male friend in the 19th century and* starina *in the 1920s—30s. Decades apart, the two words started to function as terms of friendship in a very similar way. Both were used at first to address an elderly stranger. At some point, they turned into means of language play and speech stylisation to finally lose their connection to folk speech and the semantics of age. The first one to complete the transformation was the word* starina. *As to* starik, *it apparently began to be used as a term of friendship in languages of groups.*

Keywords: *Russian, colloquial speech, sociolinguistics, vocabulary, references, corpus analysis, metonymy*

References

Vinogradov, V.V., n.d. *Istoriya slov* [History of words]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/ [Accessed 30 May 2020] (in Russ.).

Dal', V.I., 1880—1882. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes.]. Reprint 1981—1982. Moscow (in Russ.).

Danilenko, V.P., 2012. The brilliance of wit A.S. Pushkin in letters to P. A. Vyazemsky and N. N. Pushkina. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University], 4(21). Available at: https://cyberleninka. ru/article/n/blesk-ostroumiya-a-s-pushkina-v-pismah-k-p-a-vyazemskomu-i-n-n-pushkinoy/ [Accessed 30 April 2020] (in Russ.).

Efremova, T.F., 2000. *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi : v 2 t.* [The new dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational: in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).

Lipovetskii, M.N., 2000. "The Sixties" as a "lost generation": the tragicomedy of Alexander Vampilov (1937—1972). *Kontinent* [Continent], 104. Available at: https://magazines.gorky.media/continent/2000/104/shestidesyatniki-kak-poteryannoe-pokolenie-tragikomedii-aleksandra-vampilova-1937-1972.html [Accessed 30 April 2020] (in Russ.).

NKRYA, n.d. *Natsional'nyj korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: http://www.ruscorpora.ru [Accessed 19 May 2020] (in Russ.).

Ozhegov, S.I. and Shvedova, N.Yu., 2006. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions]. Vol. 4. Moscow (in Russ.).

Berdyaev, N.A., 1990. *Smysl istorii* [The meaning of history]. Moscow (in Russ.).

Imperial Academy of Sciences, 1789—1794. *Slovar' Akademii Rossiiskoi: v 6 t.* [Dictionary of Russian Academy: in 6 volumes]. Vol. 5. St. Petersburg (in Russ.).

Nauka, n. d., *Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv.*[Dictionary of the Russian language of the 11th — 17th centuries]. Available at: http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii [Accessed 1 May 2020] (in Russ.).

Vinogradov, V. V., ed., 2000. *Slovar' yazyka Pushkina: v 4 t.* [Dictionary of the language of Pushkin: in 4 volumes]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).

Ushakov, D. N., ed., 1935. *Tolkovyj slovar': v 4 t.* [Explanatory dictionary: in 4 volumes]. Vol. 4. Moscow (in Russ.).

The author

Dr Irina V. Fufaeva, Research Fellow, Russian State University for the Humanities, Russia.

E-mail: iriel@inbox.ru

To cite this article:

Fufaeva, I. V. 2020, History of the words *starina* and *starik* as terms of friendship in Russian, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 4, p. 108—117. doi: 10.5922/2225-5346-2020-4-9.

ТРЕБОВАНИЯ К ПОДГОТОВКЕ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — до 1,5 п.л.; научного сообщения — до 0,5 п.л. (включая заглавие, аннотацию, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках).

4. Все присланные в редакцию рукописи проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку по системе «Антиплагиат», по результатам чего принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Уровень оригинальности авторских материалов по данным системы «Антиплагиат» должен составлять не менее 80 % (с учетом оформленного цитирования и самоцитирования).

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Для рассмотрения редакционной коллегией статья может быть отправлена по электронной почте главному редактору либо ответственному редактору журнала. Также статья может быть подана на рассмотрение через электронную форму на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: *http://journals.kantiana.ru/*

7. Решение о публикации (доработке, отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК, который должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: *http://www.naukapro.ru/metod.htm*);
- название статьи строчными буквами на русском и английском языках;
- аннотацию на русском и summary на английском языке (200—250 слов); аннотация располагается перед ключевыми словами после заглавия, summary — после статьи перед references;
- ключевые слова на русском и английском языках (4—10 слов); располагаются перед текстом после аннотации;
- список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, и references на латинице (Harvard System of Referencing Guide);
- сведения об авторе(-ах) на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, почтовый адрес места работы).

2. Оформление списка литературы.

• Список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, приводится в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации. Сначала перечисляются источники на русском языке, затем — на иностранных языках.

Если в списке литературы есть несколько публикаций одного автора одного года издания, то рядом с годом издания каждого источника ставятся буквы *а, б* и др. Например:

Брюшинкин В. Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148—167.

Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht ; Boston ; L., 1992.

• Источники, опубликованные в интернет-изданиях или размещенные на интернет-ресурсах, должны содержать точный электронный адрес и обязательно дату обращения к источнику (в круглых скобках) по образцу:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (дата обращения: 09.11.2009).

3. Оформление references.

В английский блок статьи необходимо добавить список литературы на латинице (references), оформленный по требованиям *Harvard System of Referencing Guide*: сначала дается автор, затем год издания. В отличие от списка литературы, где авторы выделяются курсивом, в references курсивом выделяется название книги (журнала). В квадратных скобках дается перевод на английский язык названия указанного источника, если он издан не на латинице. Например:

Книга на кириллице: Borisov, K.G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskih svjazej v sovremennoj vseobshhej sisteme gosudarstv* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern system of universal], Moscow, 363 p.

Книга на латинице: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Журнальная статья на кириллице: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja prioritety mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of international scientific and technological cooperation between Russia], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143—155, available at: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Журнальная статья на латинице: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83—101.

Более подробно с правилами составления references можно ознакомиться на сайте: *libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm*

4. Оформление ссылок на литературу в тексте.

• Ссылки на литературу в тексте даются в круглых скобках: автор или название источника из списка литературы и через запятую год и (для цитаты) номер страницы: (Кант, 1994а, с. 197) или (Howell, 1992, p. 297).

• Ссылка на многотомное издание: автор или название источника из списка литературы, затем через запятую год, номер тома и номер страницы: (Шопенгауэр, 2001, т. 3, с. 22).

5. Предоставленные для публикации материалы, не отвечающие вышеизложенным требованиям, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены ***в электронной форме*** в формате А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: *https://journals.kantiana.ru/journals/slovoru/pravila-oformleniya/*

Порядок рецензирования рукописей

1. Все рукописи, поступившие в редколлегию, проходят двойное «слепое» рецензирование.

2. Главный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования определяются с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии устанавливается:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли в данной области;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом имеющейся по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале.

5. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, главный редактор журнала направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная к публикации хотя бы одним из рецензентов, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией.

9. После принятия редколлегией решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редакции журнала в течение пяти лет.

SLOVO.RU: THE BALTIC ACCENT JOURNAL

Guide for authors

1. The journal welcomes relevant and novel contributions. Articles submitted should include problem formulation, results, and conclusions and comply with the guide requirements.

2. Submitted materials should be original and not published elsewhere. Upon submitting an article to the journal, the author undertakes not to publish the article elsewhere, in whole or in part, without consent from the editorial board of the journal.

3. The recommended length of an article is 40,000 characters and that of a report is 20,000 characters with spaces, abstracts, keywords, and references in Russian and English.

4. All submitted contributions are subject to double-blind peer review and plagiarism scanning. The acceptable similarity index is below 20%.

5. There is no charge for publication.

6. To be considered by the editorial board, contributions are submitted via e-mail to the editor-in-chief or the publishing editor. Alternatively, authors can use the submission form on the IKBFU Journals website at *http://journals.kantiana.ru/*

7. The decision on the acceptance, improvement, or rejection of articles is made by the editorial board, following peer review and discussion.

Article structure and style

1. Contributions should include:

- a Universal Decimal Classification index (UDC) most relevant to the topic of the article;
- the title of the article in English and Russian, all lowercase;
- abstracts in English and Russian (200—250 words); the abstract in Russian is placed after the title and before the keywords; the summary in English is placed after the body of the article and before the references;
- keywords in Russian and English (4—10 words); keywords are placed before the body of the article after the abstract;
- references in Russian prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 and Harvard-style references in the Latin script;
- a brief autobiographical note in Russian and English, including the full name(s), academic title(s), affiliation(s), e-mail address(es), phone number(s), and work address(es) of the author(s).

2. References.

• References prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 are given at the end of the article in alphabetical order, unnumbered. Sources in Russian are listed first, followed by those in foreign languages. If works that have the same author and were written in the same year are cited, a lowercase letter (*a, b,* etc.) should be used after the date to differentiate between the works. For example:

Брюшинкин В.Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148—167.

Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht; Boston; L., 1992.

• If an online source is cited, the reference should include the exact URL for the article and the date of accession, parenthesised. For example:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (accessed 09.11.2009).

3. References in the Latin script.

The English-language part of the article should contain Harvard-style references in the Latin script: name of the author(s) followed by the year of publication. The title of the book (journal) should be italicised. If a work has not been published in a language using the Latin script, an English translation of the title should be provided in brackets. For example:

Cyrillic-script book: Borisov, K. G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskih svjazej v sovremennoj vseobshhej sisteme gosudarstv* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern universal system of states], Moscow.

Latin-script book: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Cyrillic-script article: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja prioritety mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of Russia's international scientific and technological cooperation], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143—155, available from: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Latin-script article: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83—101.

For more details on Harvard-style referencing, see *libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm*

4. In-text referencing.

• In-text references should be parenthesised and include the name(s) of the author(s), the year of publication, and the page number (for citations), separated by commas. For example: (Howell, 1992, p. 297).

• References to multi-volume works: the name(s) of the author(s), the year of publication, the volume number, and the page number, separated by commas (Scchopenhauer, 2001, 3, 22).

5. A failure to meet the above requirements may result in the rejection of a manuscript.

Formatting

Manuscripts should be submitted in an electronic format as an a4-size document (210 × 297 mm).

Contributions are accepted in the *doc* and *docx* formats only (Microsoft Office).

For more details on the text, table, and figure formatting and referencing, see the IKBFU Journals website at

https://journals.kantiana.ru/journals/ slovoru/pravila-oformleniya/

Peer review process

1. All submitted contributions are subject to double-blind peer review.

2. The editor-in-chief establishes whether submitted works fit the scope and comply with the standards of the journal and submits them for review to an expert with relevant qualifications, holding a doctoral or postdoctoral degree.

3. The review period is such as to ensure prompt publication of accepted articles.

4. The review establishes:

a) whether the content of the article corresponds to its title;

b) whether the contribution is in line with the latest findings in the field;

c) whether the language, style, and layout of the text, tables, diagrams, figures, and formulae make the work clear to readers;

d) whether the article contains original research;

e) what the strengths and weaknesses of the article are and what improvements should be made;

f) whether the manuscript is suitable for publication in the journal.

5. The review is sent to the author via e-mail.

6. If a reviewer recommends reworking the article, these recommendations are sent to the author with suggestions for revision. The author(s) has(ve) the right to defend his/her(their) position. A revised article is resubmitted for review.

7. An article that has been rejected by at least one reviewer cannot be resubmitted. The text of a negative review is sent to the author via e-mail, fax, or regular mail.

8. A positive review is a necessary but not sufficient condition for publication. A final decision is made by the editorial board.

9. If a positive decision is made, the publishing editor notifies the author(s) and inform him/her(them) of the publication date.

10. The editorial board keeps reviews for five years.

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT

2020

Том / Vol. 11
№ 4

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ И РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ

Тематический выпуск

SPEECH AGGRESSION AND SPEECH ETIQUETTE

Thematic issue

Редактор *Е. Т. Иванова.* Корректор *Е. А. Алексеева*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Copy-edited by *E. Ivanova*, *E. Alekseeva*
Layout by *G. Vinokurova*

Подписано в печать 06.11.2020 г.
Формат 70×108 1/16. Усл. печ. л. 10,9
Тираж 120 экз. (1-й завод — 80 экз.). Заказ
Свободная цена

Signed 06.11.2020
Page format 70×108 1/16. Reference printed sheets 10,9
Edition 120 copies (first print: 80 copies). Order
Free price

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
6 Gaidara st., Kaliningrad, 236022, Russia